

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений
Институт археологии и культурного наследия
Кафедра истории древнего мира

ANTIQVITAS IVVENTAE

Сборник научных статей студентов и аспирантов

Издается с 2005 года

Выпуск 8–9

Саратов
Издательство Саратовского университета
2014

УДК 9(37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43
А62

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ :

А. В. Короленков, кандидат исторических наук,

Е. В. Кузнецова, кандидат исторических наук,

А. А. Савинов (отв. секретарь),

Е. В. Смыков, кандидат исторических наук (отв. редактор),

Н. Б. Чурекова, кандидат исторических наук

ANTIQVITAS IVVENTAE : сб. науч. ст. студентов и
А62 аспирантов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2014. –
Вып. 8–9. – 268 с. : ил.
ISSN 2312-0258

Сборник содержит статьи студентов и аспирантов – участников научных конференций «Antiquitas Iuventae», проводившихся на базе Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета в апреле 2012 и 2013 гг. Представленные в сборнике работы посвящены различным аспектам истории античной Греции, Рима и Северного Причерноморья.

Для студентов, аспирантов и всех интересующихся историей древнего мира.

УДК 9(37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43

Работа издана в авторской редакции

ISSN 2312-0258

© Саратовский государственный
университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ-----	6
------------------------	---

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА, ГРЕЦИИ И ЭЛЛИНИЗМА

МАСАЛОВА К. Ю. (КИЕВ) СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЦЕНЫ С СЫНОВЬЯМИ ХОРА И «ПОГРЕБЕНИЕ ОСИРИСА» 17-й ГЛАВЫ КНИГИ МЕРТВЫХ В ПТОЛЕМЕЕВСКИЙ ПЕРИОД: ДИСПОЗИЦИИ БОГОВ-----	11
ШЕЛЕСТИН В. Ю. (МОСКВА) СМЕРТЬ В СУКЦИИ: К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ДРЕВНЕХЕТТСКОЙ ОППОЗИЦИИ С ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМИ ВРАГАМИ -----	22
ЗМИТРЯКОВА Ю. О. (КАЗАНЬ) ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТОВО-РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА ПОЧИТАНИЯ ГЕРОЕВ: К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ КУЛЬТА ГЕРОЕВ И КУЛЬТА БОГОВ -----	34
ФРЕШЕР Ю. А. (САРАТОВ) ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ НАДПИСЕЙ НА ПАНАФИНЕЙСКИХ АМФОРАХ -----	46
КОНДРАШУК Р. А. (ЧЕЛЯБИНСК) РЕФОРМА АРЕОПАГА 462 Г. ДО Н.Э. В ОТРАЖЕНИИ ТРАГЕДИИ ЭСХИЛА «ЭВМЕНИДЫ» -----	57
ВОСТРИКОВ И. В. (КАЗАНЬ) АФИНСКАЯ ЭФЕБИЯ ДО ЭПОХИ ЛИКУРГА-----	68
БЕРЗОН Е. М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ГЕРМИЙ – «ЗАВЕДУЮЩИЙ ДЕЛАМИ» АНТИОХА III -----	82

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА И РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

НЕСТЕРЕНКО А. Е. (Челябинск) Рим и Вифиния во II – первой трети I вв. до н.э.: ПРОЦЕСС «МИРНОЙ ЭКСПАНСИИ» -----	99
МАКАРОВ Е. В. (Калуга) К ВОПРОСУ О РОЛИ ИТАЛИЙСКИХ СОЮЗНИКОВ В АРМИИ РИМА В ГОДЫ II-й ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ-----	111
МЕРКУЛОВ И. В. (Волгоград) LEX MARIA TABELLARIA 119 В.С.: К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГАЯ МАРИЯ С КЛАНом МЕТЕЛЛОВ -----	124
ГУСЬКОВ Е. А. (Саратов) ПРЕТОРИАНСКИЕ КОГОРТЫ ПЕРИОДА II ТРИУМВИРАТА -----	138
ЧЕРНЫШОВ Л. В. (Калуга) РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ФЕДЕРАТЫ В IV–V вв. н.э.: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ТЕРМИНАМИ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ -----	152
ВАЛОВА Е. В. (Саратов) БОГОРОДИЦА И БОГИНЯ-МАТЬ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ АНТИТЕЗА? -----	158

АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ, РЕЦЕПЦИЯ

ВЕНЦОВА М. И. (Донецк) СТРУКТУРА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НЕКРОПОЛЕЙ БОСПОРА-----	171
ИВАЩЕНКО М. В. (Саратов) УТОЧНЕНИЕ СПИСКА ИМЕН МАГИСТРАТОВ, КОНТРОЛИРОВАВШИХ КЕРАМИЧЕ- СКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГЕРАКЛЕЕ ПОНТИЙСКОЙ-----	186

ШАШЛОВА Т. Ю. (САРАТОВ) ЛИДИЙСКОЕ ЦАРСТВО И ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА ЮЖНОГО ПОНТА -----	196
МАСТРИДЕЕВ Д. В. (САРАТОВ) АРХОНТ ГИГИЕНОНТ – НЕИЗВЕСТНЫЙ ДИНАСТ БОСПОРА -----	209
КОРНЕЙЧУК П. П. (САРАТОВ) СКИФСКИЙ ПОХОД ЗОПИРИОНА -----	217
ЛУШИНА М. Г. (САРАТОВ) ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА ПРОМЕТЕЯ -----	227
АШАЕВА А. В. (КАЗАНЬ) АНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ: ИННОВАЦИЯ ИЛИ ВОСПРИЯТИЕ ТРАДИЦИИ? -----	238
КОЛОКОЛОВА Н. С. (САРАТОВ) ДРЕВНИЙ РИМ ГЛАЗАМИ ЕГО НАСЛЕДНИКОВ (РИМСКИЕ ТЕМЫ ИТАЛЬЯНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА) -----	247
<i>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</i> -----	263

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИБ	Археология и история Боспора. Симферополь
АМА	Античный мир и археология. Саратов
БИ	Боспорские исследования. Симферополь ; Керчь
БФ	Боспорский феномен. Санкт-Петербург
ВДИ	Вестник древней истории. Москва
ДБ	Древности Боспора. Москва
ИАК	Известия археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИРАИМК	Известия Российской академии истории материальной культуры. Ленинград
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград ; Москва
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МНМ	Мифы народов мира. Москва
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАИБ	Очерки археологии и истории Боспора. Москва, 1992
РА	Российская археология. Москва
СА	Советская археология. Москва
САИ	Свод археологических источников. Москва
АJA	American Journal of Archaeology. Boston (Massachusetts)
AJPh	American Journal of Philology. Baltimore
ВСН	Bulletin de Correspondence Hellénique. Paris
САН	Cambridge Ancient History

ClAnt	Classical Antiquity. Berkeley (California)
ClPh	Classical Philology. Chicago (Illinois)
CIR	Classical Review. Oxford
CQ	Classical Quarterly. Oxford
CVA	Corpus Vasorum Antiquorum
HSClPh	Harvard Studies in Classical Philology.
IG	Inscriptiones Graecae. Berlin
IOSPE	<i>Latyshev V.V.</i> Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. St. Petersburg
GR	Greece and Rome. Oxford
JHS	Journal of Hellenic Studies. London
JRS	Journal of Roman Studies. London
KIP	Der Kleine Pauly. Stuttgart
KUB	Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin
RE	Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 1–83. Stuttgart, 1893–1980
REA	Revue des études anciennes. Talence
RGTC	Répertoire géographique des textes cunéiformes. Wiesbaden
TAPhA	Transactions of the American Philological Association. Atlanta
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

**ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА,
ГРЕЦИИ И ЭЛЛИНИЗМА**

К. Ю. Масалова (Киев)

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЦЕНЫ С СЫНОВЬЯМИ
ХОРА И «ПОГРЕБЕНИЕ ОСИРИСА» 17-Й ГЛАВЫ КНИГИ МЕРТВЫХ В
ПТОЛЕМЕЕВСКИЙ ПЕРИОД: ДИСПОЗИЦИИ БОГОВ**

В древнеегипетской мифологии сыновья Хора считались покровителями умершего. Каждый из них оберегал один из четырех жизненно важных для посмертного перерождения органов мумифицированного тела человека. С ними также были связаны такие элементы погребального инвентаря как канопы – специальные сосуды, в которых эти органы, выпотрошенные во время обряда мумификации, сохранялись. Крышки этих четырех сосудов делались в форме голов сыновей Хора: сосудина, в которой хранилась забальзамированная печень, охранялась богом Амсети, ее крышка имела форму человеческой головы с бородой; легкие находились в сосудине, покровителем которой был Хапи с головой бабуина; канопы, в которых хранился желудок, находились под покровительством Дуамутефа, животным которого был шакал; кишечник, под защитой Кебехсенуфа, сохранялся в канопах с крышкой в форме головы ястреба¹.

Сыновей Хора часто изображали на виньетках Книги мертвых, рисунках-миниатюрах, иллюстрировавших и дополнявших ее текст. Так и в 17-й главе, одной из наиболее важных и тиражированных глав Книги мертвых², содержится виньетка, на ко-

¹ *Bunson M.R.* Encyclopedia of Ancient Egypt. N.Y., 2002. P. 79–80; *Shaw I., Nicholson P.* The British Museum Dictionary of Ancient Egypt. Cairo, 2002. P. 59–60.

² *Бадж Е.А.У.* Путешествие Души в Царстве Мертвых (Египетская Книга Мертвых). М., 2000. С. 60; *Тарасенко Н.А.* Изобразительная традиция Книги Мертвых (историографический анализ) // Сходознавство. 2010. № 52. С. 22, 24; *Тарасенко М.О.* 17-а глава давньоєгипетської Книги Мертвих // Східний Світ.

торой эти боги изображаются. В исследуемый период их чаще всего изображали именно в форме каноп, которые окружали ящик, назначение которого разные ученые трактуют по-разному (мы условно называем его «погребением Осириса», что соответствует тексту, сопутствующему виньетке)³; на вершине этого ящика изображается голова умершего.

Сцена с сыновьями Хора и «погребением Осириса» в контексте спатальных представлений

В серии предшествовавших статей была определена источниковая база для исследования (составившая 90 документов с Книгой мертвых, содержащихся на папирусах и бинтах мумий)⁴, а также был проведен композиционно-типологический анализ сцены⁵, позволивший выделить определенные закономерности, некоторые из которых вызвали особый интерес. В данной статье будет предпринята попытка проинтерпретировать особенности, связанные с расположением богов в исследуемой сцене.

Композиционно-типологический анализ показал, что любой из четырех богов может быть расположен на любом из четырех

2002. № 2 (2001). С. 32, 38; *Naville E.* Das Aegyptische Todtenbuch der XVIII. bis XX. Dynastie. Einleitung. В., 1886. S.123. Детальнее о 17-й главе, см.: *Тарасенко М.О.* 17-а глава давньоєгипетської Книги Мертвих // Східний Світ. 2002. № 2 (2001). С. 29–65; *она же.* До питання про походження 17-ї глави давньоєгипетської Книги Мертвих // Східний Світ. 2000. № 2. С. 43–58.

³ *Масалова К.Ю.* Сцена з синами Хора та «похованням Осіріса» 17-ї глави Книги мертвих у Птоломейський період: Джерела // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв : наук. журнал. К., 2013. № 2. С. 194–200.

⁴ Там же. С. 194–200.

⁵ *она же.* Композиційно-типологічний аналіз сцени з синами Хора та «похованням Осіріса» 17-ї глави Книги мертвих у Птоломейський період (*частина перша*) // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв: наук. журнал. 2013. № 3 (*у друці*); *она же.* Композиційно-типологічний аналіз сцени з синами Хора та «похованням Осіріса» 17-ї глави Книги мертвих у Птоломейський період (*частина друга*) // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв: наук. журнал. 2013. № 4 (*у друці*).

доступных мест в композиции и закономерностей в отношении «привязки» бога к конкретному месту выявлено не было. При этом, очень явная тенденция прослеживалась касательно расположения богов по отношению друг к другу. Одна из схем расположения богов составила 60 % (с учетом гипотетических вариантов – 70 %) от общего количества источников, которые возможно было проанализировать (при том, что остальные схемы составляли 2–6 %; еще одна схема, составившая 12 %, будет упомянута далее). Такой статистический перевес дает возможность называть схему «канонической» для данного периода и указывает на возможность скрытых в сцене (в частности – в аспекте расположения богов) мифологем (что, в целом, является характерным для виньеток Книги мертвых⁶).

«Каноническая» схема расположения богов по отношению друг к другу имеет следующие закономерности: Дуамутеф располагается по одну сторону от «погребения Осириса» с Амсети, в то время как Кебхсенуф с Хапи – по другую; при этом, в «квадратных» композициях⁷ напротив Дуамутефа располагается Кебхсенуф, напротив Амсети – Хапи (в линейных композициях⁸ эта тенденция отражается за счет размещения указанных богов либо по крайним точкам композиции, либо по средним).

Тема размещения четырех богов в пространстве представляет особенный интерес в контексте религиозно-мифологических представлений, которые связывают этих богов со сторонами света. Так, Амсети отождествлялся с югом, Хапи – с се-

⁶ Тарасенко Н.А. Осирический миф и его персонажи в 17-й главе Книги Мертвых // Університет. 2005. № 1. С. 14.

⁷ «Квадратной» композицией было принято называть такой тип размещения, когда два бога расположены над двумя другими, то есть образуют квадрат, в центре которого располагается «погребение Осириса».

⁸ «Линейной» композицией был назван такой тип размещения, когда с каждой стороны от «погребения Осириса» расположено по два бога, размещенных один за другим, то есть в линию.

вером, Дуамутеф – с востоком, а Кебехсенуф – с западом⁹. Если внести в «каноническую» схему вместо имен сыновей Хора соответствующие им стороны света, в итоге можно получить следующую схему¹⁰, которая условно будет названа «компасом»:

Ю	С
В	З

В двухмерном пространстве (в линейных композициях) эта схема будет выглядеть следующим образом:

В	Ю	С	З
----------	----------	----------	----------

Такое расположение сторон света по отношению одна к другой не имеет ничего общего с нашим сегодняшним представлением о земном пространстве, так как даже при разворачивании изображения и при прочтении с любой стороны, схема не совпадает с современным компасным восприятием (когда север-юг, запад-восток находятся на разных концах диагоналей, вписанного квадрата). Но высокий процент данного типа композиции позволяет утверждать, что данная схема не является случайной, и даже в контексте с идентификацией со сторонами света может нести смысловую нагрузку. Определить эту смысловую нагрузку и представляется задачей данной статьи.

Для начала следует определить особенности, которые несет за собой данная схема расположения, а именно – пары, которые она образует. Если рассматривать схему в контексте соседства

⁹ *Bunson M. R.* Op.cit. P. 79–80; *Shaw I., Nicholson P.* Op. cit. P. 59–60.

¹⁰ Для примера взят один из трех возможных вариантов расположения богов. При этом следует понимать, что есть еще два варианта, которые являются зеркальным отражением этой схемы по вертикали и по горизонтали, соответственно.

богов/сторон света, можно выделить следующие пары: север-юг, юг-восток, восток-запад и запад-север (при этом юг не соседствует с западом, а север – с востоком). Далее следует рассмотреть эти пары в контексте того, что может их объединять.

Известно, что в картине мира древних египтян существовало множество противопоставлений (дуальных оппозиций), характерных для мифологического мышления¹¹. Так, Восток противопоставлялся Западу, как два разных мира, как рождение и смерть, вечность-пНН и вечность-Dt¹², солнце и луна¹³, Ра и Осирис, живой царь и мумия, порядок и хаос¹⁴, надземное и подземное¹⁵. Восток египтяне называли iAbt, iAbtt, iAbty, iAby, что также переводится и как «лево», «налево», «слева»¹⁶. Запад, imnt, imnty, imntt, соответственно переводился как «право», «направо», «справа»¹⁷.

¹¹ *Чегодаев М.А.* Древнеегипетская Книга Мертвых – фрагменты перевода и комментарии // ВИ. 1994. № 8. С. 151.

¹² *Тарасенко Н.А.* Древнеегипетская мифология в изобразительной традиции Книги Мертвых (виньетки глав 16, 17 и 42 в Новом царстве – Третьем переходном периоде). К., 2009. С. 147–179.

¹³ *Otto E.* Gott und Mensch nach den ägyptischen Tempelinschriften der griechisch-römischen Zeit: Eine Untersuchungen zur Phraseologie der Tempelinschriften // Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Heidelberg, 1964. No 1. S. 145.

¹⁴ *Westendorf W.* Zweiheit, Dreiheit und Einheit in der altägyptischen Theologie // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. B., 1974. Bd. 100. Hbd. 2. S. 136–141.

¹⁵ *Konrad K.* Architektur und Theologie. Pharaonische Tempelterminologie unter Berücksichtigung königsideologischer Aspekte // Königtum. Staat und Gesellschaft früher Hochkulturen. Wiesbaden, 2006. Bd. 5. S. 280.

¹⁶ *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der Aegyptischen Sprache. B., 1971. Bd. I. S. 30; *Faulkner R.O.* A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxf., 1991. P. 8; *Lesko L.H., Lesko B.* A Dictionary of Late Egyptian. Providence, 2002. Vol. 1. P. 14.

¹⁷ *Erman A., Grapow H.* Op. cit. S. 86–87; *Faulkner R.O.* Op. cit. P. 21.

Север называли *mHt*, *mHty*, *mHtt*¹⁸. Любопытно, что слово *mHt* (хотя и немного в другом написании) означает болотистую местность в Нижнем Египте, то есть на севере¹⁹. Юг назывался *gsy*, *gst*²⁰, но также имел еще одно, совсем другое, слово для своего обозначения – *m-xnt*, которое также переводится как «в направлении юга»²¹ (в написании этого слова используется детерминатив в виде лодки). Также это слово означало «лицо». Эта связь прослеживается по причине того, что египтянин поворачивался лицом к югу, так как Нил берет свое начало именно там. Возможно, что и привычное слово для обозначения севера сходно со словом, означавшим затылок²².

Р. Вилкинсон в своем исследовании храмовой архитектуры Древнего Египта указывает, что основой локальной топографии и главной ориентацией по сторонам света для египтян служил именно Нил. Тем не менее, он указывает, что в некоторых случаях ориентация по солнцу и звездам также принималась как приоритетная и этот принцип является более важным, чем это обычно признается учеными²³. Не смотря на то, что эти выводы касаются ориентации храма при его закладке, они могут быть полезными и для данного исследования.

Из всего вышеизложенного можно предположить, что на символическом уровне солнце служило ориентацией по долготе (восток-запад), а Нил – по широте (юг-север), что выглядит абсолютно логичным. Поэтому противопоставление юга и севера может быть настолько же значимым, как и противопоставление

¹⁸ *Erman A., Grapow H.* Op. cit. S. 125–126; *Faulkner R.O.* Op. cit. P. 114; *Lesko L.H., Lesko B.* Op. cit. P. 170.

¹⁹ *Erman A., Grapow H.* Op. cit. Bd. II. S. 125; *Faulkner R.O.* Op. cit. P. 114.

²⁰ *Faulkner R.O.* Op. cit. P. 153; *Lesko L.H., Lesko B.* Op. cit. P. 277–278.

²¹ *Faulkner R.O.* Op. cit. P. 170.

²² Франкфорт Г., Франкфорт Г.-А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984. С. 55.

²³ *Wilkinson R.H.* *The Complete Temples of Ancient Egypt.* L., 2000. P. 36–37.

востока с западом. Основой таких оппозиций может также быть разделение Египта на Верхний (юг) и Нижний (север), мир живых (восток) и Царство мертвых (запад). Таким образом, абсолютно логичным (даже для современного восприятия) начинает казаться расположение богов, связанных с севером и югом, а также, связанных с западом и востоком, на противоположных позициях (то есть – в зеркальном отражении по отношению друг к другу).

Вывод, который может последовать, исходя из изображения схемы, следующий: если восток противопоставлялся с западом, а юг с севером, то восток может ассоциироваться (то есть – быть сродненным) с югом, а запад – с севером. Данная теория партнерства основана на расположении этих пар с одной стороны от «погребения Осириса», то есть – рядом.

В пользу этой гипотезы выступают такие факты: во-первых, Нил течет с юга на север, то есть юг есть начало, а север – конец, что сопоставляется с ассоциативным рядом в отношении востока и запада. Во-вторых, если восток – это «лево», а запад – «право» (исходя из перевода иероглифов), то это говорит о том, что при определении востока и запада египтяне смотрели на юг, что снова говорит о том, что юг был началом, от которого простирается путь; и как прочитывание текста и изображений проходит слева направо, что отвечает движению Солнца²⁴, так и топографическое «прочитывание» проходит с юга на север, что отвечает течению Нила. В пользу этого выступает и родство слов, означающих «юг» и «лицо», и, возможно, слов, означающих «север» и «затылок»²⁵. Также, можно обратиться к работе Э. Отто, где он, выделяя дуальные оппозиции nНН и Dt, сопоставляет Верхний Египет с nНН, а Ниж-

²⁴ Тарасенко Н.А. Древнеегипетская мифология в изобразительной традиции... С. 135.

²⁵ Франкфорт Г., Франкфорт Г.-А., Уилсон Дж., Якобсен Т. Указ. соч. С. 55.

ний – с Dt²⁶. Таким образом, Верхний Египет, юг – это nНН, а nНН – это восток; Нижний Египет, север, – это Dt, а Dt – это запад.

Описанное выше дает возможность понять принцип построения древнеегипетского «компаса», который, основываясь на данном исследовании, отражает оппозиции восток-запад, север-юг, которые обычно находятся на противоположных локусах по разным сторонам от «погребения Осириса», а также пары восток-юг, запад-север, которые находятся рядом, по одну сторону от «погребения». Это говорит о заметной связи сыновей Хора со сторонами света и о наличии влияния спатальных представлений на иконографию исследуемой сцены в Птолемеевский период. Это также дает возможность сделать вывод, что если пары Амсети-Дуамутеф и Хапи-Кебехсенуф построены на принципе партнерства, то Дуамутеф с Кебехсенуфом и Амсети с Хапи были антиподами (в системе географических координат древних египтян).

Отдельно можно вспомнить и о схеме, представляющей 12 % от общего количества источников, проанализированных нами. Эта схема встречается далеко не так часто, как первая, но все же имеет определенный статистический вес в сравнении с остальными вариантами и, поэтому, заслуживает внимания. Данная схема изображает по одну сторону от «погребения» Дуамутефа и Кебехсенуфа, по другую Амсети и Хапи. При этом на противоположных позициях находятся Дуамутеф с Амсети, и Хапи с Кебехсенуфом. Эта схема немного противоречит нашим выводам о парах богов, находящихся по одну сторону от «погребения», с дальнейшей ассоциацией их между собой. С другой стороны, она поддерживает теорию о парах, при которой между Дуамутефом и Хапи и, в свою очередь, между Амсе-

²⁶ *Otto E. Op. cit. S. 91–94.*

ти и Кебхсенуфом, нет никаких отношений – ни противопоставляющих, ни родственных. Таким образом, данную схему можно также рассматривать в контексте вышеизложенных выводов, при этом определяя в ней другой акцент (акцент, который ставится на противоположностях, располагая их рядом, в отличие от предыдущей схемы, где акцент ставился на родстве).

Сцена с сыновьями Хора и «погребением Осириса» в контексте *Gliedervergottung*

Следующее предположение заключается в том, что представления, отраженные в текстах *Gliedervergottung* (немецкий термин *Gliedervergottung*²⁷ используется в египтологической литературе разных стран²⁸ для обозначения текстов «Обожествления частей (тела), как отдельного жанра религиозно-заупокойной и магической литературы²⁹), могли повлиять на иконографию исследуемой сцены.

В этом контексте можно найти сопоставления сыновей Хора с ногтями и пальцами усопшего (СТ VI.392)³⁰. Что может быть особенно интересным в контексте данного анализа – сыновья Хора сопоставляются с руками и ногами усопшего: Хапи – руки усопшего (Руг. § 149³¹; СТ VI.392³²); Дуамутеф – руки (Руг.

²⁷ *Altenmüller H.* *Gliedervergottung // Lexikon der Ägyptologie.* Wiesbaden, 1977. Bd. II. Sp. 624–627.

²⁸ *Тарасенко Н.А.* Современное состояние изучения древнеегипетских текстов «Обожествления частей (тела)» («*Gliedervergottung*») // *Університет.* 2008. № 4 (24). С. 19–41.

²⁹ *Она же.* Древнеегипетская мифология в изобразительной традиции... С. 209.

³⁰ *Faulkner R.O.* *The Ancient Egyptian Coffin Texts.* Warminster, 1977. Vol. II. P. 293.

³¹ *Allen J.P.* *The Ancient Egyptian Pyramid Texts.* Atlanta, 2005. P. 32; *Faulkner R.O.* *The Ancient Egyptian Pyramid Texts.* Whitefish, 2004. P. 42.

³² *Faulkner R.O.* *Op. cit.* 1977. P. 293.

§ 149)³³ и ноги (СТ VI.392)³⁴ усопшего; Амсети – ноги (Руг. § 149)³⁵ и руки (СТ VI.392) усопшего³⁶; Кебехсенуф – ноги усопшего (Руг. § 149³⁷; СТ VI.392³⁸).

Рассмотрим исследуемую сцену (в ее «квадратной» версии композиции) в связи с сыновьями Хора как охранителями конечностей усопшего. Если влияние имело место, то Хапи должен чаще располагаться сверху композиции, а Кебехсенуф – снизу. Для того, чтобы проверить наличие влияния, нужно использовать данные о расположении богов, полученные в ходе композиционно-типологического анализа. По этим данным расположение было следующим (указывается только преобладающий вариант): Дуамутеф снизу композиции – 55 %, Амсети сверху композиции – 78 %, Хапи сверху композиции – 57 %, Кебехсенуф снизу композиции – 80 %.

Полученные данные соответствуют вышеизложенным формулам: данные по Кебехсенуфу имеют значительное статистическое преобладание, относящее его к «ногам», в силу расположенности снизу композиции; данные по Хапи не имеют ярко выраженного преобладания, но все же чаще располагают его в области рук; Дуамутеф, как и Хапи, не имеет ярко выраженного преобладания, но относится к области ног; Амсети с большим перевесом относится к области рук.

Результаты не дают возможности утверждать, но и абсолютно не исключают возможности влияния представлений, отраженных в текстах *Gliedervergottung*, на иконографию исследуемой сцены в ее квадратной вариации. Говоря про Дуамутефа и

³³ *Allen J.P.* Op. cit. P. 32; *Faulkner R.O.* Op. cit. 2004. P. 42.

³⁴ *Faulkner R.O.* Op. cit. 1977. P. 293.

³⁵ *Allen J.P.* Op. cit. P. 32; *Faulkner R.O.* Op. cit. 2004. P. 42.

³⁶ *Faulkner R. O.* Op. cit. 1977. P. 293.

³⁷ *Allen J.P.* Op. cit. P. 32; *Faulkner R.O.* Op. cit. 2004. P. 42.

³⁸ *Faulkner R.O.* Op. cit. 1977. P. 293.

Амсети, которые называются и руками, и ногами в разных текстах, соответствие находится с идентификацией в Текстах саркофагов, что выглядит достаточно логичным, учитывая, что 17-я глава Книги мертвых является генетическим развитием 335-го изречения Текстов саркофагов³⁹. Таким образом, в исследуемой сцене можно найти отображение формулы, продолжающей традицию Текстов саркофагов, которая ассоциирует Амсети и Хапи с руками усопшего, а Дуамутефа с Кебехсенуфом – с его ногами.

В пользу этой гипотезы выступает и общее построение сцены (в «квадратных» композициях), которое может символически изображать человека: рисунок «погребения Осириса» может быть сопоставлен с туловищем, на котором, соответственно, находится голова (усопшего), а четыре бога, находящиеся по сторонам, напоминают руки и ноги. Таким образом, если эта сцена может ассоциироваться с символическим изображением человека (под которым должен был бы пониматься усопший), кажется возможным, что при расстановке сыновей Хора в композиции сцены, часто могло учитываться и то, каким конечностям они соответствовали.

Распространение статистических данных на мифологические категории позволило прийти к интересным и в некоторой степени неожиданным выводам. Эти выводы не только не противоречат сведениям о существовавших представлениях в Древнем Египте, но, в некоторых аспектах, значительно дополняют их.

³⁹ Тарасенко М.О. 17-а глава давньоєгипетської Книги Мертвих... С. 34.

В. Ю. Шелестин (Москва)

СМЕРТЬ В СУКЦИИ: К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ДРЕВНЕХЕТТСКОЙ ОППОЗИЦИИ С ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМИ ВРАГАМИ

Правление древнехеттского царя Хантили I наиболее полно освещается в «Указе Телепину» (СТН 19), хотя соответствующий раздел данного текста является одним из наиболее тёмных его мест ввиду плохой сохранности (при том, что это – одна из немногих частей документа, дошедшая до нас не только на хеттском, но и на аккадском языках). Один из ключевых эпизодов происходит в городе Сукция, локализуемом исследователями у современного поселения Бойбейи Пынары¹. На данный момент в качестве основных реконструкций комплекса событий, произошедших в Сукции, признаются представленные четверть века назад реконструкции Хелька (основанная на предположении о единстве женских ролей данного эпизода)² и Сойсала (разделяющая деятельность хеттской царицы Харапсили³ и местной царицы города Сукция)⁴. Обе реконструкции согласу-

¹ *del Monte G.F., Tischler J.* Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. (RGTC 6/1). Wiesbaden, 1978. S. 363; *Kempinski A., Košak S.* СТН 13: the Extensive Annals of Hattušili I (?) // Tel Aviv. 1982. Vol. 9. P. 101.

² *Helck W.* Die Sukzija-Episode im Dekret des Telepinus // Die Welt des Orients. 1984. Bd. 15. S. 103–108.

³ Чтение имени этой царицы – Харапсили или Харапсеки – спорно, хотя оба варианта, вероятно, являются искажениями хаттского женского имени Харапсиги (*Zehnder T.* Die hethitischen Frauennamen. Katalog und Interpretation. Wiesbaden, 2010. S. 145). Поскольку «Указ Телепину» даёт больше свидетельств формы Харапсили (2 копии), чем Харапсеки (1 копия), в данной работе царица именуется Харапсили.

⁴ *Soysal O.* Noch einmal zur Šukziya-Episode im Erlaß Telipinus // *Orientalia*. 1990. Vol. 59. Fasc. 2. S. 271–279.

ются в том, что супруга Хантили Харапсили⁵ тем или иным образом оказывается в Сукции, где заболевает, а затем умирает либо по болезни⁶, либо в результате насильственных действий местных противников хеттского царя⁷, казнящего в итоге ответственных за произошедшее в Сукции. При этом большинство исследователей признаёт значительную роль хурритов в данном эпизоде⁸.

Однако стоит отметить, что упоминание хурритского вторжения в Хатти, хотя и примыкает к рассказу о событиях в Сукции, всё же хронологически предшествует ему, и есть указания текста о выдворении хурритов из Хатти ещё до первого появления царицы в Сукции: [*Hur-ri iš-tu KUR-ia ú-kà-aš-ši-du* /]x *qa-du DUMU.MEŠ-šu i-na* ^{URU} *Šu-gaz-zi-ia* «[хурритов из моей

⁵ Как считает Бин-Нун, первая тавананна в хеттской истории, которая являлась царской женой (*Bin-Nun S.R. The Tawananna in the Hittite Kingdom. Heidelberg, 1975. P. 89*).

⁶ *Soysal O. Op. cit. S. 277*.

⁷ *Gurney O.R. Anatolia c. 1600–1380 B.C. // САН. 1966. Vol. 2. P. 4; Bin-Nun S.R. Op. cit. P. 92; Helck W. Op. cit. S. 108*.

⁸ *Goetze A. On the Chronology of the Second Millennium B.C. // Journal of Cuneiform Studies. 1957. Vol. 11. No 2. P. 56; Otten H. Das Hethiterreich // Kulturgeschichte des Alten Orient. Stuttgart, 1961. S. 347; von Schuler E. Die Kaškäer. Ein Beitrag zur Ethnographie des alten Kleinasien. В., 1965. S. 24. Anm. 60; Gurney O.R. Op. cit. P. 4; Гиоргадзе Г.Г. Хетты и хурриты по древнехеттским текстам // ВДИ. 1969. № 1. С. 83; Alpman A. Hurriler // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1981–1982. Cilt 14. Sa. 25. S. 296; Аветисян Г.М. Государство Митанни. Ереван, 1984. С. 31; Дьяконов И.М., Ардзинба В.Г. Хеттское царство и эгейский мир // История древнего Востока. Зарождение классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1988. Ч. 2. С. 133; Akurgal E. Anadolu uygarlıkları. İstanbul, 1989. S. 62; Astour M.C. Hittite history and absolute chronology of the Bronze age. Partille, 1989. P. 21; Soysal O. Op. cit. S. 277; Forlanini M. La nascita di un impero. Considerazioni sulla prima fase della storia hittita: da Kaniš a Hattuša // Orientalia. 2004. Vol. 73. Fasc. 4. P. 387. N. 68; Bryce T.R. The Kingdom of the Hittites. N.Y., 2005. P. 101; Kılıç Y., Duymuş H.H. Hitit Kadın ve Siyaset // Tarih Araştırmaları Dergisi. 2007. Cilt 26. Sa. 42. S. 91; Freu J. Têlipinu et l'ancien royaume de Hatti // Des origins a la fin de l'ancien royaume Hittite. P., 2007. P. 124–125.*

страны выдворили/]⁹ вместе с детьми в Сукции» (KUB III 89 I 10-11). В этой связи для изучения роли иноземного врага в событиях, происходивших в Сукции, следует обратить особое внимание на описание этого вторжения хурритов, учитывая его роль в контексте «Указа Телепину». Указ имитирует реформу порядка престолонаследования, на деле же апологизируя узурпацию трона Телепину на материале предшествовавшей хеттской истории¹⁰. Учитывая цель данного документа, внешнеполитические события играют в нём роль второго плана, и из известных нам хурритских вторжений в Хатти, происходивших во времена правления Хаттусили I, Мурсили I и Хантили I¹¹ упомянуто лишь последнее, гораздо меньшее по размаху в сравнении с эпохой Хаттусили I¹² (для которой, при всём прославле-

⁹ Данная лакуна считается местом первого упоминания Харасили в связи с эпизодом в Сукции: [MⁱHa-ra-ap-ši-I]i (Goetze A. Op.cit. P. 56. N. 35).

¹⁰ См.: Hoffner H.A.Jr. Propaganda and political justifications in Hittite historiography // Unity and Diversity: essays in the history, literature, and religion of the ancient Near East. Baltimore, 1975. P. 51–56; Liverani M. Storiografia politica hittita—II. Telipinu, ovvero: della solidarietà // Oriens antiquus. 1977. Vol. 16. P. 118–119, 128–131. Зачастую эту функцию указа недооценивают, видя в нём, прежде всего, документ, устанавливающий порядок престолонаследия, например, см.: Bryce T.R. Op. cit. P. 108–109; Байю Л.С. Хетты и их современники на древнем Ближнем Востоке // Всемирная история в 6 т. М., 2011. Т. 1: Древний мир. С. 188.

¹¹ Soysal O. Op. cit. S. 277. Несмотря на споры об атрибуции СТН 13, описанная в нём борьба с хурритами на территории Хеттского царства, скорее всего, происходила при Мурсили I (de Martino S. Annali e Res Gestae antico ittiti. Pavia, 2003. P. 130).

¹² При описании хурритского нашествия Хаттусили I подчёркивает, что URUKÛ.BABBAR-ti 1-en ir-te-ha «город Хатти один (верен) остался» (КВо X 1 ЛС 12), na-aš-ta URUHa-at-tu-uš-aš-pát URU-ri-aš 1-aš a-aš-ta «и один город Хаттуса остался» (КВо X 2 ЛС 26), из чего, равно как и последующего рассказа о возвращении находившихся к юго-западу от неё Нинассы и Ульмы, следует, что хурриты тогда заняли большую часть земель в луке Марассантии (Галиса) и к юго-западу от неё. Напротив, в случае нашествия при Хантили I, несмотря на указание текста, что, вероятно, хурриты i-na ŠA-[bi] KUR-tim iš-hu-ru «внут[рь] страны обратились» (KUB III 89 I 7), считается, что окрестностей Хаттусы они не достигли (Гиоргадзе Г.Г. Указ. соч. С. 83).

нии этой эпохи, «Указ Телепину» уделяет целый § 7 описанию внутривосточной смуты). Такое внимание к не имеющему, на первый взгляд, прямого отношения к тематике указа, и не самому значительному событию, вызывало даже попытки объяснить это явление не как хурритское вторжение, продолжающее череду прежних набегов, а как участие хурритов в войне между Хантили и его сообщником по убийству Мурсили Цидантой на стороне первого¹³. Но едва ли Хантили вступил в союз с хурритами, учитывая его типологическую принадлежность к нечестивым правителям идеологического, а не коллаборационистского типа¹⁴.

Описанию вторжения хурритов предшествует рассказ о страхах и невзгодах Хантили I, перечисляется ряд городов по линии Эмар – Каркемиш, которые в его правление стали поставлять войска Хатти, и затем цитируются размышления Хантили о роке и своём оправдании перед ним в городе Тегарама (КВо III 1 I 34-41). Считается, что город Тегарама лежал на пути Хантили из Сирии домой, куда он направлялся для отражения хурритского вторжения¹⁵ или для борьбы с Цидантой¹⁶. Однако историческое введение «Указа Телепину» называет города неспроста: обычно это критические моменты для правления того или иного царя (Хаттуса (КВо III 1 I 28)) как столица Мурсили – первого царя, связанного исключительно с этим городом, в отличие от Хаттусили «человека города Куссара»; Хальпа и Вавилон (КВо III 1 I 27-29) как центры крупнейших государств, уничтоженных Мурсили; Астата, Камия, Хурпана и

¹³ Довгяло Г.И. Становление идеологии раннеклассового общества. Минск, 1980. С. 109–113.

¹⁴ Шелестин В.Ю. Хантили I и Тахурваили: внешнеполитические устремления нечестивых правителей // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2011. Вып. 10. С. 9–13.

¹⁵ Гиоргадзе Г.Г. Указ. соч. С. 83; Freu J. Op. cit. P. 123.

¹⁶ Довгяло Г.И. Указ. соч. С. 109.

Каркемиш (КВо III 1 I 35–36) – последняя арена действий Хантили в Сирии и первые зарубежные города, связанные с военной системой Хатти; Сукция (КUB III 89 I 11) как место гибели царицы; Тагалаха (КВо I 27 II 9, КВо III 67 II 6) как место казни ответственных за случай в Сукции; Хассува, Цицилиппа и Лаваццантия (КВо III 1 II 17–21) как арена действий самого Телепину; семь городов первых побед: Хуписна, Туванува, Ненасса, Ланда, Цаллара, Парсуханта и Лусна (КВо III 1 I 10–11); семь городов последних неудач – Алла, Гальмия, Адания, Арцавия, Саллапа, Пардувата и Аххула (КВо III 1 II 1–2)).

В этом ряду было бы странно видеть в Тегараме всего лишь промежуточный пункт для Хантили на полпути из Сирии в Хаттусу, навевающий его на размышления о прошлом и будущем. Напротив, упоминание Тегарамы в качестве такого пункта заставляет нас выяснить метафизическую природу этого населённого пункта, определить его роль в древнехеттских повествованиях. В староассирийский период Тегарама была не слишком примечательным поселением, для которого засвидетельствовано наличие двorca¹⁷ и ассирийской колонии-карум¹⁸. В древнехеттское время этот город фигурирует при описании отражения Мурсила I хурритского вторжения на территорию Анатолии (КUB XXXI 64+ II 45, 52, III 11, IV 9¹⁹). Хотя текст сохранился весьма фрагментарно, из него можно заключить, что в борьбе с хурритами играли определённую роль «люди города Те[гарамы (?)]» (КUB XXXI 64+ II 45), и именно здесь военные сдержали своё слово (КUB XXXI 64+ II 53). При этом впоследствии город осаждался царём или его

¹⁷ *Orlin L.L.* Assyrian colonies in Cappadocia. P., 1970. P. 76, 86.

¹⁸ *Nashef K.* Die Orts- und Gewässernamen der altassyrischen Zeit. (RGTC 4). Wiesbaden, 1991. S. 117.

¹⁹ Реконструкцию текста см.: *de Martino S.* Op. cit. P. 172–181.

полководцем Цалманини (KUB XXXI 64+ III 12), и в самом конце текста вновь фигурируют «войска страны Т[егарам]а» (KUB XXXI 64+ IV 9). Вероятно, этот город играл ключевую роль в ходе борьбы с хурритами, сопоставимую со значением последнего места смотра войск Суппилулиумы I перед входом в пределы Митанни (КВо V 6 II 26–31)²⁰, в силу своего географического положения.

Другой важный для понимания описания правления Хантили в «Указе Телепину» эпизод СТН 12 – замечание о пожаловании царице территории под городом Хабара, вероятно, в окрестностях Тегарамы²¹. Такое дарение едва ли было личным²², а потому могло сохраниться и при следующей за супругой Мурсили царице, войдя в наследный лен хеттских цариц.

Исходя из этих соображений о причинах появления Тегарамы как места раздумий Хантили, можно заключить, что направлялся ли он сюда, чтобы затем бороться в Хаттусе с Цидантой, или же проводил рекогносцировку местности, которая станет первой мишенью вероятного противника – в любом случае он искал здесь для себя поддержки, предчувствуя скорую угрозу своему положению, и именно к людям Тегарамы была обращена его апологетическая речь.

²⁰ На это обратил внимание Харди, предполагавший, что и Хантили собирався двинуться тем же путём (*Hardy R.S. The Old Hittite Kingdom. A Political History // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1941. Vol. 58. P. 206. N. 109*), но его рассуждения касаются не этого упоминания «Указом Телепину» Тегарамы, а следующего, в котором сейчас видят не Тегараму, а Таралаху.

²¹ *Soysal O. Beiträge zur althethitischen Geschichte (II). Zur Textwiederherstellung und Datierung von KUB XXXI 64+ (СТН 12) // Altorientalische Forschungen. 1998. Bd. 25. N. 1. S. 18–19; de Martino S. Op.cit. P. 170–171.*

²² О хозяйстве царицы см.: *Менабде Э.А. Хеттское общество. Тбилиси, 1965. С. 85, 96; Гиоргадзе Г.Г. Вопросы общественного строя хеттов. Тбилиси, 1991. С. 28–29.*

Сам ход борьбы с хурритами в ходе этого нашествия ясен не вполне. Обычно считают, что Хаттуса взята не была²³, однако основной аргумент в пользу этого – *ex silentio* – едва ли применим к столь фрагментарному тексту. С другой стороны, в этой борьбе едва ли принимало участие более трёх реальных сил – хурритов, хеттов Хантили и хеттской оппозиции. Последняя может выступать субъектом обрывочной фразы *i-na UGU-šu-ni uš-ta-hi-iz-zu* «к ним они передали» (KUB III 89 I 5)²⁴. К сожалению, не вполне ясен объект этой передачи, однако вряд ли это страна Хатти в целом²⁵. Можно предположить два варианта – либо это момент передачи Харапсилы с детьми выкрававшей их хеттской оппозицией хурритам²⁶, либо это момент возврата вывезенных при Мурсили из Вавилона статуй Мардука и Царпанитум в Месопотамию, пусть пока и Верхнюю²⁷. Дальнейшее повествование не может ни подтвердить, ни опровергнуть первую версию, поскольку из обрывка фразы «вместе с детьми в Сукцию» (KUB III 89 I 11) не ясно, попала ли Харапсила туда добровольно. Вторая версия может подтверждаться тем фактом, что сюжет передачи чего-то оппозицией хурритам не отражён в

²³ Гиоргадзе Г.Г. Хетты и хурриты по древнехеттским текстам. С. 83; *Helck W.* Op. cit. S. 105; *Старостин М.Б.* Указ древнехеттского царя Телипину // *Древний Восток и античный мир.* М., 2000. Вып. 3. С. 96; *Брусе Т.Р.* Op. cit. P. 101.

²⁴ Чтение и перевод этой фразы исследователями, видевшими на месте знака UŠ знак ŠA (Гиоргадзе Г.Г. Хетты и хурриты... С. 82; *Довгяло Г.И.* Указ. соч. С. 109; *Аветисян Г.М.* Указ. соч. С. 31) без веских на то причин, ошибочны. Хотя на фотографиях ВоFN00063а и ВоFN02879 (доступны он-лайн на майнцском хеттологическом портале [<http://www.hethport.adwmainz.de/fotarch>]) данный знак виден смутно, он явно не имеет характерного для ŠA нижнего углового клина.

²⁵ Ср.: *Soysal O.* Noch einmal zur Šukziya-Episode im Erlaß Telipinus. S. 273; *Старостин М.Б.* Указ. соч. С. 96.

²⁶ Гиоргадзе Г.Г. Хетты и хурриты... С. 83.

²⁷ *Немировский А.А.* Хана, Хурри-Ханигальбат и Касситская Вавилония в XVI в. до н.э. // *Восток (Oriens).* 2002. № 1. С. 13–14.

хеттской редакции вообще²⁸, равно как не упоминаются в каноническом тексте «Указа Телепину» данные статуи в числе захваченной в Вавилоне добычи: Мурсила ^{URU}KÁ.DINGIR.RA-aš NAM.R[A.]MEŠ a-aš-šu-uš-še-it [^{UR}]U H₄-at-[tu-ši / (pí-e har-t)]a «пленных Вавилона (и) его добро в Хат[тусу / (унё)]с» (КВо III I I 29-30) (в аккадской редакции этот пассаж не сохранился). Умалчивание хеттской традиции в целом о захвате данных статуй могло не распространяться на аккадоязычные тексты. С другой стороны, если довериться в большей степени именно хеттской, а не месопотамской, более отдалённой от описываемых событий традиции, то этих статуй вообще не было в Хатти ни до, ни после этого хурритского вторжения²⁹, и тогда они не могли быть

²⁸ Для соответствия обсуждаемой фразе нет места в дошедших до нас хеттских редакциях текста (*Helck W.* Op. cit. S. 105; *Soysal O.* Op. cit. S. 275).

²⁹ См. сводку подобных мнений: *Немировский А.А.* Указ. соч. С. 10. Следует указать также ряд не упомянутых им исследователей, признающих вывоз статуй Мурсила и не разделяющих представление о пребывании данных статуй в Хатти: *Delaporte L.* Les hittites. P., 1936. P. 64; *Contenau D.G.* La civilization des Hittites et des hurrites du Mitanni. P., 1948. P. 57; *Лупин Л.А.* Междуречье в Древности // *Очерки истории древнего Востока.* Л., 1956. С. 98; *Otten H.* Hethiter, Hurriter und Mitanni // *Fischer Weltgeschichte.* Frankfurt am Main, 1966. Bd. 3. S. 120; *Haas V.* Eine hethitische Weltreichsidee. Betrachtungen zum historischen Bewusstsein und politischen Denken in althethitischer Zeit // *Anfänge politischen Denkens in der Antike. Die nahöstlichen Kulturen und die Griechen.* München, 1993. S. 143; *Liverani M.* Antico oriente: storia, società, economia. Roma; Bari, 1997. P. 422; *Nijhowne J.* Politics, religion, and cylinder seals: a study of Mesopotamian symbolism in the second millennium B.C. Oxf., 1999. P. 24; *de Martino S.* Il regno hurrita di Mittani: profile storico politico // *La parola del passato.* 2000. Vol. 50. No 1. P. 74–75; *Frey J.* Op. cit. P. 115; *Klinger J.* Die Hethiter, Geschichte – Gesellschaft – Kultur. München, 2007. S. 41; *Schwemer D.* Fremde Götter in Hatti // *Hattuša – Boğazköy. Das Hethiterreich im Spannungsfeld des Alten Orients.* Wiesbaden, 2008. S. 141. Относительно привлекаемой в качестве хеттского свидетельства пребывания статуй в Хатти молитвы Мурсила II Солнечной богине Аринны (*Tavernier J.* Les Hittites dans les sources mésopotamiennes // *Identité et altérité culturelles: le cas des Hittites dans le Proche-Orient ancien.* Bruxelles, 2010. P. 182) стоит указать, что, с одной стороны, боги Хальпы и Вавилона названы в ней не конкретно, а с другой стороны, неясно, насколько хорошо могла за эти три столетия сохраниться хеттская традиция о

даром оппозиции, стремившейся заручиться иноземной поддержкой.

Завершение борьбы описано словами: *Hur-ri iš-tu KUR-ia ú-kà-aš-ši-du* «хурритов из моей страны выдворили» (KUB III 89 I 10), и выдворили их, ввиду традиционной склонности хеттской оппозиции к коллаборационизму, вероятно, войска Хантили. Дальнейшее перемещение Харапсили с детьми в Сукцию обычно объясняется либо их захватом противниками Хантили³⁰, либо их эвакуацией туда во избежание подобного захвата³¹. Формально хурритское нашествие к этому времени уже закончилось. Но если рассматривать его включение в «Указ Телепину» как подчинённое цели повествования, следует видеть в нём более высокий уровень взаимодействия хеттской оппозиции с иноземным врагом по сравнению с тавананной при Хаттусили I³².

статуях, не упоминаемых в «Указе Телепину» (хотя некоторые считают, что фразеология этого пассажа молитвы восходит к древнехеттской летописи, см.: *Vieyra M. Les textes hittites // Les religions du Proche-Orient asiatique. Textes babyloniens, ougaritiques, Hittites. P., 1970. P. 474*). Стоит отметить, что для хеттов вывоз статуй богов захваченных земель в свою столицу был не характерен (*Schwemer D. Op. cit.*). Кроме того, как указала Камменхубер, Царпанитум не была известна хеттам (*Kammenhuber A. Marduk und Santa in der hethitischen Überlieferung des 2. Jts. v. Chr. // Orientalia. 1990. Vol. 59. Fasc. 2. S. 194*).

³⁰ *Goetze A. Op. cit. P. 56; Otten H. Das Hethiterreich. S. 347; Gurney O.R. Op. cit. P. 4; Гуоргадзе Г.Г. Хетты и хурриты... С. 82; Cornelius F. Geschichte der Hethiter: mit besonderer Berücksichtigung der geographischen Verhältnisse und der Rechtsgeschichte. Darmstadt, 1979. S. 114; Алптан А. Loc. cit.; Аветисян Г.М. Указ. соч. С. 31; Дьяконов И.М., Ардзинба В.Г. Указ. соч. С. 133; Akurgal E. Loc. cit.; Astour M.C. Loc. cit.; Soysal O. Op. cit. S. 277; Klengel H. Geschichte des hethitischen Reiches. Leiden; Boston; Köln, 1999. S. 70; Kılıç Y., Duymuş H.H. Loc. cit.; Freu J. Op. cit. P. 124.*

³¹ *Bin-Nun S.R. Op. cit. P. 92; Helck W. Op. cit. S. 107.*

³² О таковом, см.: *Шелестин В.Ю. Пассаж КВо III 27 ЛС 6–12 в контексте внешней политики Древнехеттского царства // Antiquitas inventae. Саратов, 2010. Вып. 5. С. 135–147.*

Отличие может заключаться в том, что тавананна намеревалась, но полностью не реализовала идею выступления единым фронтом с чужеземцами против Хаттусили. Но достаточно ли изначального выступления оппозиции совместно с хурритами для упоминания последних? «Указ Телепину» описывает предшествующую историю как цепь конфликтов: при Лабарне – маленькой страны и внешнего мира (§ 2), при Хаттусили – высших и низших социальных слоёв (§ 7), при Мурсила – Хатти и великих держав (§ 9), при Циданте – отца и сына (§ 19), при Аммуне – бедного центра и провинций (§ 20–21), при Хуцци – Я-Телепину и его потенциального убийцы (§ 22). Если эта цепь действительно более-менее равномерно чередует конфликты в пространстве и конфликты в социуме, то на долю Хантили, правившего между Мурсила и Цидантой, должно было выпасть соединение таких типов конфликта, обусловленное его первым успехом в деле царевубийства, положившим начало цепи бед, оборванной лишь Телепину, также преодолевшим оба типа конфликта. Оба конфликта должны были соединиться при Хантили более органично, нежели просто последовательность хурритского вторжения и связанной с ним лишь хронологически смерти Харапсила.

Телепину не показывает роли женщин во внутривнутриполитических конфликтах: они выступают в его повествовании простым средством легитимации власти. Однако тавананна всегда играла большое значение в жизни Хеттского царства, и мы знаем о значительной роли женщин в конфликтах эпох Хаттусили I, Тудхалии I, Мурсила II и других³³. Пикантна роль женщин в «Указе Телепину», обеспечивающих легитимацию власти своим мужьям, убивающим их братьев. Настолько ли они ненавидели

³³ *Giorgieri M. Verschwörungen und Intrigen an hethitischen Hof // Hattuša – Boğazköy. Das Hethiterreich im Spannungsfeld des Alten Orients. Wiesbaden, 2008. S. 360–362.*

своих братьев, чтобы спокойно смотреть на их гибель и после этого всю жизнь испытывать нежные чувства к их убийцам? Телепину понимал эту проблему, а потому сохранил жизнь Хуцции. Другим указанием на такое его понимание служит ранняя смерть Истапарии – сестры Хуцции и жены Телепину³⁴.

Обычно Харапсили представляют как силу, стоящую на стороне Хантили, но ослабленную и ставшую жертвой его противников³⁵. Однако едва ли она попала в Сукцию после её эвакуации из Хаттусы. Хеттские цари обычно не брали с собой жён и детей в свои походы³⁶. Если к тому времени закончилось и хурритское нашествие, более вероятен вариант её добровольного попадания туда. В таком случае, можно предположить, что во время хурритского вторжения именно Харапсили, вспомнив о своём невинно убитом брате Мурсили, оказала поддержку врагам своего мужа, а после изгнания хурритов, опасаясь расплаты, направилась в своё владение на восточной периферии, в районе Тегарамы и Хабары, к которому могла принадлежать и Сукция. Но расправа настигла её и там, и Харапсили была устранена в ходе операции, проведённой по указанию Хантили I Илалиумой³⁷. Поскольку операция была тайной, смерть Харапсили,

³⁴ На возможность сопоставления смерти Харапсили со смертями Хуцции и Истапарии, за которыми мог стоять Телепину, указывал Ливерани (*Liverani M. Storiografia politica hittita-II. Telipinu, ovvero: della solidarietà. P. 122*). Иначе объяснял подобный параллелизм Астур (*Astour M.C. Op. cit. P. 21–22*).

³⁵ См. работы, перечисленные в прим. 29, 30.

³⁶ *Bryce T.R. Life and Society in the Hittite World. Oxf., 2002. P. 28; ср.: Soysal O. Op. cit. S. 277. Anm. 9.*

³⁷ Ранее предполагалось, что Илалиума был либо оппозиционером, способствовавшим гибели Харапсили и наказанным Хантилой (*Гюргадзе Г.Г. Указ. соч. С. 83; Bin-Nun S.R. Op. cit. P. 92*), либо агентом Хантили, которому поручили освободить Харапсили (*Soysal O. Op. cit. S. 277*). Титул Илалиумы – DUMU É.GAL – «сын дворца» – отличается от титулов всех остальных конкретных чиновников, упоминаемых, обычно в негативном ключе, в тексте «Указа Телепину». В древнехеттском сборнике анекдотов о нерадивых чиновниках этот титул засвидетель-

став явной, послужила поводом к дальнейшим репрессиям против тех представителей двора, которые надеялись укрыться в Сукции вместе с Харапсили. Сохранившиеся фрагменты «Указа Телепину» явно не указывают судьбу царских детей, которых прихватила с собой Харапсили. Нам неизвестно, был ли сыном Харапсили впоследствии убитый Цидантой Писени, хотя о наличии у Хантили других жён, которые могли бы занять место погибшей Харапсили, также ничего не известно. Впрочем, тайная операция Илалиумы должна была сохранить царских детей, и вопрос *ta-an-nu-um i-du-uk-šu-nu-ti* «кто их убил?» (КВо I 27 П 6) не подразумевает именно их гибели.

В любом случае, хурритский фактор на протяжении всей эпохи хурритских нашествий на Древнехеттское царство был силой, подпитывавшей уверенность древнехеттской оппозиции (особенно женской) в своих возможностях.

ствован только в отношении Санды, тождественность которого важному сановнику, действовавшему при осаде Уршу Хаттусили I не исключена (*Dardano P. L'aneddoto e il racconto in età antico-hittita: la cosiddetta "Cronaca di palazzo". Roma, 1997. P. 36–37, 89–90*). Согласно Гиоргадзе, учитывая место «сыновей дворца» в ряду адресатов «Указа Телепину», этот титул относится к низшим слоям придворных (*Гиоргадзе Г.Г. Вопросы общественного строя хеттов. С. 103*).

Ю. О. Змитрякова (Казань)

**ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТОВО-РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА
ПОЧИТАНИЯ ГЕРОЕВ: К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ
КУЛЬТА ГЕРОЕВ И КУЛЬТА БОГОВ**

Почитание богов и почитание героев составляло основу религиозных верований древних греков. Несмотря на родство этих культов, между ними существовали различия. Одним из таких различий было восприятие эллинами божественных и героических фигур, как обладавших разной степенью могущества. Отражалось это и на культовой атрибутике и на культовой практике (жертвоприношениях и т.п.). Прежде всего, в данной статье будут отражены некоторые моменты, связанные с героической культовой практикой.

Култ героев, кроме культа богов, теснейшим образом связан с культом предков и происходит из почитания древних гробниц и умерших родственников¹. Тем не менее, древнегреческие герои традиционно представлялись отмеченными богами, а связь с обычными смертными была изначально менее очевидной. Картина несколько изменяется с наступлением классического периода и началом Греко-персидских войн. Героические доблести, и ранее имевшие огромное значение, обрели в контексте новых событий двойную ценность и, в то же время, стали толковаться несколько иначе, чем это делалось ранее. Источники того времени дают различные героизированные опи-

¹ Как отмечает исследователь Дж. Уитли, культ героев крайне редко рассматривался в связи с другими культурами: культом богов и культом умерших. См.: *Whitley J. The monuments That Stood before Marathon: Tomb Cult and Hero Cult in Archaic Attica // AJA. 1994. Vol. 98. No. 2. P. 214.*

сания не только греков, сражавшихся в войнах, но и персов. Но они практически ничего не говорят о том, что изменилось в культовой практике почитания героев. Опять таки, значение имеет связь культа героев и культа богов в данный период, поскольку это дает представление о том, что менялось в сознании эллинов, а также в религиозном и отчасти политическом истолковании более древних религиозных верований.

Описывая то, как ему представляются обычаи и верования персов, Геродот невольно даёт, пусть и очень беглое, описание древнегреческих религиозных практик и описание религиозной атрибутики:

«Что до обычаев персов, то я могу сообщить о них вот что. Воздвигать статуи, храмы и алтари богам у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому, мне думается, что вовсе не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом. Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам. Первоначально они приносили жертвы только этим одним божествам, затем от ассирийцев и арабов персы научились почитать Уранию (ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы – Алилат, а персы – Митра). Этим-то богам персы совершают жертвоприношения вот как. Персы не воздвигают алтарей и не возжигают огня. Нет у них ни возлияний, ни игры на флейте, как нет и венков, и жертвенного ячменя. Если кто-нибудь пожелает принести жертву указанным богам, то приводит жертвенное животное в “неоскверненное” место и призывает бога, причем чаще всего украшает свою тиару миртовыми ветвями. Приносящему жертву не дозволяется просить о даровании благ только себе одному: он молится за всех персов и за царя, так как и сам принадлежит к персам. Затем он разрезает жертву на части и варит мясо, а по-

том подстилают самую свежую траву (чаще всего – трилистник) и кладет на нее мясо. Тогда подходит маг с песнопением “теогонии”, как они называют это заклинание. Ведь без мага совершать жертвоприношение у них не положено. Через некоторое время приносящий жертву уносит мясо домой и поступает с ним, как ему вздумается»² (Hdt. I.131, 132).

Почти всё перечисленное относится к поклонению богам. Однако разница между почитанием героев и почитанием богов, с одной стороны, была значительной, а, с другой стороны, практики имели много общего.

Мы можем выделить из общей практики поклонения богам и героям сходное и различное. Различием, на наш взгляд, является возведение храмов (*ναός*) и героононов (*ἥρωον*)³. Подобные сооружения имели конструктивные расхождения, однако и те и другие могли быть возведены в черте города. И в случае почитания богов и в таком же случае, но уже у героев, возводились жертвенные алтари (*βωμός* и *ἑσχάρα*), но уже только для геро-

² Геродот. История. Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972.

³ Одним из важнейших аспектов культа, является, пожалуй, его материальная атрибутика. Герооны – это надземные или подземные сооружения, возведённые на месте захоронения или кенотафа в честь того или иного героя. Герооны, как правило, устанавливались в черте города и это считалось почётным; иногда близко к нему (городу) или на месте, считающимся знаковым в соответствии с фактами (вымышленными или реальными) из биографии героизированной персоны. Герооны также могли находиться в священных рощах возле храмов богов, что подтверждается данными археологии, как например, Пелопион находился в роще Зевса в Олимпии, где соответственно находился и храм Зевса и его жертвенный алтарь, что описано в сочинении Павсания (Paus. V.8.1–7). О Пелопионе см. также: *Whitley J. The archaeology of Ancient Greece. Camb., 2003. P. 154.* Более того, известны случаи, когда останки героя неожиданно «находили» и перезахоранивали. Достаточно вспомнить эпизод, касающийся поисков костей Ореста с целью их перенесения, описанный у Геродота (Hdt. I.67, 68) или же перевезённые останки Эдипа (Paus. I.38.7). В данном случае Орест, как герой, должен был помочь одержать спартамцам победу над тегейцами.

ев)⁴. Рядом со святилищем или герооном могла быть роца (ἄλσος). Но для богов не устраивали могил (τάφος)⁵ и не принимали простых или почётных погребений, при которых труп сжигался, а прах помещался в урну (θάπτω) или закрывался насыпью. Возлияние богам (σπουδή), по всей видимости, происходило сходным образом с возлиянием героям. Терминология, обозначающая эти действия, за исключением обозначения героона, как святилища героя и божественного храма, также не отличалась одна от другой. Жрецы (ἱερεῖς) также обозначались одинаково, как и жертвенное животное (ἱερόν)⁶, предназначен-

⁴ В свое время Ф.Ф. Зелинский указывал на различие божественного алтаря (βωμός) и «очага», на котором сжигалась жертва для героя (ἑσχάρα). См.: *Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма*. СПб., 1922. С. 84. Обоиими терминами пользовались Гомер, Еврипид, Страбон, Павсаний и другие античные авторы. Однако термин βωμός употребляется по отношению к месту захоронения героев, гораздо чаще всеми древнегреческими авторами, которые упоминали о жертвенных местах героям. К примеру, Симоид Кеосский писал об алтаре, который возведен на могиле павших при Фермопилах (Sim. 531).

⁵ Сооружение пустой могилы с надгробным памятником – кенотафа – могло также означать, что она являет собой знак почитания умершего. В Аттике Павсанием было обращено внимание, к примеру, на «пустую» могилу Еврипида (Paus. I.2.2). Но очевидно и более древнее происхождение обычая сооружать пустые могилы, как в случае с афинским героем Тесеем. Павсаний полагал, что его святилище появилось уже после высадки персов на Марафоне. «После этого Кимон, сын Мильтиада, изгнал скиросцев с их острова, мстя за смерть Фесея, а кости его перевёз в Афины» – (Paus. I.17.6). До этого возможно существовал лишь кенотаф Тесея. У Павсания масса примеров обращений к героической теме. Подробнее см.: *Харазов И.Р. «Описание Эллады» Павсания как источник для изучения героической традиции Древней Греции // Историки в поиске новых смыслов*. Казань, 2003. С. 230–233.

⁶ Однако совершить жертвоприношение, что и видно из приведённой нами цитаты, у эллинов мог и не жрец. Также, например, в почитании предков, которое имеет тесное пересечение с культом героев, есть практика жертвоприношения, при которой его совершает сын для умершего отца. Описывая отличные от эллинских обряды похорон у исседонов, Геродот говорит о почитании отца сыном следующее: «Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому, как это происходит на поминальном празднике у эллинов» (Hdt. VI.26).

ное к закланию во время религиозного обряда. Конечно, это лишь ряд терминов из числа многих. Впрочем, именно ими пользовались многие древнегреческие авторы, начиная с Гомера, все авторы классического периода и более поздние.

Обычно исследователи описывают геройские культовые практики примерно так, как это сделал М. Элиаде: «... в разрез с обычаями, останки героев хоронили в черте города, их даже помещали в святилища (Пелопа – в храм Зевса в Олимпии, Нептолема – в храм Аполлона в Дельфах). Их гробницы и кенотафы были центром их героического культа, включающего в себя жертвоприношения с ритуальными причитаниями, обряды, трагические хоры (жертвоприношения для героев были такими же как для хтонических божеств, и отличались от жертв олимпийцам. Жертву олимпийским богам было принято убивать горлом вверх, хтоническим божествам и героям – горлом вниз, к земле. Для олимпийцев жертва должна была быть белой, а для героев и хтонических божеств – чёрной, и приносимая им жертва сжигалась полностью – ни один человек не должен был от неё есть. Алтари олимпийским божествам – классический храм, над землёй и иногда на возвышении, а для героев и хтонических божеств алтарь – низкий, расположен в подземных пещерах или в *adyton*, который, возможно, олицетворял гробницу. Жертвы олимпийцам приносились солнечным утром, а героям и хтоническим божествам – вечером или среди ночи)»⁷.

⁷ *Элиаде М.* От каменного века до Элевсинских мистерий // История веры и религиозных идей. М., 2001. Т. 1. С. 263. Однако, как уже было упомянуто, местонахождение героона (или святилища героя) могло быть разным. Возможно, именно поэтому в ряде случаев посещение героона рассматривалось как оскверняющий посетителя акт. После этого он мог прийти в храмы богов, только когда над ним будет проведён очистительный обряд. Об этом см.: *Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 6. Впрочем, существует на наш взгляд и другая версия необходимости обряда очищения после посещения героона или могилы героя: соприкосновение живого человека с атри-

Но к сожалению, далеко не все исследователи при подобных описаниях указывали источники, из которых они получили эти данные. Среди исключений можно назвать Р. Гарланда⁸, который указал в своей книге на ряд любопытных источников, как археологических так и письменных⁹. При наличии такого обширного исследования о заупокойных обрядах, которые нередко имели прямое отношение к героическому культу, тем не менее, есть ряд неосвещенных аспектов. К примеру, ни один из перечисленных исследователей не упоминает, менялась ли культовая практика на протяжении архаического, классического, эллинистического и более поздних периодов древнегреческой истории. И причина, пожалуй, в некоторой фрагментарности источниковых данных. Тем не менее, письменные источники даже более позднего времени в общих чертах описывают ряд тех элементов культа, которые являли собой основу культовой практики.

Отражается оно и на истолковании понятий «герой» и «героическое» и несколько расширяет их¹⁰. По замечанию

бутами смерти, пусть даже и почитаемого смертного, обращало человека в своего рода осквернённого. И в этом, пожалуй, ещё одно серьёзное отличие между не только героем и богом, но между храмом и герооном. Подобное описание культовых практик встречается у многих исследователей. См. также: *Зелинский Ф.Ф.* Указ. соч. С. 84; *Диатроптов П.Д.* Указ. соч. С. 6.

⁸ *Garland R.* *The Greek Way of Death.* N.Y., 2001. P. 110. Гарланд, кроме всех прочих источников, указывает на свидетельство Артемидора Далдианского в «Онейрокритике» о том, что после посещения могилы героя и обычного мертвеца одинаково требовался обряд очищения (Опейокт. 1.47). Этот вопрос имеет значение в связи с установлением статуса героя в общественном сознании в классическую эпоху. Однако, как и в случае с Павсанием и «Описанием Эллады», некоторые трудности возникают в связи с тем, что эти источники созданы во II в. н.э.

⁹ Хотя не следует забывать, что они гораздо чаще датируются как относящиеся к IV в. до н.э. и вплоть до II в. н.э.

¹⁰ Подробнее о влиянии гомеровского идеала героя на общественное сознание см.: *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. СПб., 2000. С. 107–108.

С. Элкок, изменения в сознании общества, в классику, отразилось и на археологических данных: «Археологические свидетельства культовой активности в связи с гробницами бронзового века были замечены в конце классического и в эллинистический период в Греции. Утверждается, что давление политических и институциональных изменений на полис породило эту практику. В частности, необходимость в этом обдумывалась элитарными элементами общества, чтобы объявить и узаконить их становящуюся доминантной роль в гражданской жизни, что и считается основным стимулом к такой активности в области культа»¹¹. Элкок, впрочем, пишет о культе гробниц в некотором отрыве от культа героев, что не характерно для археологического исследования, учитывая тот аспект, что бронзовый век как раз и считается «веком героев». А устойчивое оформление культовых практик, связанных с древнейшими могилами, вероятнее всего, произошло в архаику, вместе с расцветом эпического жанра. Таким образом, к началу V в. древнегреческие культы (богов, героев и умерших) и их практики, вероятнее всего, были оформлены и имели как ряд базовых (общих для всех культов) элементов, так и различия.

* * *

Установление святилищ, то есть героонов, всё же привилегия более прославленных героев. Менее именитые довольствовались могилами в посёлках и за чертой города (Paus. I.29.2). Исследователь археологических данных, связанных с мистериями, М.Дж. Космополус пишет, что характерным для святилища героя был мозаичный пол¹², а в своём исследовании аргивского героона, К. Антонацио описывает довольно подробно

¹¹ Alcock S. Tomb Cult and the Post-Classical Polis // AJA. 1991. Vol. 95. No. 3 P. 447.

¹² Cosmopoulos M.B. Greek mysteries: the Archaeology and Ritual of Ancient Greek secret cults. N.Y., 2003. P. 93, 106.

его планировку¹³. Однако, прежде чем судить по внешним признакам, что перед исследователем-археологом предстал героон, следует обратить внимание на тот момент, что уже в античности можно было встретить описание различных по своему устройству святилищ, храмов и жертвенных алтарей. Примеры подобного есть у Павсания: «Так и у жителей Оропа есть храм Амфиараия и его статуя из белого мрамора. Его жертвенник разделен на отдельные части: одна посвящена Гераклу, Зевсу и Аполлону Пэону (Целителю), вторая посвящена героям и женам героев, третья – Гестии, Гермесу, Амфиараю и из сыновей его Амфилоху; Алкмеон же за свое преступление против Эрифилы не получил никакой почести ни в (храме) Амфиараия, ни тем более рядом с Амфилохом; четвертая часть жертвенника посвящена Афродите и Панакие (Всисцеляющей), кроме того Иасо (Лечению), Гигиее (Здоровью) и Афине Пэонии (Целительнице). Пятая предназначена нимфам, Пану и рекам Ахелою и Кефису. Амфилоху есть жертвенник у афинян и в самом городе, а в Киликии в Малле – прорицалище, из всех в мое время самое непогрешимое» (Paus. I.34.3).

Жертвоприношение¹⁴ богу или герою (*ἐναγίζω, θυσία*) мы считаем одной из важнейших практик религиозных культов. Как пишет С.И. Джонстон: «Жертва была непременным условием установления связи между смертными и могущественными и, тем самым, жизненно важной для других действий, происходящих благодаря этой связи»¹⁵.

¹³ Antonaccio C. Terraces, Tombs, and the Early Argive Heroon // *Hesperia*. 1992. Vol. 61. No. 1. P. 85–105.

¹⁴ Согласно данным археологии традиционными жертвенными животными для героя были овцы: *Garland R.* Op. cit. P. 112.

¹⁵ *Johnston S.I.* Sacrifice in the Greek Magical Papyri // *Magic and Ritual in the Ancient World*. Leiden, Boston, Köln, 2002. P. 344.

Связь подобного рода устанавливалась в сознании эллинов, видимо, только посредством ряда обязательных атрибутов, связанных с жертвоприношением. В частности, важную роль при этом играет наличие жертвенного алтаря. Следует обратить внимание на то, что наличие алтаря или места для жертвы, ещё нельзя считать основным признаком могилы героя, поскольку жертвы приносились и другим мёртвым, возможно, почитавшимся не меньше героев¹⁶. Впрочем, далеко не всех умерших ждала подобная участь. Поэтому мы склонны полагать, что почётные захоронения с признаками принесения жертвы уже и в классике можно считать как минимум почитаемыми на более высоком уровне. Почитание это, скорее всего, также было связано с каким-то подобием культа героя или, что более вероятно, с культом предка, иногда – сочетаясь друг с другом, а иногда – нет.

Кроме того, своего рода приношением жертвы являлись состязания, ради которых участники затрачивали свои силы, принося жертву и таким путём¹⁷. Погребальные игры являлись до-

¹⁶ Вот, что писал об этом, к примеру, Н.Д. Фюстель де Куланж: «У греков перед каждой гробницей было место, предназначенное для заклания жертвы и приготовления её плоти... Плутарх рассказывает, что после битвы при Платеях, убитым и похороненным на поле битвы, платейцы предложили проводить похоронные почести каждый год. Следовательно, в каждую годовщину они проходили огромной процессией, ведомые первыми магистратами, к насыпи, где лежали мёртвые. Они предлагали умершему молока, вина, масло, благовония и приносили жертву». См.: *Fustel de Coulanges N.D. The Ancient City*. Kitchener, 2001. P. 13. Учитывая продолжительное время, прошедшее с момента выхода этого труда Фюстель Де Куланжа, утверждение можно подвергнуть некоторой критике. По нашему мнению, практика жертвоприношений касается почитаемых (в том или ином качестве) умерших.

¹⁷ *Hornblower S. Thucydides and Pindar*. N.Y., 2004. P. 6. Так, например, могли устанавливаться игры в честь героизированных персон: «Что до людей с погибших кораблей, то, по крайней мере, большую часть их захватили в плен карфагеняне и тирсены и, высадившись на сушу, побили камнями. С тех пор у агиллейцев все живые существа – будь то овцы, рабочий скот или люди, проходившие мимо места, где лежали трупы побитых камнями фокейцев, – становились увеч-

вольно частым способом почитания умерших. По нашему мнению, атлетические состязания в целом довольно тесно связаны с культом не только умерших, но и героев. Упоминание о подобном ритуале в честь убитого воина и героя есть уже у Гомера (Ил. XXIII.285–897).

Другой довольно примечательный способ почитания, связанный не с ритуалами, а с культовой атрибутикой, заключался в хранении оружия, которое считалось принадлежавшим герою. Приводя свидетельство Павсания, мы предполагаем, что подобная практика имела распространение уже и в раннеклассический период, хотя, вероятнее всего, не в таких масштабах, как это произошло позднее. Однако, если следовать тому, как детально описано оружие (и особенно щиты) в эпосе, поклонение оружию героя имело и текстовый эквивалент. Павсаний же пишет по этому поводу: «А что в героические времена оружие вообще все было медное, свидетелем этого является Гомер в тех стихах, где он описывает секиру Писандра и копье Мериона. И с другой стороны, это подтверждается копьем Ахилла, хранящимся в Фаселиде в храме Афины, и мечом Мемнона, находящимся в Никомедии в храме Асклепия: у копья острие и нижняя часть сделаны из меди, а меч вообще весь медный. Я это видал, я знаю, что это так» (Paus. III.3.8). Как видно из приведенного отрывка, оружие, которое считалось принадлежавшим героям, могло находиться в храмах богов. Характерной чертой «Илиады» также является описание героя через детальную словесную прорисовку его оружия, особенно щита Ахилла (Ном. II.

ными, калеками или паралитиками. Тогда агиллейцы отправили послов в Дельфы, желая искупить свое преступление. Пифия повелела им делать то, что агиллейцы совершают еще и поныне: они приносят богатые жертвы фокейцам, как героям, и устраивают в их честь гимнастические состязания и конские ристания. Вот какая участь постигла этих фокейцев» (Hdt. I.167). По сути, здесь у Геродота описан довольно часто встречающийся феномен героизации в качестве своего рода искупления за совершенное убийство.

XVIII.478–608). Щит – чуть ли не самое важное, что есть у героя-воина¹⁸. Следует сказать, что редко можно встретить упоминания божественной атрибутики в тексте, а упоминаний хранения в храмах чего-либо подобного вообще невозможно. Очевидно, что подобное явление связано со смертностью героя и бессмертием бога по древнегреческим представлениям.

Обобщая все сведения можно сделать некоторые выводы. Во-первых, исходя из всех данных можно, вне всякого сомнения, говорить о родстве божественного и героического культов в Древней Греции. Во-вторых, представляется довольно очевидным и то, что, не смотря на это родство и общие принципы, на которых базировались культы, существовали довольно серьезные различия и заключались они в первую очередь, в представлениях о могуществе богов и несколько меньшем могуществе героев. Подобное расхождение привело к созданию разных практик поклонения, позволявших идентифицировать культовые объекты почитания как героев или божеств даже в случае отдаленного знакомства с эллинскими обычаями. Конечно, подобная идентификация не являлась самоцелью, однако являлась частью процесса сохранения эллинами того, что почиталось ими за историческое сакрализованное прошлое.

Религиозное представление о силе богов и смертности героев породило различия в культовой практике, которые были разобраны выше. Главным различием, как было заключено, являлось почитание героев как смертных существ. Соответственно, наличие у героя могилы порождало и необходимость иного

¹⁸ Подопригора А.Р. Образ Геракла в контексте этнополитической истории Средиземноморья II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Дисс... канд. ист. наук. Казань, 2006. Л. 33. Почитание героя через преклонение перед его оружием таким образом (с помощью размещения оружия в храмах богов), впрочем, не встречается в более ранних источниках, но, как нам представляется, является проявлением много более древних тенденций в почитании умерших воинов.

топографического расположения героона (не такого как у храма бога) и несколько иную практику жертвоприношения, а также наличие разной культовой атрибутики и предметов почитаемых в качестве значимых. Все это, впрочем, не является основанием для утверждения о том, что боги и герои никогда не почитались как равные, поскольку известны примеры довольно крупных героических культов, которые становились божественными.

Ю. А. Фрешер (Саратов)

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ НАДПИСЕЙ НА ПАНАФИНЕЙСКИХ АМФОРАХ

Панафинейские амфоры представляют собой не только прекрасный образец развития аттической керамики и вазописи, но и интересный источник, позволяющий проследить изменения надписей на амфорах, которые в свою очередь являются хронологическим репером. В историческое время тиран Писистрат превратил Панафинеи в главное афинское празднество. Цикл мероприятий, проводившийся ежегодно, именовался Малыми Панафинейями. Одновременно с этим каждый третий год Олимпиады с особой торжественностью и роскошью праздновались Великие Панафинеи, которые были учреждены при Гиппоклиде, архонте 566/5 г. до н.э.¹ (Marcell. Vit.Thuc. 3). Примерно в середине VI в. до н.э. появляются и призовые амфоры².

Уже к 530 г. до н.э. оформился тип росписи призовых амфор: на лицевой стороне изображали Афину со щитом и копьем, по обеим сторонам от богини располагали дорические колонны с восседающими петухами, вдоль одной из колонн наносили главную надпись ΤΟΝ ΑΘΕΝΕΘΕΝ ΑΘΛΟΝ³ (рис. 1), а на обратной стороне амфоры размещали изображение вида состязаний при-

¹ Parke H.W. Festivals of the Athenians. Ithaca, 1977. P. 34; Develin R. Athenian Officials, 684–321 B.C. Camb., 1989. P. 41; Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2009. С. 169.

² Boardman J. The History of Greek Vases. L., 2001. P. 58.

³ См.: CVA Canada 1, Toronto 1 (1981). Pl. 23,1; CVA Deutschland 78, Munchen 14 (2005). T. 59,1; CVA Italia 69, Napoli 5 (1995). Pl. 40; CVA Netherlands 3, Leiden 1 (1972). Pl. 48.

зёра. В это время на амфорах встречаются даже изображения музыкальных состязаний⁴ (рис. 2). Такой панафинейский сосуд был обнаружен в результате раскопок А.А. Миллера в 1911 г. в Танаисе. Эта уникальная находка даёт основания утверждать, что первоначально за победу в мусических агонах тоже вручали расписные амфоры с маслом, а уже к IV в. до н.э. характер награждения претерпел изменения, поскольку Аристотель писал, что оливковое масло в амфорах получали только победители в гимнастических состязаниях и конских ристаниях, а победителям в музыкальных состязаниях назначалось денежное вознаграждение и золотые вещи (Arist. Ath. Pol. 60).

На протяжении всего V в. до н.э. амфоры расписывались в традиционном духе, вплоть до того, что для них использовалась исключительно чернофигурная роспись, хотя с середины V в. до н.э. её повсеместно вытеснила краснофигурная техника.

Интересно, что в Древней Греции не все придавали надписи одинаково высокую значимость. Так, для самих афинян ценность призовой амфоры была очевидна даже без наличия надписи, а для участников из других частей греческой ойкумены надпись была крайне важным доказательством заслуженной победы и чести⁵.

Около 400 г. до н.э. в оформлении панафинейских амфор произошли изменения⁶. В IV в. до н.э. на них постоянно встречается ещё одна надпись, указывающая имя архонта, которое позволяет максимально точно определить год сбора масла⁷. Примечательно, что появление имени архонта на амфоре повлекло за собой изменение и в художественном оформлении.

⁴ Радлов Н.Э. Две панафинейские амфоры, найденные в Южной России в 1911 г. // ИАК. 1912. № 45. С. 76–91.

⁵ Gardiner E.N. Panathenaic Amphorae // JHS. 1912. Vol. 32. P. 188.

⁶ Вдовиченко И.И. ΠΑΝΑΘΗΝΑΪΚΑ ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΟΝ // АИБ. 1999. С. 235.

⁷ Boardman J. The History of Greek Vases. L., 2001. P. 58.

Это выразилось в том, что выбор символа на колоннах теперь отошёл к архонтам и не имел отношения к гербу рода⁸.

В первое время основная надпись могла быть расположена у любой из колонн, а имя архонта дописывали вдоль той, которая оставалась «свободной». Зачастую обе надписи наносили с внутренней стороны колонн, ближе к изображению богини, но это не было обязательным правилом. Хотя Д. Робинсон полагает, что такое «неписаное правило» всё-таки существовало до 336 г до н.э.⁹ Но в последней четверти IV в. до н.э. устанавливается определённый порядок. Если в 336 г. до н.э. был единственный случай, когда надпись «награда из Афин» заняла место вдоль внутренней стороны левой колонны, а имя архонта – вдоль внешней стороны правой колонны, то с 324 г. до н.э. такое расположение становится регулярным¹⁰. Можно предположить, что выбор сторон для нанесения надписей не был безосновательным. Ведь в Греции, как и во многих других культурах, правая сторона (рука) ассоциировалась с мужским началом, левая – с женским¹¹. Соответственно и имя богини заняло место с левой стороны, а имя архонта – с правой.

Примечательно, что уже в первобытном искусстве основным парным противоположением было противоположение мужского и женского начал, которое связано с особенностями социальной организации и хозяйственной деятельности первобытного человека. Французский антрополог Леруа-Гуран установил, что знак

⁸ *Tiverios M. Shield Devices and Column – Mounted Statues on Panathenaic Amphoras. Some remarks on Iconography // Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon. Madison, 1996. P. 170.*

⁹ *Robinson D.M. A Panathenaic Amphora with the Archon's Name Asteius // AJA. 1910. Vol. 14. No. 4. P. 424.*

¹⁰ *Heermance T.W. Fragment of a Dated Panathenaic Amphora // AJA. 1896. Vol. 11. No. 3. P. 333.*

¹¹ *Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 232.*

левой руки в первобытном искусстве является одним из способов символического обозначения женского начала¹².

В качестве примера, подтверждающего такое соотношение правое-левое, мужское-женское, можно привести также некоторые сведения из «Онейрокритики» Артемидора Далдианского. В его «Соннике», созданном уже во второй половине II в. н.э., мы читаем, что приснившаяся «голова указывает на отца, нога – на раба, правая рука – на отца, сына, друга, левая рука – на жену, мать, подругу, дочь или сестру...» (Artemid. Oneirocritica. I.2). Далее он пишет, что «если кому снится, что правая часть головы у них облысела, то он лишится всех родственников мужского пола...; если же левая часть головы – то лишится женской родни... ибо голова означает родственников, причём правая часть – мужчин, левая – женщин» (Artemid. Oneirocritica. I.21). Такая интересная закономерность, существовавшая уже как в первобытном обществе, так и отмечавшаяся в первых веках нашей эры, объясняет выбранное расположение надписей на панафинейских амфорах.

Возвращаясь к введению данного «правила» 324 г. до н.э., нужно ещё раз подчеркнуть, что оно закрепило положение надписей на лицевой стороне амфоры. Однако не было никакого принципа, который бы затрагивал порядка слов второй надписи (с именем архонта), либо устанавливал точное количество слов первой. Так, В.В. Латышев указывает, что сохранилось несколько амфор, на которых первая надпись выглядела следующим образом: τῶν Ἀθήνηθεν ἄθλων εἰμί¹³. Это утверждение, однако, не нашло поддержки других исследователей, которые небезосновательно утверждали и утверждают, что надпись не включала последнего четвёртого слова εἰμί. К сожалению,

¹² Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978. С. 85.

¹³ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. СПб., 1997. Ч. II. С. 127.

В.В. Латышев не доказывал свои утверждения иллюстративно, и можно только предположить, что он имел в виду надпись на самой древней из сохранившихся панафинейских амфор, датированной ок. 560 г. до н.э. Речь идёт о «Бургонской вазе», которая хранится в Британском музее (рис. 3).

Написанием второй надписи заинтересовался Т. Геерманс. Он сравнил 11 различных амфор. В трёх случаях – амфорах, датированных 333/2, 332/1, 328/7 гг. до н.э., слово ἄρχων предшествует имени; в остальных восьми случаях – 367/6, 336/5, 332/1, 324/3 (дважды), 323/2, 321/0, 313/2 гг. до н.э., оно стоит после имени¹⁴. Отсюда видно, что никакой закономерности нет. Более того, на двух амфорах, датированных 332/1 г. до н.э., представлены разные варианты написания.

Кроме того, А. Вильгельм, Г. Браухич, Дж. Бизли и другие авторитетные исследователи указывали, что уже в эллинистическое и римское время имя архонта сменили имена других магистратов – казначея (ταμίης)¹⁵ или организатора игр (ἀγωναθέτης)¹⁶.

Следующее новшество в оформлении призовых амфор было связано с изменениями в написании букв. В раннюю пору греческой истории в разных областях Греции были однородные по существу алфавиты, но различавшиеся по форме отдельных букв. В Афинах до конца V в. до н.э. применялся алфавит, отличный от ионийского, принятого в городах Малой Азии – т.н. староаттическая норма. Только в архонтство Эвклида¹⁷, которое пришлось на 403/2 г. до н.э., в Афинах была установлена т.н. новоаттическая норма. С IV в. до н.э. изменение в графике посте-

¹⁴ Heermance T.W. Op. cit. P. 332.

¹⁵ Wilhelm Ad. Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien, 1909. P. 82. Non vidi.

¹⁶ Beazley J.D. The Development of Attic Black-figure. Berkeley, 1986. P. 92; Вдовиченко И.И. Указ. соч. С. 235.

¹⁷ Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1982. С. 23.

пенно утвердилось повсеместно и стало общегреческим. Дж. Бизли условно обозначает «новый» ионийский алфавит как $\text{H}\Omega\Lambda$ ¹⁸. Это очень удобно, ведь именно эти три буквы, которые присутствуют в главной надписи панафинейской амфоры, могут помочь безошибочно отнести амфору к «поздним» вазам или «ранним». Ранними принято считать амфоры VI–V вв. до н.э., поздними – с IV вв. до н.э.

Однако не сразу новоаттическая норма, или ионийский алфавит, как чаще говорят западные исследователи, появилась на призовых амфорах. Специалисты указывают, что это произошло в 30-х гг. IV в. до н.э. Так, Т. Геерманс полагает, что новый алфавит в старой формуле $\tau\omicron\nu \text{ } \text{'}\text{A}\theta\acute{\epsilon}\nu\epsilon\theta\epsilon\nu \text{ } \acute{\alpha}\theta\lambda\omicron\nu$ стал использоваться только после 336 г. до н.э., а в надписи с именем архонта – применялся уже с 367 г. до н.э.¹⁹ Н. Гардинер же считает, что аттический алфавит (имеется в виду староаттическая норма) встречался на некоторых амфорах вплоть до 333 г. до н.э.²⁰ А уже с этого времени, по мнению Г. Браухича, ионийский алфавит на амфорах используется регулярно²¹.

Другое изменение, которое произошло в оформлении панафинейских амфор, связано с формой письма. Стойхедон ($\sigma\tau\omicron\iota\chi\eta\delta\acute{\omicron}\nu$) постепенно уступает место кионедону ($\kappa\iota\omicron\nu\eta\delta\acute{\omicron}\nu$). Суть заключалась в том, что теперь буквы в надписи стали прорисовывать вдоль колонны не вертикально, а горизонтально (рис. 4).

Т. Геерманс считал более вероятным введение новой практики письма в 347 г. до н.э., хотя делал оговорку, что это не стало моментальным изменением, поскольку прежняя форма написа-

¹⁸ *Beazley J.D.* Panathenaica // *AJA*. 1943. Vol. 47. No. 4. P. 463.

¹⁹ *Heermance T.W.* Op. cit. P. 332.

²⁰ *Gardiner E.N.* Op. cit. P. 179.

²¹ *Brauchitsch G.* Die Panathenaischen Preisamphoren. Leipzig, 1910. S. 122. Non vidi.

ния в указанном году ещё встречалась²². Но Ф. Тарбелл убедительно опроверг это предположение, опубликовав в своей статье фрагмент панафинейской амфоры, на котором читается часть имени архонта (рис. 5). Он установил, что сочетание букв тоδη, написанное кионедоном, встречается только в одном имени архонта – Аристомем²³. А так как его архонство приходится на 352/1 г. до н.э., то это даёт основания говорить, что кионедон использовали на призовых амфорах не с 347 г. до н.э., а как минимум с 352 г. до н.э.

Однако даже с такой датировкой не соглашался Р. Гамильтон. Как и Л. Талкотт с Б. Филиппаки, он отметил, что впервые кионедон появляется на амфоре уже в 367 г. до н.э.²⁴ Р. Гамильтон обратил внимание, что до 360 г. до н.э. старая и новая формы письма ещё встречаются вместе, но уже после 360 г. до н.э. надписи на призовых амфорах пишутся только кионедоном²⁵. Действительно, иллюстративный материал подтверждает тот факт, что впервые кионедон²⁶ был использован при архонте Полизеле (367/6 г. до н.э.)²⁷. Следовательно, дата, предложенная Р. Гамильтоном, относится к более раннему времени. Но археологические раскопки ведутся постоянно, и между исследовательскими работами Т. Геерманса с Ф. Тарбеллом и работой

²² *Heermance T.W.* Op. cit. P. 332.

²³ *Tarbell F.B.* Fragment of a Dated Panathenaic Amphora // *CLR.* 1900. Vol. 14. No. 9. P. 475.

²⁴ *Talcott L., Philippaki B.* Figured pottery // *Hesperia.* 1956. Suppl. 10. Small Objects from the Pnyx II. P. 15.

²⁵ *Hamilton R.* Archons' Names on Panathenaic Vases // *ZPE.* 1993. Bd. 96. P. 240–241.

²⁶ см.: *CVA Great Britain 1, London 1 (1925), III H f, pl. 2,2 and 5; CVA Belgium 1, Brussels 1 (1926), III H e, pl. 14,3,a,c; CVA USA 12, New York 3 (1963), p. 36–37, pl. 45, 1-4.*

²⁷ *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975. С. 205; *Greek historical inscriptions: 404–323 BC.* Edited with introduction, translations, and commentaries by P.J. Rhodes and Robin Osborne. Oxf., 2003. P. 543.

Р. Гамильтона лежит целое столетие. Соответственно, Р. Гамильтон располагал уже большим объёмом информации, поэтому его датировка представляется наиболее верной.

Если же сопоставить обладателя амфоры в античности и обладателя амфоры в современности (имеется в виду исследователь, работающий непосредственно с археологическими источниками), то преимущество, безусловно, будет у первого, ведь он точно знал, каким годом датируется его награда. Что касается сегодняшнего археолога, то для него определение времени изготовления является делом нелёгким и имеет весьма большое значение. Знание динамики изменений надписей на панафинейских амфорах в некоторой степени позволяет корректировать относительную хронологию археологического материала.

В результате проделанной работы можно привести установленные данные:

- с 324 г. до н.э. имя архонта занимает место вдоль внешней стороны правой колонны, надпись «награда из Афин» – вдоль внутренней стороны левой колонны (Т. Геерманс);
- «новый» ионийский алфавит (т.н. новоаттическая норма, НΩΛ) в первой надписи использовался с 336 г. до н.э., а в надписи с именем архонта – уже с 367 г. до н.э. (Т. Геерманс); регулярно применялся с 333 г. до н.э. (Н. Гардинер и Г. Браухич);
- стойхедон уступает место кионедону в 347 г. до н.э. (Т. Геерманс), 352 г. до н.э. (Ф. Тарбелл), 360 г. до н.э. (Р. Гамильтон).

Таким образом, значимость надписи на панафинейской амфоре нельзя недооценивать. Она содержит одновременно как прямой, так и скрытый смысл. Помимо того, что наличие надписи (до IV в. до н.э. – одной, с IV в. до н.э. – двух) является доказательством подлинности приза, её изменение служит хорошей подсказкой для исследователей, когда перед ними стоит задача датировки.

Рис. 1. Главная надпись
на панафинейской амфоре
CVA Italia 69, Napoli 5 (1995). Pl. 40

Рис. 2. Единственная из сохранившихся панафинейских амфор с изображением мусического агона

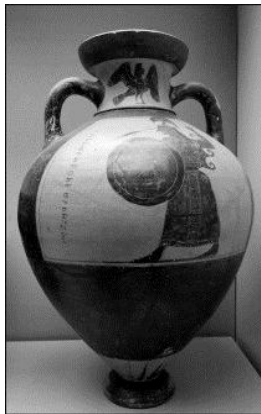

Рис. 3. «Бургонская ваза»,
ок. 560 г. до н.э.

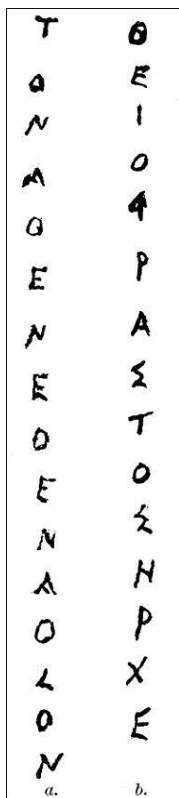

Рис. 4. Кионедон

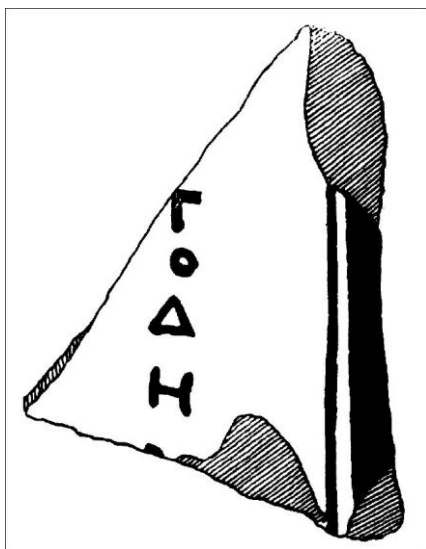

Рис. 5. Фрагмент амфоры
с частью имени
архонта Аристодема

Р. А. Кондрашук (Челябинск)

РЕФОРМА АРЕОПАГА 462 Г. ДО Н.Э.

В ОТРАЖЕНИИ ТРАГЕДИИ ЭСХИЛА «ЭВМЕНИДЫ»

Театр Древней Греции – один из самых значимых элементов наследия античности. В античную эпоху он имел важное гражданское значение. Греки рассматривали театр не столько как развлечение, но как важный элемент полисной жизни и культурного наставления¹. Празднества в честь бога Диониса, на которых и проходили постановки трагедий и комедий, служили средством определения афинской гражданской идентичности². Поэтому произведения, ставившиеся в театре, не могли не обращаться к злободневным политическим проблемам.

В одной из трагедий Эсхила – «Эвмениды» – содержатся явные аллюзии на реформу Арелопага 462 г. до н.э.³ О политической подоплеке в данной трагедии писали уже авторы античных комментариев. Однако впервые эта проблема в историографии была поднята в XIX в.⁴ С тех пор по данному вопросу была написано большое количество работ. В современном антиковедении идут острые споры о политических воззрениях самого Эсхила и его отношении к реформе Арелопага. Единого мнения в историографии на этот счет до сих пор нет. На данный момент можно выделить несколько точек зрения. Одни считают Эсхила консерватором и подчеркивают его неодобительное отноше-

¹ *Arrowsmith W.A.* A Greek Theater of Ideas // *Arion*. 1963. Vol. II. 3. P. 32–33.

² *Cartledge P.* “Deep Plays”: Theatre as Process on Greek Civic Life // *Cambridge Companion to Greek Tragedy*. Cambr., 1997. P. 6.

³ *Costa C.D.N.* Plots and politics in Aeschylus // *GR*. 1962. Vol. 9. № 1. P. 24.

⁴ См. разбор историографии проблемы: *Лурье С.Я.* Политическая тенденция трагедии «Евмениды» // *ВДИ*. 1958. № 3. С. 42–43.

ние к реформе 462 г. до н.э.⁵ Другие же исследователи видят в трагике сторонника демократических преобразований⁶. Наконец, есть и те, которые пытаются найти золотую середину и не отдают предпочтения какой-то одной вышеназванной точке зрения⁷.

Ареопаг – древнейший аристократический орган, берущий свое начало в глубокой древности. Он прошел сквозь века, являя собой оплот стабильности. Изначальной и важнейшей функцией Ареопага был суд об убийствах⁸. Судебные разбирательства на Аресовом холме носили сакральный характер, что видно из большого числа мифов, окружавших Ареопаг. Устав этому старинному государственному органу, по Эсхилу, дает сама Афина (Eum. 684; 710). Бесспорна и связь этого органа с культом Эвменид, само святилище которых располагалось на северо-восточном склоне Ареопага. После судебной тяжбы в честь богинь совершались жертвоприношения. Этот ритуал имел огромное значение для стабильного существования самого полиса⁹. Не удивительно поэтому, что в рассматриваемой трагедии Эсхила Эвмениды имеют самое непосредственное участие в создании Ареопага.

Первейшей и основополагающей функцией Ареопага были суды об убийствах, однако потом его функции расширялись и дополнялись. Поэтому в историографии возникли такие термины, как основные и дополнительно приобретенные права Ареопага, но и здесь нет единого мнения, о том, какие функции от-

⁵ Радциг С.И. К вопросу о политической тенденции Эсхила в «Эвменидах» // ВДИ. 1968. № 2; Коршунов В.А. Эсхил и Ареопаг // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1989. Вып. 2 (№ 9) и др.

⁶ Ярхо В.Н. Эсхил // Эсхил. Трагедии. М., 1989. С. 471; Суриков И.Е. Афинский Ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40 и др.

⁷ Лурье С.Я. Указ. соч. С. 42–54; Costa C.D.N. Op. cit. P. 23–34.

⁸ Суриков И.Е. Афинский Ареопаг... С. 29.

⁹ Там же. С. 29–30.

носить к основным, а какие – к дополнительным. Р. Уоллес, например, называет в качестве основной функции только суд по убийствам, все остальные он считает дополнительными. По его мнению, большинство полномочий было присвоено Ареопагу Солоном¹⁰. Но можно ли тогда их считать дополнительными, если к моменту реформы они имели уже полтора века истории? И.Е. Суриков считает, что под дополнительными функциями понимаются те, которые были приобретены во время греко-персидских войн¹¹. По Аристотелю, эти дополнительные полномочия не были нигде закреплены или записаны (Ath. Pol. 23. 1). В течение по крайней мере семнадцати лет после мидийских войн государство оставалось под главенством совета Ареопага, хотя и клонилось понемногу к упадку (25. 1). Это связано и с реформой 487 г. до н.э., по которой возвращалась жеребьевка при избрании архонтов, что вело к изменению личного состава Ареопага, в который отныне входили люди, менее связанные с текущей политикой¹². Следовательно, и сам орган стал играть все меньшую роль, пусть и оставаясь формально верховным в полисе. Реформа же Эфиальта положила конец и этой формальности.

К самой реформе отношение в источниках и историографии неоднозначно. Большинство исследователей придерживаются взгляда Плутарха, который считает реформу радикальной, а в самом Эфиальте видит ниспровергателя старых порядков и законов. Цель реформы, по херонейскому биографу, – отобрать у Ареопага все судебные дела и сделать народ хозяином судилищ (Cim. 15; Per. 9). Однако некоторые примеры из афинской истории свидетельствуют, что задолго до реформы Эфиальта, высшей судебной инстанцией в Афинах становится гелиэя, которая

¹⁰ Wallace R.W. The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore; L., 1989. P. 83–87.

¹¹ Ibid. P. 28–29.

¹² Суриков И.Е. Афинский Ареопаг... С. 24.

не только принимала апелляции, но и самостоятельно разбира- ла дела, имевшие государственное значение. Подтверждением тому являются такие известные процессы, как суд над Мильтиа- дом (Hdt. VI.136), дело Фемистокла в связи с процессом Пав- сания (Thuc. I.135; Plut. Them. 23) и др.¹³

У Аристотеля же точка зрения на эту проблему была иной. В «Афинской политике» Эфиальт представлен как один из ре- форматоров Ареопага. Дело его продолжает в 451 г. до н.э. Пе- рикл, который также «отнимает некоторые права у ареопаги- тов» (27.1). Однако ко мнению Стагирита в современном анти- коведении в основном относятся с недоверием, либо же вовсе отвергают само усиление Ареопага после греко-персидских войн либо же наличие у него дополнительных функций¹⁴. У Аристо- теля есть любопытный эпизод, хотя он и вызывает сомнения в достоверности, – анекдот об Эфиальте и Фемистокле, в котором реформа представлена как совместная деятельность двух поли- тиков (Arist. Ath. Pol. 25.2–3). Однако, если Аристотель имел в виду реформу 462 г. до н.э., то здесь явная ошибка, ведь к тому времени Фемистокл был не только изгнан из Афин, но и заочно приговорен к смертной казни¹⁵. Но имя Фемистокла было упо- мянуто, очевидно, не случайно. Возможно, он все-таки имел ка- кое-то отношение к реформе, пусть и не прямое. О том, что ре- форма была намечена еще Аристидом, говорит Аристотель (Ath. Pol. 41.2). Возможно, идея переустройства Ареопага задумывалась ранее и не принадлежала Эфиальту; он лишь ее реализовал.

¹³ Более подробно этот вопрос рассмотрен в статье: *Цуканова М.А.* Аристотель о периоде главенства Ареопага после 480 г. до н.э. (к истолкованию «τὰ ἐπιθετα» в «Афинской политике», 25, 2) // АМА. Саратов, 1972. Вып. 1. С. 147.

¹⁴ Там же. С. 145.

¹⁵ *Суриков И.Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи: время расцве- та демократии. М., 2008. С. 180–181.

«Эвмениды» Эсхила – один из ценнейших источников по Ареопагу и реформе 462 г. до н.э. Трагедия была поставлена в 458 г. до н.э., то есть через 4 года после реформы Эфиальта, и за год до другой реформы Ареопага, проведенной Периклом. Таким образом, трагедия была весьма актуальна и, как представляется, повлияла на последующую реформу.

В «Эвменидах» содержатся сведения о работе Ареопага, которые самому Эсхилу были хорошо знакомы и нашли отражение в его произведении, основное действие которого происходит как раз в этом древнейшем государственном органе Афин. По Эсхилу, Ареопаг собирается, чтобы вершить суд над убийцей своей матери – Орестом (Еум. 573–577). Это свидетельствует о том, что важнейшей функцией Ареопага являлся суд об убийствах, что согласуется с данными других античных авторов. В «Эвменидах» мы находим сведения о ходе судебных процессов. Они начинались с речи истца (Еум. 585–587), который предъявлял свои требования ответчику. Последний держал ответ на обвинения и давал показания перед судом (Еум. 590–615). Затем призывались свидетели (Еум. 611–612). Истцов, как и ответчиков, могло быть много. Так, Эринии совместно предъявляют обвинение Оресту, и каждая из них непосредственно участвует в диспуте (Еум. 588; 590; 592; 594; 596; 598; 600; 602; 604; 606; 608; 610). Аполлон называет себя не только свидетелем, но и соучастником преступления Ореста (Еум. 579–584) и разделяет с ним ответственность. Сами прения были достаточно острыми, порой с переходом на личности (Еум. 714–736). Большую роль играло и красноречие выступающих. Правильно и красиво выстроенные речи могли покорить ареопагитов и повлиять на их решение. Так, Аполлон своим выступлением убедил суд оправдать Ореста, хотя тот и признал свою вину. Бог искусств ловко запутывает судей, говоря обтекаемыми фразами, часто пускается в пространные рассуждения, имеющие косвен-

ное отношение к делу, умело выходит из противоречий, на которых его пытаются поймать Эринии (Eum. 643–646). Кроме того, Аполлон постоянно ссылается на своего отца – Зевса (Eum. 623; 628; 667). Так и участники процесса, вероятно, апеллировали к своим известным предкам, их заслугам перед полисом, подчеркивая тем самым принадлежность к конкретному роду, что имело большое значение в суде, учитывая традиционный характер общества.

После прений проводилось голосование под присягой (Eum. 677–678; 682–683). Ареопагиты клали камешки в урны «за» или «против» обвиняемого (Eum. 738; 745–746), которые подсчитывали судьи-счетчики (Eum. 746).

Актуальным остается вопрос о политических воззрениях самого Эсхила и его отношении к реформе. Для многих исследователей присутствие трагика в одной из политических группировок свидетельствует о его взглядах на внутреннюю политику¹⁶. Однако деление на «демократов» и «олигархов» применительно к Афинам V в. до н.э. не совсем корректно и является, по сути, модернизацией истории. Большое значение в образовании группировок имели личности лидеров, вокруг которых формировались эти «партии». Играли роль и личные связи между индивидуумами и целыми семьями. Помимо этого важное, а порой и решающее, значение играли вопросы внешней политики¹⁷. Но нахождение в одной из таких группировок не означало полного единства ее членов в вопросах внутренней политики. Они не имели четкой программы, идеологии, своего аппарата и иерархии. Каждый сторонник того или иного деятеля мог иметь собственные взгляды на внутривнутриполитические про-

¹⁶ Суриков И.Е. Афинский Ареопаг... С. 38; Лурье С.Я. Указ. соч. С. 50.

¹⁷ Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и классической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 176.

блемы. Поэтому присутствие Эсхила среди сторонников того или иного политика не означает автоматически его отношение к реформе Ареопага. Но определить, чьим сторонником, во всяком случае, во внешнеполитических вопросах, был трагик вполне реально.

В «Эвменидах» Эсхил весьма прозрачно и недвусмысленно говорит о союзе Афин с Аргосом, а последний, между прочим, был главным врагом Спарты на Пелопоннесе. Драматург не просто отмечает факт дружбы Афин и Аргоса, он пытается показать исконность и древность этого союза. Якобы уже с самой Троянской войны Афины помогали Агамемнону, царю Аргоса (Eum. 395–400; 453). Согласно Гомеру, резиденцией Агамемнона были Микены (Il. I. 30; Od. III. 263), однако, С.Я. Лурье, исходя из некоторых выражений в «Илиаде» и «Одиссее», предположил, что Агамемнон царствовал и в Аргосе¹⁸. Отсюда ленинградский историк пришел к выводу, что в трагедии содержатся аллюзии на битву при Эное, после которой Аргос получил Микены. В таком случае слова Ореста об «отцовском доме» (Eum. 457–462) следует воспринимать именно в этом контексте. Можно утверждать, что во внешней политике Эсхил разделял позицию Перикла. Его дружба с Периклом подтверждается и другими примерами. Например, об этом свидетельствует тот факт, что Перикл был хорегом и поставил тетралогию Эсхила, в составе которой была и известная трагедия «Персы». Вполне вероятно, что он был хорегом и в 467 г. до н.э. при постановке тетралогии «Фиваида», в которую входило другое известное произведение Эсхила – «Семеро против Фив»¹⁹. Поэтому большинство ученых, относящих трагика к консерваторам, приходят в замешательство от того обстоятельства, что он поддержи-

¹⁸ Лурье С.Я. Указ. соч. С. 43–44.

¹⁹ Суриков И.Е. Афинский Ареопаг... С. 38.

вал внешнюю политику реформаторов. С.И. Радциг объяснял это тем, что ненависть к Спарте объединяла и сторонников, и противников реформы²⁰. По мнению А. Шмидта, Эсхил хотел компромисса и предлагал всем согласиться с внешней политикой реформаторов²¹. В.А. Коршунков не видит в этом никакого противоречия и утверждает, что соперничество с другой державой должно было вызвать единение граждан²², имея в виду под этой державой именно Спарту. Здесь он почти повторяет точку зрения С.И. Радцига.

Определить внутривластическую позицию Эсхила, как отмечалось выше, гораздо сложнее. Пожалуй, сложно спорить с тем, что Эсхил в своем произведении относится к Ареопагу уважительно и с почтением. Большинство исследователей используют это как главный аргумент в пользу того, что Эсхил был противником реформы. С.И. Радциг пишет: «Читая эти слова (Еум. 690–695), никак нельзя отрешиться от мысли, что они направлены против нового закона»²³. Ему вторит В.А. Коршунков: «Такое возвеличивание Совета Ареопага спустя несколько лет после расколовшей общество на враждующие группировки демократической реформы Эфиальта следует оценивать как проявление политического консерватизма»²⁴. Однако И.Е. Суриков видит в этом оправдание реформы. По его мнению, преобразование пошло на пользу Ареопагу: древний государственный орган освободился от лишних функций, укрепив свой религиозный, моральный и судебный престиж. И отрывок из произведения Эсхила подразумевает присвоенные во время

²⁰ Коршунков В.А. Указ. соч. С. 97.

²¹ См. мнение А. Шмидта в статье: Коршунков В.А. Указ. соч. С. 97.

²² Там же. С. 96.

²³ Радциг С.И. Указ. соч. С. 35.

²⁴ Коршунков В.А. Указ. соч. С. 97.

греко-персидских войн дополнительные права, которые были ликвидированы реформой Эфиальта²⁵:

«Пусть не будет новшеством

Устав мой осквернен: прозрачный ключ взмутив

Притоком грязным, свежей не испить воды...»

(Eum. 696–698)

Эти же строки С.И. Радциг и В.А. Коршунков трактуют как опасения против нового реформирования Ареопага. Точка зрения И.Е. Сурикова весьма любопытна и оригинальна. Как уже отмечалось выше, реформа 462 г. до н.э. могла быть уже назревшей и необходимой. А политические процессы Эфиальта восприняты не как способствующие снижению авторитета Ареопага, а наоборот, как очищение органа от недостойных личностей²⁶.

Финальную перепалку между Эриниями и Аполлоном (Eum. 714–736) можно интерпретировать как спор между сторонниками и противниками реформы Ареопага. Итогом этого спора становится примирение сторон, а равенство голосов при вынесении решения словно подчеркивает равнозначность их позиций. Афина же склоняет их к примирению²⁷. Вполне возможно, что она является героем-резонером, выражающим авторскую мысль Эсхила, который желает найти компромиссное решение.

Вражда между сторонниками и противниками реформы Ареопага была ожесточенной, о чем свидетельствует скорое убийство Эфиальта (Arist. Ath. Pol. 25.4). Чаще всего убийство расценивается как месть его политических врагов, недовольных

²⁵ Суриков И.Е. Афинский Ареопаг... С. 39.

²⁶ Там же. С. 35.

²⁷ Livingston R.W. The Problem of the Eumenides of Aeschylus // JHS. 1925. Vol. 45. P. 120–131.

проведенной реформой²⁸. Встречаются правда и другие версии. Плутарх приводит мнение Идомея, который считает, что Эфиальт был из зависти убит Периклом (Plut. Per. 9), но сам херонейский биограф с ним не соглашается. Дж. Марр полагает, что Эфиальт, придерживавшийся умеренно демократической позиции, мог быть убит своими политическими союзниками – радикалами, недовольными половинчатостью его реформ²⁹. Д. Стоктон считает, что Эфиальт умер собственной смертью, от сердечного приступа³⁰.

Таким образом, сделать однозначный вывод об отношении трагика к реформе Эфиальта невероятно трудно. Скорее всего, четкой позиции в «Эвменидах» он и не высказывает. Но это не значит, что он избегает политических вопросов. Наоборот, Эсхил не мог не затронуть их, ведь он был, прежде всего, гражданином своего полиса. Великий трагик, как и другие политики, был непосредственно вовлечен в политический процесс, поэтому не мог обойти стороной важнейшие события и не мог не говорить о тех веяниях, которые были в обществе. Поэтому «Эвмениды», с одной стороны, – реакция на реформу Эфиальта, но с другой – это предвосхищение реформы Перикла. Значит, уже за год до преобразования, она витала в умах политиков. И Эсхил сыграл на этом, поэтому и получил первый приз на Великих Дионисиях³¹. Однако не обязательно трагик должен был высказывать какую-либо одну точку зрения и навязывать ее зрителю. Вполне возможно, что Эсхил высказался о реформе и дал пищу к размышлению гражданам. Вероятно, он и сам не знал, что ждать от этих реформ, что они несут обществу.

²⁸ Гуцин В.Р. Загадка Эфиальта // Cathedra. Пермь, 2011. Вып. 4.

²⁹ Marr J.L. Ephialtes the Moderate? // GR. 1993. Vol. 40. No. 1. P. 11–19.

³⁰ Stockton D. The death of Ephialtes // CQ. 1982. Vol. 32. No. 2. P. 227–228.

³¹ Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 178.

Ведь на смену старому порядку приходил новый, в котором все большую роль начинал играть демос. Эсхил был сторонником Перикла, но опасался радикальности его преобразований и тосковал по старым и привычным обычаям.

Но если политические взгляды Эшила все еще вызывают сомнения и споры, то тот факт, что его трагедии можно считать ценным источником по афинской истории, а «Эвмениды» источником по реформе Ареопага – бесспорен.

И. В. Востриков (Казань)

АФИНСКАЯ ЭФЕБИЯ ДО ЭПОХИ ЛИКУРГА

Эфебия, двухгодичная система военной подготовки восемнадцатилетних афинян, хорошо известна с 30-х гг. IV в. до н.э. благодаря ее подробному описанию Аристотелем в 42-й главе «Афинской политики» (Arist. Ath. Pol. 42), а также богатому эпиграфическому материалу. В результате изменения политических, экономических, культурных реалий эфебия ко II в. до н.э. трансформируется из института военной подготовки в элитарный центр интеллектуального образования для богатых юношей, просуществовавший до середины III в. Однако сведения об эфебии до эпохи Ликурга отрывочные и довольно скудные, отсутствуют эфебские надписи. Поэтому на начальном этапе изучения эфебии некоторые исследователи выдвинули точку зрения о начале функционирования эфебии только с 335 г. до н.э.¹ В данной статье на основании имеющихся свидетельств об эфебии, мы попытаемся определить характер эфебии на раннем этапе ее существования, то есть до реформы Эпикрата 336/5 г. до н.э.

Впервые об эфебах говорится у Фукидида в описании восьмого года Пелопонесской войны (423 г. до н.э.), когда афинские гоплиты, легковооруженные платейцы и периполы *περίπολοι* (пограничные стражники) совершили поход против Мегар (Thuc. IV.66–67). Во втором случае сообщается, что убий-

¹ Brenot A. Recherches sur l'éphébie attique et en particulier sur la date de l'institution. Bibliothèque de l'École des Hautes Études fasc. 229. P., 1920. P. 34; Bryant A.A. Boyhood Youth in the Days of Aristophanes // HSClPh. 1907. Vol. 18. P. 73–122; Forbes C.A. Greek Physical Education. N.Y.; L., 1929. P. 109–178; Wilamowitz-Moellendorf U. von. Aristoteles und Athen. B., 1893. Bd. 1. S. 191–192.

ца видного афинского политика Фриниха, был периполом, а его сообщник – аргосцем. Аргосец не открыл имени подстрекателя убийства, сказав лишь об известных ему многолюдных сходках в доме периполарха и других домах (Thuc. VIII.92.2). Также здесь упоминается некий Гермон, перипол, командовавший периполами в Мунихии (Thuc. VIII.92.4–5). Фактически, о должности периполарха в Афинах ничего не известно, не говорит о нем и Аристотель. Лишь в нескольких надписях из Элевсина и Рамунта IV в. до н.э. встречаются периполархи, которых вместе со стратегами чествуют воины². Можно предположить, что периполархи осуществляли руководство периполами и отвечали за охрану границ.

Лисий убийцами Фриниха называет Фрасибулу из Калидона и Аполлодора из Мегары (Lys. XIII.70–71). Он ссылается на постановление, в котором за это Фрасибулу даруется афинское гражданство, но об Агорате не говорится ни слова³. Однако Агорат при помощи взятки добивается внесения своего имени как благодетеля на эту же стелу (Lys. XIII.72). Позднее Ликург в речи против Леократа также упоминает Фрасибулу и Аполлодора (Lys. C. Leocr. 112). А Плутарх, в свою очередь, считает убийцей Гермона, который вместе с сообщниками получил в награду венки (Plut. Alcib. XXV).

Эфебы, согласно Аристотелю, на второй год несли службу по охране границ (Arist. Ath. Pol. 42.4). Возникает вопрос о соотношении аристотелевских эфебов-периполов с периполами, упоминавшимися у Фукидида. С. Хорнблауэр в своих обширных

² Эти надписи представлены у: *Daly K.F. Citizens, Soldiers, and Citizen-Soldiers in Attic Garrisons in the Fourth to the Second Centuries B.C.: Ph. D. Diss. Cambr., Massachusetts, 2001. P. 49–57.*

³ Декрет в честь Фрасибула представлен у: *Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the end of the fifth century B.C. Oxf., 1969. P. 260–263.*

комментариях к труду Фукидида придерживается точки зрения, что периполы Фукидида это все-таки эфебы, афинские граждане, несшие патрульную службу. И, по его мнению, дело заключается в неточности интерпретации текста, что и вызвало ошибочное мнение о том, что периполы были иностранцами⁴. Другой комментатор Фукидида А. Гомм акцентирует внимание на убийстве Фриниха, точнее на различных его версиях у разных авторов. А. Гомм подчеркивает, что, согласно Лисию, Фрасибул конечно же иностранец, но Фукидид не называет имен убийц. Поэтому вера в то, что для службы в периполах были задействованы иностранцы, основывается на предположении, что Фрасибул был периполом⁵. Д. Лофберг полагает, что нельзя считать всех периполов, упомянутых у Фукидида наемниками⁶. Для решения этого неясного момента А. Гомм высказал предположение, что информатор Фукидида уехал из Афин при падении режима четырехсот, в это время убийца еще скрывался, а сведения о том, что убийца был периполом являются не более чем слухом, Фрасибул заявил о себе позднее, когда стало безопасно⁷. В конечном итоге А. Гомм заключает, что периполы во времена Фукидида и позже были специальной силой, сформированной из эфебов⁸.

Но кажется странным и несвойственным для периполов их участие в операции против Мегар, то есть за пределами Аттики (Тус. IV.66–67). Можно предположить, что в условиях затяжной Пелопонесской войны была постоянная необходимость в

⁴ *Hornblower S. A. A Commentary on Thucydides. Oxf., 1996. Vol. 2. P. 234.*

⁵ *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides... Oxf., 1998. Vol. 5. P. 309.*

⁶ *Lofberg J.O. The Date of the Athenian Ephebeia // ClPh. 1925. Vol. 20. No. 4 P. 330.*

⁷ *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides... Oxf., 1998. Vol. 5. P. 309–310.*

⁸ *Ibid. Vol. 3. P. 529.*

большом количестве войск, как для охраны собственной территории, так и для осуществления дальних походов. Эта необходимость обострялась и военными потерями в ходе боевых действий. Поэтому вполне возможно, что периполов решили задействовать для нападения, тем более, что Мегары и Нисея были расположены очень близко от Аттики. Д. Лофберг замечает, что Аристотель ничего не говорит об использовании эфебов за пределами Аттики, однако он описывает их службу в мирное время⁹. Во время войны афинян с эгинянами в 458 г. до н.э. из оставшихся в городе граждан самые старые и самые юные под начальством стратега Миронида явились к Мегарам (Thuc. I.105.4). Это были воины, уже потерявшие силы и еще не достигшие расцвета сил, как сказал о них Лисий (Lys. II.52). То были экстраординарные меры, так как в это время основные афинские войска находились на Эгине и в Египте (Thuc. I.105.3). К тому же, если верить Диодору Сицилийскому, в 369 г. до н.э. Афины послали большое войско под командованием Ификрата на помощь Спарте, которое включало даже молодежь (Diod. XV.63.2).

Из множества надгробных стел Афин выделяется стела афинянина Дексилея 394 г. до н.э.¹⁰ Дексилей, как следует из надписи, был всадником и погиб в возрасте девятнадцати или двадцати лет во время Коринфской войны 395–387 г. до н.э. Также Дексилей упоминается на другой стеле среди одиннадцати всадников, погибших в Коринфе¹¹. Вполне возможно, что он был эфебом. Ксенофонт говорит о шестистах афинских всадниках, участвовавших в этой битве (Xen. Hell. IV.2.17). Обозначение годов жизни на стеле явно служит для акцентирования

⁹ *Lofberg J.O.* Op. cit. P. 331.

¹⁰ *Tod M.N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1948. Vol. 2. P. 20; *Rhodes P.J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions, 404–323 B.C. Oxf., 2003. P. 40.

¹¹ *Tod M.N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1948. Vol. 2. P. 18.

юного возраста погибшего. Б. Страус усматривает в этом политический контекст: благодаря указанию годов жизни подразумевается непричастность Дексилея, в силу его возраста, к деятельности режима Тридцати в 404/3 г. до н.э., после падения которого к всадникам стали относиться настороженно, и подчеркивается гибель всадника Дексилея за Афины¹².

У Фукидида приводится численность афинских войск в начале Пелопоннесской войны: тринадцать тысяч гоплитов, не считая стоявших в гарнизонах и тех шестнадцати тысяч воинов, которые поставлены были вдоль стен. Таково было количество воинов, охранявших город вначале, когда производил вторжение неприятель; оно состояло из граждан самого старшего и самого младшего возрастов, а также из тех метеков, которые служили в гоплитах (Thuc. II.13.6–7). Под «самыми молодыми» здесь следует понимать юношей в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, то есть эфебов, так как юноши заносились в списки демотов в восемнадцать лет и, таким образом, они являлись самыми молодыми гражданами (Arist. Ath. Pol. 42.1). Военная повинность в Афинах длилась сорок два года, до достижения гражданином возраста шестидесяти лет (Arist. Ath. Pol. 53.4.7). А под «самыми старыми» следует понимать военнообязанных граждан старше пятидесяти лет. Ограничения использования этих двух возрастных контингентов связано, по-видимому, с их физическими возможностями, когда первые еще слишком молоды, а вторые уже в преклонном возрасте, чтобы нести в полную силу службу в гоплитах. Численность войск, приведенная Фукидидом, кажется сомнительной. По подсчетам А. Гомма на 424 г. до н.э. афинское гражданское войско состояло из семнадцати с половиной тысяч человек, из них четыре с половиной

¹² *Strauss B.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. L., 1986. P. 124.

тысячи составляли граждане в возрасте 18–19 и 51–60 лет¹³. Получается, если верить подсчетам А. Гомма, эфебский контингент состоял примерно из 750 человек.

В речи «О посольстве» Эсхин, среди прочего, сообщает о своем военном опыте. Оратор два года был периполом и в доказательство предоставляет своих товарищей по эфебии τούς συεφήβους и начальников, позже он отправился в первый поход в составе призванных на действительную службу по очередному набору и сопровождал со своими товарищами τῶν ἠλικιωτῶν и наемными войсками Алкивиада конвой, посланный во Флиунт (Aesch. II.167–168). Данная речь относится к 343 г. до н.э. Датой рождения Эсхина считается 390 г. до н.э., следовательно, Эсхин проходил военную службу периполом-эфебом примерно в 372–370 гг. до н.э. В другой речи Эсхин упоминает об афинянце Мисголе как о своем сверстнике и товарище по эфебии (Aesch. I.49.6–7). Исходя из этих свидетельств, можно с уверенностью сказать, что периполы являлись молодыми гражданами, которые несли двухгодичную службу. Важно еще и то, что Эсхин только после пограничной службы на территории Аттики, начал совершать походы с войском за пределы страны.

К. Форбс и А. Бренно полагают, что Эсхин нес службу в периполах за деньги, тем самым поддерживая себя и свою семью материально в течение двух лет. А συεφήβους и ἠλικιωτῆς следует понимать просто как возрастную категорию, то есть как товарищей одного возраста с Эсхином, его ровесников или сверстников¹⁴. Получается, что Эсхин почему-то повторяется, используя два синонима. Тем не менее, текстовая ошибка кажется маловероятной. Значит, использование вместе этих терминов вполне логично и не является оговоркой, так как они имеют

¹³ Gomme A. W. The Athenian Hoplite Force in 431 B.C. // CQ. 1927. Vol. 21. No. 3/4. P. 150.

¹⁴ Brenot A. Op. cit. P. 17; Forbes C.A. Op. cit. P. 119–120.

разное значение. Можно согласиться с тем, что ἡλικιωτῆς следует понимать как возрастную категорию, а συνεφῆβους как «товарища по эфебии»¹⁵. Таким образом, при такой интерпретации эти термины не противоречат друг другу. Термин ἡλικιωτῆς используется Эсхином при упоминании о своей военной службе в зрелом возрасте, когда он впервые участвовал в походе Алкивиада на Флиунт. Это означает, что он уже подходил по возрасту для похода, так как в период 80–60-х гг. IV в. до н.э. в Афинах произошла смена системы призыва. До этого времени стратеги определяли необходимое количество воинов от каждой филы и составлялись списки. А на смену этой системе пришел призыв по эпонимам, когда призывались граждане определенных возрастов¹⁶. При новой системе сбор войска происходил гораздо быстрее и справедливее. О. Рейнмут отвергает версию о наемной службе периполов у Эсхина, аргументируя это тем, что Эсхин говорит о своей службе с гордостью: был сыном граждан, проходил службу в своей стране и его товарищи по службе могли засвидетельствовать это, то есть их можно было легко найти и опросить, так как они жили в Аттике¹⁷.

О службе Эсхина в эфебии косвенно свидетельствует Демосфен, упоминая присягу эфебов в храме Аглавры, которую читал Эсхин (Dem. XIX.303). Стремясь всячески очернить Эсхина и его брата Афобета перед лицом сограждан, Демосфен желает,

¹⁵ *Burckhardt L.A.* Burger und Soldaten. Stuttgart, 1996. S. 26; *Fisher N.* Aeschines, Against Timarchos, Translated, with Introduction and Commentary. Oxf., 2001. P. 182; *Friend J.L.* The Athenian Ephebeia in the Lycurgian Period: 334/3–322/1 B.C.: Ph. D. Diss. Austin, 2009. P. 28; *Lofberg J.O.* T The Date of the Athenian Ephebeia // *ClP*. 1925. Vol. 20. No. 4. P. 333; *Ober J.* Fortress Attica: Defense of the Athenian Land Frontier 404–322 B.C. Leiden, 1985. P. 93; *Pélékidis C.* Histoire de l'éphébie attique des origins à 31 avant Jésus-Christ. P., 1962. P. 41.

¹⁶ *Christ M.R.* Conscription of Hoplites in Classical Athens // *CQ*. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 398–422.

¹⁷ *Reinmuth O.W.* The Genesis of the Athenian Ephebeia // *TAPhA*. 1952. Vol. 83. P. 36.

чтобы молодежи не попались в качестве софронистов Афобет и Эсхин (Dem. XIX.285). Здесь впервые встречается упоминание должности софрониста, который, согласно Аристотелю, избирался от каждой филы, заведовал хозяйством и следил за нравственностью эфебов (Ath. Pol. 42.3). Должность софрониста считалась ответственной и на нее избирались достойные люди.

Исследование доликурговой эфебии нельзя представить без небольшого, но очень важного для изучения данного вопроса трактата Ксенофонта «О доходах», написанного около 355 г. до н.э., где автор дает ряд практических советов по увеличению доходов Афин, так как в это время полис испытывал финансовые трудности. Но Ксенофонт пристальное внимание уделяет и военной мощи государства. Он предлагает, в частности, отменить обязанность метеков нести военную службу гоплитами наравне с гражданами, чтобы не отрывать их от занятия ремеслом и торговлей, и чтоб афиняне в битвах полагались более на себя, чем на иноземцев (Vect. II.2.4–4.3). Для охраны рудников Ксенофонт предлагает построить третью крепость, а вторгшихся врагов уничтожать афинскими всадниками и периполами (Vect. IV.43–44; 47). В конце Ксенофонт надеется, что благодаря всем этим предложениям, граждане будут не только богаче, но станут более дисциплинированными в военном деле. Ведь те, кому прикажут выполнять гимнастические упражнения станут с большим тщанием заниматься этим в гимнасиях, коль скоро они будут получать на свое содержание больше, чем гимнасиархи на состязаниях в беге с факелами. Равным образом те, кого назначат нести гарнизонную службу в крепостях или зачислят в пельтасты и прикажут обходить дозором страну, все они с большим рвением станут выполнять свои обязанности, коль скоро за выполнение каждой из этих работ им будут выдаваться деньги на пропитание (Vect. IV.52).

Свои идеи по защите страны Ксенофонт развивает также в «Воспоминаниях о Сократе», когда Сократ в беседе с Периклом-сыном предлагает охранять горы на беотийской границе молодым афинянам (Мет. III.5.25–27). Д. Лофбергу кажется, что здесь идет речь скорее не о защите, а о нападении, агрессии на территорию Беотии, так как здесь Сократ говорит о вреде, который будут наносить врагам эти стражи (Мет. III.5.27.2–4)¹⁸. Скорее всего Сократ имеет ввиду вред, который нанесли бы врагам при попытке их вторжения в Аттику, так как тут же добавляется, что эти афиняне тем самым послужат великим оплотом гражданам (Мет. III.5.27.4). Сократ также сетует, что афиняне, вследствие своего превосходства, перестали заботиться о себе и тем самым становятся слабее. Для улучшения ситуации Сократ предлагает взять за образец подготовку спартанцев. Но Перикл скептически замечает, что в Афинах не уважают стариков и не уделяют внимания гимнастическим упражнениям (Мет. III.5.13–16). А Эпигену Сократ говорит, что хотя в Афинах не организовано государственное обучение военному делу, но из этого не следует, что и каждый гражданин сам по себе должен относиться к нему без внимания (Мет. 12.5).

Таким образом, видно, что в этот период в Афинах военная и физическая подготовка были сугубо личным делом каждого, поэтому Ксенофонт и предлагает ввести оплату гражданам, занимающимся в гимнасиях, а также лицам, несущим сторожевую службу. Судя по всему, идея физической подготовки у Ксенофонта относилась не только к юношам, но и вообще ко всем гражданам. Известный французский исследователь А.–И. Марру видит потерю интереса к спорту в смене приоритетов в образовании, когда вместо физического растет популярность интел-

¹⁸ *Lofberg J.O. Op. cit. P. 332.*

лектуального образования, чему во многом способствовали софисты, а спорт, в свою очередь, становится профессиональным¹⁹.

Д. Лофберг замечает, что выдача денег на пропитание трофῆ применима только для службы граждан, а не наемников²⁰. Возникает вопрос: кого Ксенофонт подразумевает под ταχθέντες в своих «Доходах»? П. Готье считает, что Ксенофонт имел в виду эфебов, так как только эфебы должны были заниматься в гимнасии и патрулировать сельскую территорию, как это представлено Аристотелем (Ath. Pol. 42.2–5)²¹. Однако это кажется не совсем верным Д. Френду, который критикует П. Готье за неправильную интерпретацию текста. П. Готье думает, что эфебы массово занимались физической подготовкой в этот период, и Ксенофонт предлагает стимулировать их занятия выделением государственных средств. Но на самом деле Ксенофонт таким способом пытается привлечь широкие слои граждан к физическим тренировкам²². Таким образом, возражения Д. Френда являются справедливыми в свете вышеупомянутых свидетельств о пренебрежении афинянами физическими упражнениями в «Воспоминаниях о Сократе» (Xen. Mem. III.5.13–16). О. Рейнмут, в свою очередь, рассматривая трактат «О доходах», приходит к заключению, что вторая группа, которая будет нести службу в крепостях и обходить дозором страну (Xen. Vect. IV.52.4–5) была эфебами, которые, по Аристотелю, первый год несли гарнизонную службу в Пирее, а на второй год были периполами (Arist. Ath. Pol. 42.2–5)²³.

¹⁹ *Mappu A.-И.* История воспитания в античности. М., 1998. С. 91–92.

²⁰ *Lofberg J.O.* Op. cit. P. 331.

²¹ *Gauthier P.* Un Commentaire historique des Poroi des Xenophon. Geneve, 1976. P. 190–195.

²² *Friend J.L.* Op. cit. P. 9–23.

²³ *Reinmuth O.W.* Op. cit. P. 37–38.

Можно согласиться с точкой зрения Д. Френда о предложенном Ксенофонтом материальном стимулировании граждан, занимающихся физической подготовкой. В случае с эфебами-периполами следует заметить, что фактически юноши два года несли военную службу по охране границ и, как все прочие граждане, находящиеся на государственной или военной службе, должны были получать средства на пропитание (Arist. Ath. Pol. 24.1–3; 27.2–3). Однако в это время Афины испытывали финансовые трудности, вследствие чего эфебы могли не получать положенных денег, что и имел в виду Ксенофонт, предлагая выплачивать средства на пропитание периполам.

Вопросы военной подготовки затрагиваются также и Платоном. В его диалоге «Лакхет» несколько афинян советуются с Сократом по поводу обучения своих сыновей сражаться в тяжелом вооружении. Никий подчеркивает, что эти занятия, как и обычная физическая подготовка, требуют усилий, а с другой стороны, всякий, обучившийся сражаться в тяжелом вооружении, должен стремиться к следующему знанию – знакомству с боевым строем, а обретя это знание, он устремится ко всем тонкостям искусства стратегии, которое делает человека мужественным в сражении (Plat. Lach. 182 b–c). По-видимому, гоппломахия собственно в образование не входила. Платон в «Лакхете» как раз обсуждает его возможное педагогическое применение, в пользу которого и приводит свои доводы Никий, но чувствуется, что его мнение не подтверждается общей практикой²⁴. Примером этому может служить речь Перикла у Фукидида, в которой он противопоставляет военную организацию Афин и Спарты: «Мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество... мы готовы встречать опасности скорее по

²⁴ Марру А.-И. Указ. соч. С. 64.

свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнением» (Thuc. II.39).

Несколько отдельно от остальных источников по эфебии стоят «Киропедия» Ксенофонта и «Законы» Платона. Во второй главе «Киропедии» о так называемой «персидской эфебии», юноши были эфебами в течение десяти лет. Они несли стражу у административных зданий (Xen. Сугор. II.3–8), сопровождали царя, охотились, тренировались, ловили преступников, боролись с пиратами (Xen. Сугор. II.3–15). Как замечает Э.Д. Фролов, велико было значение вклада Ксенофонта в развитие двух ставших популярными в век кризиса полиса политических доктрин – монархической и панэллинской; Ксенофонт ратовал за создание сильной монархической власти, за объединение Эллады²⁵. Это объединение требовало внутренних преобразований, многое зависело от самого правителя. Главное в «Киропедии» – живой образ идеального монарха, подробная картина его образцовой жизни и созданного им идеального государства. Такой герой как Кир мог появиться только в результате особой идеальной системы воспитания, которую Ксенофонт детально описывает в начале произведения.

Платон в своих «Законах», подобно Ксенофону, разрабатывает идеи идеального государства, законов и гражданства. Как и Ксенофонт, Платон серьезное внимание уделяет укреплению военной мощи и обороноспособности Аттики. Он приводит довольно интересную систему охраны страны. Платон надзор за городом поручает стратегам, таксиархам, гиппархам, филархам и ряду других должностных лиц. А всю сельскую территорию он предлагает разделить на двенадцать участков и закрепить их за филлами, которые должны ежегодно доставлять пять агрономов и фурурархов, каждый из которых должен выбрать из своей фи-

²⁵ Фролов Э.Д. Огни Диоскуров. Л., 1984. С. 135.

лы по двенадцать молодых людей от двадцати пяти до тридцати лет, которые каждый месяц должны переходить на новый участок (Plat. Leg. 760–762). Все это длится два года. Юноши под руководством фрурархов и агрономов должны заниматься благоустройством и укреплением территории (Plat. Leg. 760e–761d). Кроме того, все должны питаться на совместных трапезах, за уклонение от которых следует наказание, как для юношей, так и для их начальников (Plat. Leg. 762b–d). Но основной их задачей является охрана вверенной им территории. Платон замечает, что юношам нужно присмотреться друг к другу, зимой и летом им придется во всеоружии обследовать всю свою область как для охраны, так и для постоянной осведомленности обо всех местных событиях. «Тех, кто занимается этим (по роду их занятия), – пишет Платон – мы назовем разведчиками или агрономами, или каким-либо другим подходящим именем» (Leg. 763 a–b). Хотя Платон не использует термины «эфеб» и «перипол», функции молодых агрономов соответствуют функциям эфебов и периполов.

Х. Пелекидис с уверенностью заявляет об эфебии Ксенофонта и агрономах Платона, что действительно эти два мнимых учреждения объединяются с аттической эфебией: они либо могут служить моделью для эфебии, либо ей вдохновляться²⁶. О. Рейнмут пришел к выводу, что причиной, по которой греческие авторы не говорят об эфебии, является то, что в то время она еще не была образовательным институтом²⁷. В. Йегер, характеризуя греческую образовательную практику времен Ксенофонта и Платона, подчеркивает, что целью древней пайдеи было воспитание не специалистов-профессионалов (в военном деле), а просто хороших граждан²⁸.

²⁶ Pélékidis C. Op. cit. P. 19.

²⁷ Reinmuth O.W. Op. cit. P. 47–48.

²⁸ Йегер В. Пайдея. Воспитание античного грека. М, 1997. Т. 2. С. 215.

На основании всех вышепредставленных свидетельств можно сделать вывод, что эфебия до эпохи Ликурга являлась военным институтом для самых молодых граждан, которые два года должны были нести охранную службу на границах Аттики. Но в этой ранней эфебии отсутствовала система военной и физической подготовки, которая была сугубо индивидуальным делом каждого гражданина. Хотя эфебы несли пограничную службу, в экстренных случаях их могли задействовать в боевых действиях за пределами Аттики.

Е. М. Берзон (Санкт-Петербург)

ГЕРМИЙ – «ЗАВЕДУЮЩИЙ ДЕЛАМИ» АНТИОХА III

В эллинистических монархиях в системе центрального управления нередко значительную роль играли отдельные личности, оказывавшие большое влияние на правителя и поэтому обладавшие значительной властью. Чаще всего, это были амбициозные «друзья» монарха, занимавшие важные государственные посты. Среди них – правители отдельных областей царства (Ахей, Молон и его братья), полководцы, царские советники, учителя и воспитатели молодых монархов (например, Лисий и Филипп при Антиохе V), а иногда и просто фавориты (подобно Агафоклу при Птолемею IV). Эти лица нередко играли значительную роль во внешней и внутренней политике государства, сочетая свои полномочия высших государственных чиновников и формы неформального влияния на царя.

Одной из таких влиятельных и противоречивых фигур был Гермий, «друг» и советник Антиоха III в ранний период его правления. Ему были подконтрольны все важные дела в империи, без его совета юный царь не принимал ни одного решения¹. Личность Гермия может служить примером деятельности одного из высших должностных лиц («заведующего делами») в царстве Селевкидов, также как и усиления влияния фаворитов в моменты ослабления царской власти.

Работ, посвященных этой теме, в историографии, к сожалению, немного. Наиболее подробно деятельность Гермия рассмотрена в научных трудах И.Г. Дройзена, Э. Бевана,

¹ *Bevan E.R. The House of Seleucus. L., 1902. Vol. I. P. 301; Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 223.*

Г. Бенгтсона и Р. Струтмана. И.Г. Дройзен в целом освещает внешнюю политику царства Селевкидов в ранние годы правления Антиоха III². Э. Беван и Г. Бенгтсон акцентируют внимание на личности Гермия и его взаимоотношениях с царем³. Р. Струтман обращает внимание на роль Гермия в борьбе партий «друзей» при дворе Антиоха III⁴. Некоторые вопросы также частично затрагивались М.И. Ростовцевым, Э. Бикерманом, А.Г. Бокщаниным и другими исследователями⁵. Но специальных работ, которые были бы посвящены именно Гермию, его роли в истории царства Селевкидов, в которых его деятельность изображалась бы целостно, к сожалению, нет.

Вероятно, это связано с тем, что вопрос недостаточно подробно освещен древними авторами: Полибий, единственный источник, сообщает очень мало и дает одностороннюю, исключительно негативную характеристику Гермия, не приводя о нем ни одного положительного факта. Однако даже эти скудные сведения позволяют восстановить основные аспекты деятельности Гермия, его влияние на внешнюю и внутреннюю политику государства и охарактеризовать его роль при царском дворе.

Цель работы – рассмотрение деятельности Гермия в разных аспектах: его власть и формальные полномочия, влияние на внешнюю политику государства Селевкидов, участие в борьбе

² Дройзен И.Г. История эллинизма. СПб., 2002. Т. 3. С. 241–245.

³ Bevan E.R. Op. cit. P. 301–311; Бенгтсон Г. Указ. соч. С. 223–226.

⁴ Strootman R. Hellenistic court society: The Seleucid imperial court under Antiochos the Great, 223–187 BC // Rulers and elites. 2011. Vol. 1. P. 63–89. См. также его диссертацию: Strootman R. The Hellenistic Royal Court. Court Culture, Ceremonial and Ideology in Greece, Egypt and the Near East, 336–30 BCE: Thesis for the Doctor's Degree. Utrecht, 2007.

⁵ Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxf., 1941. Vol. I; Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985; Бокщанин А.Г. Парфия и Рим: Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960. Т. 1.

группировок «друзей» при дворе и непосредственно его личное влияние на царя.

О происхождении Гермия известно немного: Полибий пишет, что могучий фаворит был родом из Карии. Возможно, он был представителем местной карийской знати. Очень высокого положения он достиг еще при Селевке III: выступив в поход, царь поручил Гермию управлять государством (Polyb. V.41). Неизвестно, как он смог добиться этой почетной должности. Сомнительной кажется гипотеза о том, что Гермий сделал военную карьеру, так как по сведениям источников, он не имел военного опыта и был плохим полководцем и тактиком (Polyb. V.42.4; 46.4; 51)⁶. Р. Струтман предполагает, что Гермий был оставлен как царский наместник (*vicereus*) в Селевкии вместе с царевичем Антиохом, что позволило ему войти в доверие молодого принца и впоследствии стать его правой рукой во всех делах⁷. Но эта гипотеза не дает ответа на вопрос, каким же образом Гермий смог достичь такого высокого положения еще при Селевке III (при нем он был фактически правителем империи)⁸. Возможно, Гермий был наставником и воспитателем Антиоха III, а может быть – и Селевка III. Этим и объясняется то огромное влияние, какое он имел на обеих царей, и, используя которое, смог стать вторым лицом в государстве.

При Антиохе III Гермий был членом царского совета и, возможно, будучи даже его главой⁹, обладал большим авторитетом (Polyb. V.42; 49). Юный царь, всегда прислушивался к мнению своего наставника и считал его очень важным¹⁰. Как «заведующий делами» (*ὁ ἐπὶ τῶν πραγμάτων*), Гермий обладает воен-

⁶ *Otto W. Hermeias* // RE. 1913. Bd. 8. Sp. 730, 23–32.

⁷ *Strootman R. Hellenistic court society...* P. 72–73.

⁸ *Otto W.* Op. cit. Sp. 726, 40–41.

⁹ *Strootman R.* Op. cit. P. 170.

¹⁰ *Otto W.* Op. cit. Sp. 726, 61–66.

ной властью (например, он мог назначать стратегов и наделять их наивысшими военными полномочиями), а также принимает решения по финансовым вопросам¹¹. Примерами могут служить выдача жалования собранным в Апамее войскам и подавление восстания киррестян (Polyb. V.42; 45; 50). Антиох поручает Гермия наравне с Зевксидом командование левым крылом своего войска в сражении с Молоном (Polyb. V.53.6)¹². Гермий обладает и судебной властью (Polyb. V.41.3): он накладывает огромную пеню в 1000 талантов на Селевкию как на город, поддерживавший мятежников¹³, а ее жителей подвергает пыткам и осуждает на смерть (Polyb. V.54.9–11).

Гермий также контролирует внешнюю политику государства. Главной внешнеполитической целью для него было возвращение Келесирии, принадлежавшей Птолемеям. Чтобы склонить Антиоха к войне с Египтом, он показал царю письмо, в котором говорилось, что Птолемей убеждает Ахея, царского наместника в Малой Азии, добиваться власти и обещает ему свою поддержку. По мнению Полибия, это письмо было подложным и могло склонить царя к принятию решения начать войну с государством Птолемеев (Polyb. V.42.7–8)¹⁴. В то же время нельзя исключать возможность существования настоящего письма. Ведь, как показывают дальнейшие события (мятеж Ахея и его поддержка Лагидами), Птолемей IV был заинтересован в восстании мятежного малоазийского династа.

¹¹ Rostovtzeff M. Op. cit. P. 518; Downey G.A. A history of Antioch in Syria from Seleucus to Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 117.

¹² По-видимому, Гермий являлся полководцем лишь формально, поскольку он не имел военного опыта. Реальное командование осуществлял Зевксид, который в дальнейшем показал себя не только хорошим полководцем, но и талантливым администратором.

¹³ Aperghis G.G. The Seleukid Royal Economy. Cambr., 2004. P. 172.

¹⁴ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 242.

Почему же могучий фаворит настаивал именно на войне с Египтом? Полибий объясняет это намерение Гермия исключительно упрямством последнего и его соперничеством с Антигеном, который также был одним из царских «друзей», а также замыслом, что стесненный войнами царь будет еще больше нуждаться в нем (Polyb. V.42.6). К сожалению, источники немного сообщают о внешней политике, проводимой государством Селевкидов в первые годы правления Антиоха III, и поэтому сложно судить об истинных намерениях и целях Гермия. Возможно, причиной, побуждавшей Гермия начать войну с Египтом, была также и его личная ненависть к Птолемаем: ведь Кария, родом из которой был могущественный фаворит, была отнята у Египта Антигонидами, противниками Птолемеев. Возможно, Гермий также недооценивал масштаб и силу восстания сатрапов¹⁵.

В то же время антиегипетскую политику, последовательно проводимую Гермием, не стоит рассматривать лишь как следствие личной неприязни. Ведь Антиох III, также как и его предшественники, желал вернуть контроль Селевкидов над Келесирией. К тому же война с Египтом была важна для Македонии, а Гермий был предан македонским интересам еще со времени правления Селевка III и его похода за Тавр, проводимого в рамках македонской политики¹⁶. Гермий полагал, что война с беспечным Птолемеем Филопатором неопасна для государства, Селевкиду же предоставляется удобный случай вернуть столь желанную Келесирию (Polyb. V.42.4). Поводом к войне могло служить письмо¹⁷, в котором Птолемей склонял Ахея к восстанию (Polyb. V.42.7–8).

¹⁵ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 241.

¹⁶ Там же. С. 243.

¹⁷ Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань, 1980. С. 164.

Но антиегипетская политика Гермия не нашла поддержки в окружении царя. Большинство царских советников, а среди них и Эпиген, опытный полководец, который вывел селевкидские войска из Малой Азии после убийства Селевка III Сотера и поддержал Антиоха III. Эпиген был человеком деятельным и популярным среди воинов, а кроме этого – неплохим оратором. Он имел большое влияние на царя, высоко ценившего его полководческое искусство, и пользовался его доверием, что вызывало зависть Гермия (Polyb. V.41–42; 50)¹⁸. Эпиген советовал Антиоху, прежде всего, подавить мятеж на Востоке¹⁹, ведь восставшие сатрапы владели Мидией, Персидой, Вавилонией – важнейшими областями восточной части империи. Он настаивал на том, чтобы царь лично выступил против мятежников, полагая, что вражеская армия, увидев законного монарха, сдастся без боя.

Предложение Эпигена было действительно разумным и более актуальным на тот момент, чем война с Египтом. Мятеж сатрапов был очень опасен, поскольку, обладая значительными экономическими ресурсами, армией и, вероятно, пользуясь поддержкой враждебных Селевкидам восточных правителей (царей Парфии и Мидии Атропатены), восставшие могли рассчитывать на успех своего предприятия²⁰. Молон, воспользовавшись нестабильной ситуацией в государстве, вероятно, хотел стать независимым правителем, о чем говорит принятие им царского титула²¹.

Полибий сообщает, что Гермий всеми силами препятствовал принятию этого решения, говоря, что царю следует воевать

¹⁸ *Otto W.* Op. cit. Sp. 727.

¹⁹ Вскоре после вступления Антиоха III на престол Молон, сатрап Мидии и Вавилонии, и его братья подняли мятеж против царя.

²⁰ *Дубовой Н.К.* Политическая история Парфии. СПб., 2008. С. 39; *Бокачин А.Г.* Указ. соч. С. 196; *Бенетсон Г.* Указ. соч. С. 223.

²¹ *Wolski J.* The Seleucids. The decline and fall of their Empire. Krakow, 1999. P. 63.

с равным, а не с восставшим сатрапом (Молон, даже принявший царский титул, конечно же считался всего лишь мятежником). Чтобы добиться своего, могущественный кариец даже начал клеветать на Эпигена, обвиняя его в предательстве и злоумышлениях против царя: «Давно уже Эпиген был скрытым злоумышленником и предателем царя, а теперь, к счастью, советом своим выдал себя, ибо добивается того, чтобы предать царя с небольшой свитой в руки мятежников» (Polyb. V.42). Разумных же доводов Гермий, по словам Полибия, не приводил – он лишь клеветал на Эпигена и, страшась тягот похода против Молона, предпочитал «безопасную» войну с Птолемеем Филопатором.

Такое поведение Гермия на военном совете кажется несколько странным: складывается впечатление, что подозрительный временщик, нисколько не заботясь о государственных делах, ищет во всем лишь свою выгоду и, пренебрегая интересами государства, стремится устранить всех, кто имеет влияние на царя. Вообще же психологический портрет Гермия, представляемый Полибием, довольно однообразен. Историк характеризует его как типичного злого советника царя (подобно Сосибии при Птолемеях IV, Агафоку, Поликрату и Аристомену при Птолемеях IV и V, Леонтию и Апелле при Филиппе V и многим другим)²²: «Он завидовал всем, кто занимал выдающееся положение при дворе. Жестокий по природе, Гермий наказывал одних за ошибки, обращаемые им в преступления, против других измышлял важные обвинения и был беспощадным и

²² См. подробнее: *Bevan E.R.* The House of Ptolemy. L., 1927. P. 220–227; *Hammond N.* The Macedonian State: Origins, Institutions, and History. Oxf., 1989. P. 331; *Wong J.* Cleopatra I, the first female Ptolemaic regent: her predecessors, policies, and precedents: Thesis for the Degree of Master of Arts. Vancouver, 1998. P. 14–32; *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. L.; Swansea, 1999. P. 81–82, 240; *Holbl G.A.* History of the Ptolemaic Empire. L.; N.Y., 2001. P. 127–128; *Chamoux F.* Hellenistic Civilization. Oxf., 2002. P. 236; *Strootman R.* Hellenistic court society... P. 73. Fn. 29.

суровым судьей. Но главным, над всеми прочими господствующим стремлением его было погубить Эпигена, который привел назад войска, вышедшие в поход с Селевком. Дело в том, что Гермий видел в нем человека, способного говорить и действовать и пользующегося в войсках большим расположением. Задавшись этим, Гермий не переставал выжидать какого-либо случая или предлога для того, чтобы погубить соперника» (Polyb. V.41). Таким образом, сопротивление Гермия советам Эпигена, в рассказе Полибия, видится лишь как одно из последствий личной вражды завистливого фаворита к своему политическому сопернику. По-видимому, хвастовство Гермия на военном совете все же преувеличено, поскольку он был достаточно умен для такого легкомысленного и запальчивого поведения (Polyb. V.49).

Борьбу Гермия с Эпигеном можно рассматривать лишь как личную вражду двух царских «друзей» за влияние на царя (как это делает, например, Э. Бикерман)²³, но более предпочтительной кажется точка зрения, которой придерживается Р. Струтман, что эти царские советники были лидерами враждующих при дворе фракций друзей и представляли их интересы²⁴. Эпиген возглавлял партию «друзей» Селевка III, Гермий же – приближенных и «друзей» нового царя. Среди его сторонников были довольно влиятельные особы (например, Алексид, начальник апамейской крепости). Таким образом, описанный в источниках конфликт между Гермием и Эпигеном является, вероятно, отражением политической борьбы группировок знати, в которую, безусловно, примешивалась и личная вражда.

Но мотивы этой придворной борьбы в первые годы царствования Антиоха III не вполне ясны²⁵. Партия, возглавляемая

²³ Бикерман Э. Указ. соч. С. 49.

²⁴ Strootman R. The Hellenistic Royal Court... P. 169.

²⁵ Wolski J. The Seleucids... P. 62–63.

Гермием, по-видимому, действительно стремилась вернуть захваченные Птолемеями земли. Поэтому в споре царских «друзей» на военном совете, кроме личных мотивов присутствовали определенные интересы враждующих фракций. Сам царь, стараясь не участвовать в придворной борьбе и желая даже примирить враждующие стороны, тем не менее, поддерживал Гермия и его сторонников. Лишь поражения царских военачальников на Востоке заставили Антиоха временно отказаться от завоевания Келесирии и выступить в поход против мятежников. Когда же царь принял решение, Гермий больше не сопротивлялся: отказавшись от своих прежних планов, он, по словам Полибия, проявил большое рвение в подготовке к походу (Polyb. V.46–49).

Полибий нередко говорит о том, что Гермий якобы всячески старался подвергнуть царя опасности, настаивая на военных походах, и даже хотел убить его, чтобы, будучи регентом при малолетнем сыне Антиоха III, фактически править империей (V.42; 55). Скорее всего, эти сведения недостаточно обоснованы: против Гермия была настроена значительная часть окружения Антиоха III, и, в случае гибели царя, его фаворит, вероятно, также был бы сразу убит. Кроме того, по мнению И.Г. Дройзена, Антиох был достаточно умен и вероятно угадал бы злой замысел²⁶.

Тем не менее, в борьбе за власть могущественный кариец часто прибегал к далеко не благородным методам: Полибий обвиняет его в клевете на многих видных деятелей из окружения Антиоха III – Ахея, Эпигена и, по-видимому, Молона и его братьев. Гермий запугивал царских «друзей»²⁷ да и самого царя, по словам Полибия, «держал в своей власти» (Polyb. V.41–

²⁶ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 243.

²⁷ Вероятно, не всех, а лишь из фракции, поддерживающей Эпигена.

42; 45.7; 49; 50). Но едва ли можно считать, что все обвинения Гермия были совершенно необоснованны: Эпиген, казненный без суда за «измену», несомненно, пал жертвой придворных интриг, однако сатрапы все же оказались нелояльны. Полибий считает, что причиной их восстания был страх перед Гермием (Polyb. V.41.1), но это служило скорее оправданием для мятежников. Молон был правителем Мидии, богатейшей и обширнейшей сатрапии, обладавшей важными стратегическими ресурсами и снабжавшей лошаадьми царскую кавалерию, роль которой была очень значительна в армии Селевкидов. Сам Полибий признает силу и могущество Милона и называет его «грозным владыкой» (Polyb. V.40.7; 44–45). Об истинных намерениях сатрапа говорит факт принятия им царского титула²⁸. Вероятнее всего, восточные сатрапы решили воспользоваться смутой, наступившей в государстве после убийства Селевка III, юностью и неопытностью его преемника Антиоха и поступить по примеру Диодота Бактрийского²⁹.

Деятельность Гермия не следует идеализировать: своей жестокостью и подозрительностью он возбудил против себя различные социальные слои (Polyb. V.50; 56). Против Гермия возник заговор, во главе которого стоял Аполлофан, главный врач Антиоха III³⁰. Этот факт не должен казаться удивительным: царские врачи обычно пользовались полным доверием монарха и поэтому нередко влияли на политику государства. В качестве примера следует упомянуть Стратия, врача Эвмена II, своим влиянием отговорившего от восстания пергамского принца Аттала, намеревавшегося стать при поддержке Рима царем (Polyb. XXX.2).

²⁸ *Wolski J.* The Seleucids... P. 63.

²⁹ *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 191–192.

³⁰ *Strootman R.* Op. cit. P. 153. Fn. 198.

Аполлофан был врачом еще Селевка II, а при Антиохе III он стал членом царского совета³¹. Антиох любил Аполлофана и доверял ему³², а поэтому царский врач справедливо опасался козней завистливого Гермия. Однако могучий фаворит, имея огромное влияние на царя, пользовался его благосклонностью и покровительством, и поэтому Аполлофан решил склонить Антиоха на свою сторону. По свидетельству Полибия, царь признался врачу, что сам не любит и боится Гермия.

Трудно сказать, насколько искренен был Антиох в беседе с Аполлофаном: действительно ли он боялся Гермия и хотел освободиться от его давления или на то были политические причины? По-видимому, осторожный царь до конца все же не доверял властолюбивому Гермию. Антиох понимал, что большая часть его поданных и «друзей» ненавидит жестокого и коварного Гермия, и поэтому дал свое согласие на убийство (Polyb. V.56). Г. Бенгтсон считает, что царь ничего не знал о заговоре, а Гермий был убит без его ведома³³, но такая точка зрения явно противоречит источникам. Исследователь также недостаточно убедительно утверждает, что после устранения Гермия его место пытался занять Аполлофан³⁴. Маловероятно, что царский врач, убив могущественного карийца, хотел занять его место: Аполлофан не был заинтересован во вмешательстве во внешнюю и внутреннюю политику государства.

По словам Полибия, смерть Гермия вызвала ликование по всей империи³⁵, люди прославляли Антиоха за его решительность и смелость. Семья Гермия в Апамее была побита камнями.

³¹ *Ma J.* Antiochus III and the Cities of Western Asia Minor. Oxf., 2000. P. 53. Fn. 7; *Strootman R.* Op. cit. P. 77.

³² *Otto W.* Op. cit. Sp. 729, 61–64.

³³ *Бенгтсон Г.* Указ. соч. С. 226.

³⁴ Там же.

³⁵ *Bevan E.R.* Op. cit. P. 310.

ми: жена – апамейскими женщинами, а его сыновья – детьми (Polyb. V.56.14–15). Возможно, эта расправа была совершена с ведома царя или даже по его приказу³⁶. Если вышеприведенный рассказ – не преувеличение, жестокий Гермий был ненавистен не только для большей части знати, но и для простого населения империи.

Успех заговора против Гермия в немалой степени объясняется тем, что сам Антиох III стал тяготиться им. Царь, видимо, старался выйти из-под влияния своего наставника, который всеми силами хотел удержать власть только в своих руках: ведь нередко Гермий принимал решения, не согласовав их с Антиохом (арест и убийство Эпигена), более того, могущественный фаворит иногда позволял себе даже действовать наперекор царской воле (казни жителей Селевкии-на-Тигре после разгрома восставших сатрапов).

Военные победы Антиоха III (подавление мятежа, поход в Мидию Атропатену) укрепили авторитет царской власти, что позволило молодому царю выйти из-под «опеки» своих советников, а от некоторых из них даже избавиться³⁷. Гипотеза же Р. Струтмана, что Антиох III, возможно, использовал Гермия, натравливая его на неугодных «друзей» своего брата³⁸, недостаточно обоснована: ведь Эпиген, против которого царский фаворит больше всего строил козни, пользовался царским расположением и доверием, и Антиох искренне (во всяком случае, по словам Полибия) сожалел, что из-за интриг Гермия он вынужден не брать опытного полководца в поход против мятежников.

В историографии нет единого мнения относительно личности Гермия и его деятельности. Полибий, единственный ис-

³⁶ *Strootman R. Op. cit. P. 171.*

³⁷ *Ibid. P. 74.*

³⁸ *Strootman R. Op. cit. P. 73.*

точник, отзываясь о нем негативно и обвиняет его во множестве преступлений: в жестокости, властолюбии, хвастовстве и других пороках (Polyb. V.41–42; 49–50; 54). Многие исследователи (Э. Беван, А.Г. Бокщанин) полностью согласны с Полибием, называя Гермия «беспринципным интриганом и временщиком, кровавым завистником, нетерпимым по отношению к соперникам»³⁹. Некоторые же ученые, например, И.Г. Дройзен⁴⁰ и Г. Бенгтсон, считают, что, несмотря на многие отрицательные черты характера, Гермий никогда не лгал царю и всегда советовал ему лишь то, что, по его мнению, было полезно государству: «Не приходится сомневаться, что Гермий был груб, необычайно честолюбив и чрезмерно властолюбив, однако юного царя он никогда не вводил в заблуждение и не обманывал, все, что он предпринимал, шло на пользу государству и его правителю»⁴¹.

Очень трудно объективно оценить деятельность Гермия. Вне всякого сомнения, он был человеком грубым и жестоким, но в то же время Гермий – крупный политический деятель своей эпохи. Занимая важнейшую в государстве должность, он обладал всей полнотой власти: в его ведении находились финансовые, военные и судебные дела⁴². Он открыто вел антиегипетскую политику, стремясь отвоевать у Птолемеев Келесирию, и, по-видимому, был настроен на союз, или, по крайней мере, активную поддержку Македонии. Мы не знаем, каковы были дальнейшие внешнеполитические цели Гермия, но можно предположить, что главной задачей было установление влияния Селевкидов во всем Восточном Средиземноморье, что и было впоследствии достигнуто Антиохом Великим, хоть и не

³⁹ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 191; Bevan E.R. Op. cit. P. 301.

⁴⁰ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 244.

⁴¹ Бенгтсон Г. Указ. соч. С. 226.

⁴² Бикерман Э. Указ. соч. С. 175.

в полной мере. Гермий, по-видимому, меньше внимания уделял восточным провинциям империи и не придавал им такого значения, как восточносредиземноморскому региону. Будучи наставником Антиоха III, Гермий добивался осуществления своих замыслов, используя не только законные полномочия, но личное влияние на молодого царя.

Стоит отметить, что Гермий – не единичное явление, а скорее типичное, особенно в периоды ослабления царской власти. В такие моменты усиливалась роль лиц, входивших в окружение царя (например, Гелиодор при Селевке IV, Лисий и Филипп при Антиохах IV и V, Аммоний и Диодот-Трифон при Александре Баласе, Ласфен при Деметрии II, Гераклеон при Антиохе VIII)⁴³. Многие из них, пользуясь своим положением, были способны повлиять на политику государства и даже его судьбу. Нередко они, сосредотачивая всю власть в своих руках и имея огромное влияние на царя, подобно Гермию, фактически становились правителями государства. Поэтому фигура Гермия также интересна как пример того, что в моменты кризиса и ослабления царской власти усиливается роль отдельных личностей, определяющих политику государства, и, кроме того, она подчеркивает значительную роль неформального начала при дворе эллинистического монарха.

⁴³ Примеры приводятся из истории царства Селевкидов. Аналогичные ситуации можно найти в других эллинистических династиях.

**ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО РИМА
И РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА**

А. Е. Нестеренко (Челябинск)

**РИМ И ВИФИНИЯ ВО II – ПЕРВОЙ ТРЕТИ I ВВ. ДО Н.Э.:
ПРОЦЕСС «МИРНОЙ ЭКСПАНСИИ»**

Рим обычно воспринимается как держава, которая создана силой оружия. Однако в римской истории имеются сюжеты, которые свидетельствуют о мирном подчинении государств – это завещания эллинистическими монархами своих царств в пользу Рима. До сих пор остаются невыясненными причины, по которым Птолемей Эвергет в 155 г. до н.э., Аттал III в 133 г. до н.э., Птолемей Апион в 96 г. до н.э., Птолемей X Александр I в 88 г. до н.э., Никомед IV Филопатор в 74 г. до н.э. оставили свои царства Римской республике. Осложняет разрешение проблемы состояние наших источников. В частности, о факте наличия завещания Никомеда IV лишь косвенно сообщается в античной литературе (App. Mithr. 7; Vel. Pat. IV.39; Liv. Per. 93; Fest. XI.1 etc.); каких-либо эпиграфических свидетельств на этот счёт не имеется. В связи с этим важно исследовать те процессы, которые привели вифинского царя к составлению такого документа. Эти процессы должны быть рассмотрены на достаточно большом отрезке времени, что следует из самого понятия «мирная экспансия». Её осуществление требует довольно длительного времени. Поэтому необходимо выявить начальную точку тесных римско-вифинских дипломатических взаимодействий. И от нее рассматривать политические события, которые привели к аннексии Вифинии.

В годы правления Пруссия II (182–149 г. до н.э.) дипломатические контакты Рима и Вифинии приобретают регулярный характер. Инициатором этого выступил Рим. Причина, по которой Сенат обратил пристальное внимание на малоазийское государ-

ство, крылась в союзнических отношениях Вифинского царства с Македонским¹. В преддверии Третьей Македонской войны Персей пытался сформировать антиримскую коалицию, в которую вошла и Вифиния². Союз между двумя государствами был закреплён династическим браком: Персей отдал свою сестру замуж за Пруссия II (App. Mithr. 2). Таким образом, Рим и Вифиния оказались «по разные стороны баррикад».

О.Л. Габелко пишет об отсутствии всякой значимости династического брака, отмечая, что он не свидетельствует о формировании антиримской коалиции Персеем³. Т. Моммзен отмечал, что всё же Персей надеялся на династические браки как на средство создания коалиции, другое дело – они доказали свою несостоятельность⁴. Утверждение О.Л. Габелко кажется довольно спорным ввиду того, что династический брак накануне III Македонской войны предполагал именно союз между государствами. Если же рассматривать данный брачный союз без политической подоплеки, то время для женитьбы было выбрано Прусием II крайне не удачно: ведь тем самым он вызвал порицания со стороны Рима, хотя в дальнейшем и получил прощение (App. Mithr. 2). Причём, вифинский царь сам выдвинул предложение о женитьбе (Liv. XLII.12.3). Интересно, что, например, Эвмен II доказал свою верность Риму, отказавшись от брака с дочерью Антиоха (Polyb. XXI.20.8; Liv. XXXVII.53.13). И, как утверждает О.Ю. Климов, отрицательный ответ носил явно демонстративный характер⁵.

¹ Габелко О.Л. Анатолийское этнополитическое койне и особенности эллинизма в Малой Азии (на примере Вифинии). Дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 2006. Л. 297.

² Моммзен Т. История Рима. СПб., 1997. С. 593.

³ Габелко О.Л. Указ. соч. Л. 296.

⁴ Там же.

⁵ Климов О.Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 31.

Однако, по мере ослабления Персея, Пруссий II склонялся к нейтралитету в военном конфликте между Македонией и Римом⁶. Тем самым вифинский царь показал свою ненадежность в качестве союзника. В свою очередь Сенат запомнил предательство Пруссия и в дальнейшем не доверял ему в полной мере. И не случайно: будучи в союзнических отношениях с Римом Пруссий вопреки несогласию римского Сената развязал войну с Атталом II (156–154 гг. до н.э.) (App. Mithr. 3). Немаловажно отметить то обстоятельство, что еще Пруссий I дал Ганнибалу убежище в своем царстве, что не могло не вызвать недовольства со стороны римлян к вифинским монархам (Liv. Per. 39). Негативное отношение к Прусию II в полной мере отразилось в произведениях античных авторов, которые пишут о неподобающем правителю поведении (Cass. Dio fr. XX; App. Mithr. 2; Liv. XLIV.44.4–20).

Другой малоазиатский союзник Рима Эвмен II также не устраивал квиритов своей самостоятельностью во внешнеполитических вопросах. Пергамский царь был тесно связан с греческим миром. Его тайные переговоры с Персеем во время Третьей Македонской войны ухудшили отношения Рима с Пергамским царством⁷. Сенату в Вифинии и Пергаме нужны были зависимые и беспрекословно подчиняющиеся цари. Объектом манипуляций становится брат Эвмена II – Аттал. Последний имел обширные связи с сенаторами⁸. Риму было выгодно «вбить клин» между братьями, тем самым нарушив стабильность государства. Повод для ссоры Аттала и Эвмена Сенат нашёл практически сразу. Предлогом стала негласная переписка того же Эвмена и македонского царя Персея (Polyb. XXIX.4–9; Liv. XLIV.13; 24–25; App. Mas. 18.1–2), которая значительно подпор-

⁶ Климов О.Ю. Указ. соч. С. 31.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Габелко О.Л. Указ. соч. Л. 303.

тила авторитет первого, так как Македония и Рим на тот момент находились в состоянии войны. Несомненно, Аттал II рассматривался Сенатом как удобный правитель, поэтому Рим содействовал его воцарению.

С помощью этой переписки Рим планировал рассорить братьев, уличив Эвмена в предательстве. Аттал II, посетив «вечный город», получил предложение от Сената: разделить Пергам на две половины, одна из которых принадлежала бы Эвмену, другая отошла бы ему (Liv. XLV.19). Тем самым Рим значительно бы ослабил Пергамское царство. Но, как пишет А.П. Беликов, вполне оправданно, что Аттал не захотел пойти на этот шаг⁹. Эвмен находился уже в преклонном возрасте и был серьезно болен (Liv. XLV.19.7). Кроме того, у Аттала практически не было сомнений, что после смерти брата государство достанется именно ему как законному наследнику. Рим с пониманием отнесся к отказу Аттала, но, по сути, остался им недоволен. Однако, несмотря на это, Аттал II, придя к власти в 159 году до н.э., оправдал надежды Сената. В целом, он продолжил политику дружбы с Римом¹⁰.

Наследник вифинского престола Никомед был похож на Аттала своими проримскими настроениями. Отец Никомеда – Прусий II, вызвав недовольство Сената, был приглашён в Рим. Продемонстрировав свою преданность, вифинский царь получил прощение (App. Mithr. 2). Уезжая, он, вероятно, оставил своего сына Никомеда в «вечном городе», что было общепринятой практикой у союзников Рима. По крайней мере, Аппиан сообщает, что Никомед некоторое время жил в Риме и таким образом впитал в себя культуру (App. Mithr. 4), а также был любим

⁹ Беликов А.П. Рим и эллинизм. Основные проблемы политических, экономических и культурных контактов. Дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2003. Л. 135.

¹⁰ Климов О.Ю. Указ. соч. С. 43.

римскими сенаторами (Liv. XLV.44.9; Eutrop. IV.8.4). Фигура молодого наследника и сыграла главную роль в решении проблемы политической самостоятельности Вифинского царства.

Как уже отмечалось выше, Вифиния в 156 г. до н.э., несмотря на несогласие Рима, напала на Пергам. В начале кампании Сенат довольно аморфно реагировал на запрещенные им военные действия. О.Ю. Климов отмечает, что Рим никак не ответил на просьбу о помощи со стороны Пергама¹¹. Своим бездействием Рим пытался ослабить Пергамское царство. Но, видимо, в планы Сената не входил полный разгром Аттала. Когда Пергам достаточно ослабел, Рим всё же выступил на стороне Пергамского царства (Polyb. XXXIII.12). И далее – набрав военную мощь, Аттал начал теснить Пруссия II. Но Рим своим указанием ввёл мир и наложил на Вифинию солидную контрибуцию (Polyb. XXXIII.13.6; App. Mithr. 3). Деньги, которые ожидал получить Аттал II от Пруссия II, были немалые. Вифинский царь нанес довольно сильный материальный ущерб, разрушив святилище Никефорион и осадив столицу Пергама (App. Mithr. 3). В результате вышеописанных событий Пруссий II потерял всякое доверие Сената. Он никак не реагировал на прибывавшие к нему римские посольства с требованием прекратить войну против Аттала II (Polyb. XXXIII.12). Вопиющим случаем для Рима явилось нападение Пруссия на мирное римско-пергамское посольство (App. Mithr. 3).

Итак, подведем некоторые итоги правления Пруссия II. Он окончательно потерял доверие Сената и понес значительные финансовые потери. Став должником, Пруссий попал в определенную зависимость, которая, несомненно, ограничивала суверенитет правителя. Закономерно, что Пруссий II пытается оспорить сумму денежных выплат Пергаму для чего отправляет по-

¹¹ Климов О.Ю. Указ. соч. С. 42.

сольство в Рим. Аттал II тоже не стоял в стороне и подготовил ответное посольство, которое должно было оспорить претензии Пруссия (App. Mithr. 4). Намечалось что-то вроде судебного процесса, где Рим являлся арбитром, третейским судьей, от решения которого зависела судьба малоазийских государств. Вифинскую делегацию возглавил Никомед. Выбор был не случаен: Прусий II, очевидно, хотел воспользоваться связями своего сына, дабы тот договорился о снижении или отмене долга. Вместе с тем, в Рим был послан некий Мена, который должен был бы убить молодого наследника в случае, если тот не достигнет поставленной цели (App. Mithr. 4).

Вероятно, Прусий II подозревал о сформированной против него коалиции, куда входил и Никомед. Вифинскому царю не удалось в итоге осуществить свой замысел: Рим отклонил претензии Пруссия, но Мена не исполнил приказ. Вифинская аристократия, да и сам Мена, по свидетельству Аппиана, были на стороне Никомеда и, по всей видимости, проримски ориентированы (App. Mithr. 5). Сам Прусий II обладал скверным характером и был ненавистен своим подданным (App. Mithr. 4–5). В ходе посольства выявились истинные предпочтения вифинской знати и их отношение к правящему монарху. Они понимали, что лояльность к Риму может принести определённые «дивиденды». Немаловажно отметить, что пергамское посольство, возглавляемое Андроником, узнав о приказе Пруссия, также выступило на стороне Никомеда. Аппиан отмечает, что Андроник приветствовал Никомеда уже как царя, последний в свою очередь был одет в царские одежды (App. Mithr. 5). Становится понятным, кого именно пергамская аристократия видела на вифинском троне. Аттал II полностью согласился с мнением своих приближенных (App. Mithr. 6; Just. XXXI.4.1–2). Интересно, что античная традиция не пишет об участии и влиянии Рима в вышеизложенных событиях. Однако, на наш взгляд, Рим здесь играет ключевую роль.

Вероятно, Аттал II поддержал Никомеда потому, что это была римская инициатива. Пергамский правитель, поддержав Никомеда, ещё более настраивал Прусия против себя. Как только Никомед вернулся из Рима, Аттал II начал провоцировать Прусия на новый конфликт и тем самым развязал войну (App. Mithr. 6). И это несмотря на то, что предыдущие события показали военное превосходство Вифинии. Но Аттал II всё же идёт на открытое столкновение, потому что за его спиной стоит Рим.

Таким образом, необходимость денежных выплат подрывала финансовое и военное положение Вифинии и создала мощную оппозицию в самом царстве против Прусия II. Возможно, долг стал одним из основных рычагов римского влияния, что в итоге привело к смене царей в Вифинии в середине II в. до н.э. Сенат желал видеть на вифинском троне более сговорчивую фигуру, лояльную к квиристам. Подчеркнём, что именно Рим являлся главным инициатором всех вышеописанных событий. Интересно, что Прусий, узнав о заговоре Аттала и Никомеда, отправил посольство в «вечный город», чтобы найти справедливость (Polyb. XXXVII.6.1–5; App. Mithr. 6; Liv. Per. 50). Сенат, не заинтересованный в фигуре Прусия II, спустил на тормозах всё дело и наблюдал, как им же запущенный механизм выдаёт желаемый результат. Итог для Прусия не утешителен: его убивает собственный сын в храме Зевса (App. Mithr. 7). И уже с Никомеда II внешняя политика Вифинии согласовывалась с интересами «вечного города».

После Никомеда II на престол сел его сын Никомед III Эвергет (128–94 г. до н.э.). Большинство исследователей единодушны в своих суждениях: правление нового царя проходило под контролем Рима, но всё же Эвергет обладал некоторой

политической самостоятельностью¹². Д. Маги подчеркнул, что у Никомеда III оставался только один способ реализовывать себя как политическую фигуру – это игра на разногласиях самого Сената¹³. В источниках зафиксирован случай, когда Никомед III, стараясь заручиться поддержкой Республики, пытался подкупить нобилей¹⁴. Сенат выступал так же последней инстанцией, утвердившей кандидатуру вифинского правителя. Яркий тому пример – приход к власти Никомеда IV в 94 г. до н.э. (App. Mithg. 7). Это уже свидетельствует о положении Рима как созерена.

Но всё же был момент, когда вифинский царь решил одну из своих внешнеполитических проблем самостоятельно. Никомед III в союзе с Митридатом VI в 108–107 гг. до н.э. завоевал Пафлагонию (Just. XXXVII.4.3). Сенат, узнав об успехе этой экспедиции, постановил вернуть независимость завоеванному государству и возратить изгнанного царя Пилемена на трон. Влияние Рима на тот момент было не таким уж сильным ввиду начавшейся довольно тяжелой для квиритов Югуртинской войны (112–105 гг. до н.э.), чем воспользовались цари Понта и Вифинии, начав завоевательные действия. Однако в дальнейшем с Римом все же пришлось считаться. Нападавшей стороне в лице Никомеда III и Митридата VI ничего не оставалось делать, как обосновывать свои экспансионистские действия с правовой точки зрения. Царь Понта заявил, что эта территория принадлежала его отцу, и он вернул утраченное. Юридически это обосновывалось завещанием Пилемена II, в котором некоторые пафлагонские территории отходили Митридату V (Just. XXXVII.4.5; XXXVIII.5.4–6; 7–10). Никомед же пошел по дру-

¹² Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1951. Vol. I. P. 318; Габелко О.Л. Указ. соч. Л. 330; Молев Е.А. Властитель Понта. Н.Новгород, 1995. С. 28.

¹³ Габелко О.Л. Указ. соч. Л. 329.

¹⁴ Там же.

гому пути: он посадил на трон Пафлагонии своего сына и дал ему имя изгнанного пафлагонского царя – Пилемена (Just. XXXVII.4.7–9). Характер этого события отчетливо демонстрирует давление, которое оказывал Рим на вифинского царя. Эвергет при удобном случае старался проводить независимую политику, но едва ли у него это получалось. Наряду с политической вифинцы вскоре стали ощущать и экономическую зависимость.

Экономически Вифиния была развитым государством¹⁵. Не случайно после её присоединения к Риму, случился настоящий разгул откупщиков и публиканов, наводнивших малоазийскую страну (Memn. XXXVIII.2; App. Mithr. 63). О.А. Габелко считает, что их проникновение началось ещё в годы правления Никомеда III¹⁶. Волне закономерно, что римские полководцы рассматривали малоазийские территории как источник обогащения, как одну из возможностей улучшения своего материального положения. Сулла, лишившись финансирования своей экспедиции в годы Первой Митридатовой войны (Liv. Per. 77; App. Mithr. 51), заключил в 85 г. до н.э. Дарданский мир с Митридатом VI Евпатором. Это привело к наложению больших «штрафов» на города, которые предали Рим и перешли под власть понтийского царя (App. Mithr. 63). Благодаря этому Сулла обеспечил себе финансовый плацдарм для дальнейшей борьбы с Марием. Выявляется определённая закономерность: чем больше Рим воюет, тем интенсивнее идёт «финансовая экспансия». Римский народ постепенно начинает чувствовать вкус к обогащению, откупы и кредиты становятся частью повседневной жизни Республики¹⁷.

¹⁵ Magie D. Op. cit. P. 303.

¹⁶ Габелко О.А. Указ. соч. Л. 343.

¹⁷ Подробнее об этом типе римской экспансии см.: Беликов А.П. От полиса к империи: становление провинциальной системы древнего Рима // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 178–194.

В итоге, Никомед IV, последний из вифинских правителей, приходит к власти, имея довольно скудную казну¹⁸. Особо остро материальные проблемы проявились на фоне династической борьбы. В 92 г. до н.э. Никомед был изгнан из Вифинии своим младшим братом Сократом, который был союзником Митридата VI (App. Mithr. 10; 57; Memn. F. 22.5). О.Л. Габелко доказал, что именно понтийский царь профинансировал кампанию Сократа по изгнанию вифинского царя¹⁹. Проримская политическая направленность портила авторитет Никомеда IV в глазах вифинского народа. Бесчинства публиканов и откупщиков настроили против Рима практически всю Малую Азию. А Филопатор воспринимался именно как проводник политики Сената: как уже отмечалось, он занял престол с согласия Рима. Это привело к выстраиванию особого типа взаимоотношений между двумя государствами, который можно именовать как «политическая клиентелла»²⁰. Рим уже рассматривал Вифинию в качестве своего клиента.

После изгнания Никомед, находясь в Риме, обещает за свое возвращение щедрое денежное вознаграждение (App. Mithr. 11). Отметим, что смена власти в Вифинии протекала параллельно с аналогичной ситуацией в Каппадокии (App. Mithr. 11). Митридату VI удалось свергнуть Ариобарзана, поставив на его место своего сына Ариарата. Однако о том, что изгнанный правитель обещал за своё возвращение какое-либо вознаграждение, в источниках не сообщается. Но обоих малоазийских царей вернули к управлению государствами. Данное обстоятельство наводит на мысль о нужности и важности возвращения Никомеда. Так или иначе, после вторичного прихода к власти в 90 г.

¹⁸ Magie D. Op. cit. P. 319.

¹⁹ Габелко О.Л. Указ. соч. Л. 357.

²⁰ Беликов А.П. От полиса к империи... С. 185–186.

до н.э., он входит в долговые обязательства перед Римом, что создаёт ещё большие условия для его зависимости от Сената.

Сразу же после возвращения Никомед готовит военный поход против Понтийского царства, что, на наш взгляд, является следствием римского давления. Аппиан косвенно сообщает, что главным инициатором этой войны являлся Маний Аквиллий. Он пишет, что Маний и Кассий (соратник Мания), не дожидаясь одобрения Сената, начали войну (App. Mithr. 17). Возможно, это объясняется тем, что Маний выступал в качестве кредитора Никомеда IV и желал новым разграблением улучшить своё благосостояние. Самому Сенату было не выгодно развязывать войну в Малой Азии, так как в этот период протекала Союзническая война. Не встретив особого сопротивления, Никомед дошёл до города Амастриды в Понтийском государстве (App. Mithr. 11). После довольно прибыльного грабежа армия Никомеда сконцентрировалась у понтийско-вифинской границы²¹. Но начавшаяся Первая Митридатова война (89–85 до н.э.), сводит лицом к лицу Архелая и Никомеда. Последний терпит поражение и уходит в итоге в Рим (App. Mithr. 19; Strabo XII.3.40). Однако, по сообщению Аппиана, армия Архелая захватывает богатый вифинский обоз (App. Mithr. 18), из чего можно сделать вывод, что Понт частично возместил свои убытки. Соответственно, как таковой прибыли Никомед IV не получил, при этом потеряв свое царство вновь. После заключения Дарданского мира Никомед IV возвратился на престол, и политической активности после этого он не проявлял. Что касается Мания, то он недооценил противника и переоценил собственные силы. Способ, с помощью которого Митридат расправился с Манием, подчёркивает всю алчность римского полководца: ему залили расплавленное золото прямо в глотку (App. Mithr. 21).

²¹ Молев Е.А. Указ. соч. С. 64.

В итоге это привело ко второму изгнанию Никомеда IV в 89 г. до н.э. За этим последовало очередное его возвращение на трон и снова – с помощью Рима. Сенат, естественно, ждал отдачи, определённых дивидендов от своей помощи. Но Никомед не оправдал надежд и не смог расплатиться с Римом. Внешнеполитическая акция, предпринятая в преддверии Первой Митридатовой войны вифинским царём, как нами было показано, не принесла прибыль царю.

Умирая, Никомед IV оставил свое государство Риму. Мотивация написания завещания очевидна, если обратить внимание на характер оказанных услуг римской стороной. Вифинский царь чувствовал на себе давление, прежде всего, финансового характера. Немаловажным обстоятельством являлось и то, что Никомед IV провел свои юношеские годы в Риме, впитав (хотя и частично) римскую культуру и традиции. Кроме того, Никомед не имел своего наследника. В итоге, завещание, обнародованное в 74 г. до н.э., явилось закономерным результатом «мирной экспансии» Республики.

Е. В. Макаров (Калуга)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ИТАЛИЙСКИХ СОЮЗНИКОВ В АРМИИ РИМА В ГОДЫ II-й ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии, посвящённой военной организации Римской республики, традиционно основное внимание уделяется римским легионам¹. Тем временем, изучение источников показывает, что контингенты италийских союзников играли немалую роль в успехах римлян, а численность союзнических контингентов в римской армии зачастую превышало число римлян. Однако вопросы организации и комплектования подразделений италийских союзников нередко остаются «за кадром». Также мало внимания уделяется командному составу союзнических контингентов в римской армии. А ведь италийские союзники сыграли немалую роль в войнах с Карфагеном, Македонией и Сирийским царством, победы в которых обеспечили Риму гегемонию в Западном и Восточном Средиземноморье. Весьма значимую роль сыграли италийские союзники в годы II Пунической войны – наиболее тяжёлого и кровопролитного конфликта, в ходе которого стоял вопрос о самом существовании Римской Республики.

Италийские союзники (*socii*) уже к IV в. до н.э. являлись важной составляющей римской армии. К концу IV – началу III вв. до н.э. в состав римских армий входили отряды латинов,

¹ См.: *Разин Е.А.* История военного искусства XXXI в. до н.э. – VI в. н.э. СПб., 1999; *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001; *Вэрри Д.* Войны античности. М., 2004; *Токмаков В.Н.* Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн М., 2007; *Дельбрюк Г.* Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории М., 2008.

сабинов, кампанцев, герников, марсов, пелигнов, марруцинов, френтанов и др. (Liv. III.7.3; X.26.14).

В источниках содержится немало примеров успешных действий италийских союзников в битвах с кельтами, этрусками и самнитами. Так, кампанская конница отличилась в битве при Сентине в 287 г. до н.э., когда сумела обойти галлов, а затем ударить с тыла по самнитам, их союзникам (Diod. XXI.2.6).

Примером эффективных действий союзников может служить и сражение против инсубров у города Ком: галлы атаковали римскую колонну на марше и достигли некоторого успеха, но удар когорты марсов и латинской конницы позволил переломить ход боя (Liv. XXXIII.36.9–12).

В битве у Кремоны правая ала союзников встретила мощный удар кельтов, два римских легиона пришли ей на помощь, римская и союзная конница ударили по флангам, а исход боя решила атака экстраординариев – отборного отряда из числа италийцев и левой алы. Погибло около двух тысяч римлян и союзников – «больше всего из правой алы – той, что приняла на себя первый и самый мощный натиск кельтов» (Liv. XXXI.21–22).

В бою с галлами около города Мутина располагавшиеся впереди римских легионов экстраординарии и левая ала союзников понесли большие потери и были выведены из боя, сопротивление галлов удалось сломить, лишь бросив на них всю конницу союзников, римские легионы и правое крыло. В ходе боя было убито 14 тысяч бойев. Римляне потеряли свыше пяти тысяч солдат – римлян и союзников, погибло 23 центуриона, четыре префекта союзников и три военных трибуна второго легиона» (Liv. XXXV.5.1–14).

К началу Пунических войн структура союзнических контингентов в целом уже сложилась: для каждого римского легиона италийские союзники формировали отряды – алы (от лат. *ala*,

ae, f. – крылья, *alae sociorum*) в 4–5 тысяч пехотинцев и 900 всадников (Polyb. VI.26.7–9).

Конница союзников, также как и римская, подразделялась на турмы. Пехота союзников формировала когорты по 400–600 человек, которые подразделялись на манипулы.

Питер Конноли отмечает, что ко II в. до н.э. термином «когорты» (*cohors*) чаще обозначались войска союзников: когорты марсов, когорты из Кремоны, пренестинские когорты и т.д.²

Треть конницы союзников и пятая часть их пехоты отбирались для того, чтобы образовать особую боевую единицу – экстраординариев (Polyb. VI.26.7–9). Они были ударным отрядом для особых поручений и должны были прикрывать легионы на марше. Численность экстраординариев могла достигать до 4 тысяч пехоты и 600 всадников.

Тит Ливий указывает на то, что тактика и вооружение союзников были аналогичны римским. Повествуя об одном из эпизодов Латинской войны, Ливий сообщает, что «довольно долго с мужеством, равным римскому, держались главным образом латинские легионы, приобщённые долгим союзничеством к римскому строю» (Liv. IV.30.1–7).

Как отмечает П. Конноли, после заключения в 406 г. до н.э. мирного договора Кассия и вхождения Рима в Латинский союз, развитие военных систем Рима и остальных латинских государств шло параллельными курсами³.

В войне с Карфагеном италийские союзники составляли значительную часть римской армии. Так, в начале Второй Пунической войны к консульским армиям Публия Корнелия Сципиона и Тиберия Семпрония Лонга присоединилось около 30 тысяч

² Конноли П. Указ. соч. С. 130.

³ Там же. С. 126.

союзников, 14 тысяч – к Сципиону, 16 тысяч – к Семпронию (Liv. XXI.5–8).

В армии консула Луция Постумия, погибшей в битве с кельтами в Литанском лесу в 216 г. до н.э., насчитывалось два римских легиона и 15–17 тысяч союзников (Liv. XXIII.24.8).

Для пополнения действующей армии в 213 г. до н.э. сенат постановил набрать два римских легиона и 20 тысяч союзников. (Liv. XXIV.44.6).

В некоторых родах войск италийские союзники составляли значительную часть личного состава, как, например, в кавалерии или флоте (*socii navales*). По мнению П. Конноли, самнитская и кампанская конница в конце III – начале II вв. до н.э. составляли основу кавалерийских формирований римской армии⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют выделить ряд особенностей, связанных с набором союзнических контингентов в римской армии во время войны с Ганнибалом.

В ходе второй Пунической войны необходимость заставила римлян всё шире привлекать войска союзников, используя уже не централизованный набор, а вербуя солдат прямо в районе боевых действий. Тит Ливий сообщает, что в 214 г. до н.э. несколько когорт было набрано Тиберием Гракхом непосредственно в Лукании, где действовала его армия (Liv. XXIV.20.1).

В связи с этим представляет интерес эпизод с обороной Казиллина. Этот город обороняли когорты из Пренесты и Перузии, набор в которые не был завершён вовремя, и когорты не успели к битве при Каннах. Повествуя об измене Капуи, Ливий указывает интересную деталь – после перехода на сторону Ганнибала в Капуе были уничтожены римские граждане, в том числе несколько префектов союзных войск (Liv. XXIII.7.3). Из речи кон-

⁴ Конноли П. Указ. соч. С. 113.

сула Терренция Варрона перед кампанскими послами, можно узнать, что после поражения под Каннами Капуя ещё была способна выставить 30 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы (Liv. XXIII.5.15). Можно предположить, что эти префекты занимались формированием отрядов из числа кампанцев. По данным источников можно сделать два вывода. Первый: префекты формировали новые подразделения, призванные заменить погибшие под Каннами войска. Второй: набор в Кампании затянулся, возможно, из-за нежелания кампанцев воевать с Ганнибалом, и в битве при Каннах участвовали далеко не все отряды кампанцев.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что если римские легионы во время Второй Пунической войны набирались достаточно централизованно и в сжатые сроки, то набор подразделений союзников зачастую был процессом не одномоментным, а достаточно растянутым по времени.

Важным представляется вопрос о командовании союзнических контингентов. Консулами назначались 12 префектов для командования союзниками. На каждую консульскую армию из двух легионов и двух ал союзников приходилось по шесть префектов (Polyb. VI.26.7–9). Можно предположить, что в подразделениях союзников насчитывалось по два префекта – старший и младший, по аналогии с центурионами в римских легионах, и военным трибунами двух категорий – совершившими пять и десять годовых походов соответственно (Polyb. VI.19).

В таком случае шесть префектов в консульской армии могли распределяться следующим образом: двое – в левой але, двое – в правой але, оставшиеся двое могли осуществлять командование частями экстраординариев.

В 24 и 25 книгах своей «Истории» Тит Ливий приводит два весьма показательных образа офицеров, командовавших отрядами союзников. В первом случае (XXIV.40.8–17) это Квинт Невий Криста, которого Ливий характеризует как храброго и

опытного офицера. Квинт Невий занимал должность префекта союзников в армии пропретора Марка Валерия Левина, в 214 году располагавшейся вместе с флотом в Брундизии. Получив известия о том, что царь Македонии Филипп V напал на союзные Риму города Орик и Аполлонию, Левин с имевшимся в его распоряжении одним легионом высадился в Иллирии и отбил у македонян Орик. Получив сведения о том, что Аполлония осаждена, он морем отправил туда две тысячи отборных солдат под командованием Квинта Невия Кресты (XXIV.40.8).

Судя по численности, можно предположить, что ударную группу сформировали из числа экстраординариев. Прибыв в Аполлонию, Квинт Невий воодушевил горожан и вооружил молодёжь города. Вскоре, внезапной ночной атакой ему удалось застать македонян врасплох и ворваться в их лагерь. Македонская армия была разбита и отступила, бросив лагерь и осадные орудия. По данным Ливия, потери македонян убитыми и пленными составили порядка трёх тысяч человек (XXIV.40.14).

Очевидно, что успешно осуществить задуманное Квинту Невию удалось благодаря хорошо поставленной разведке и хорошей дисциплине в его отряде. Так, римлянам удалось выяснить, что македонские войска проявляют беспечность, и лагерь практически не охраняется. Кроме того, Квинт Невий смог успешно организовать ночную вылазку, что в античную эпоху было делом непростым⁵.

Второй типаж офицера союзников, встречающийся в 25-й книге «Истории» Тита Ливия диаметрально противоположен. Тит Помпоний, префект союзников в армии консула Квинта Фабия Максима младшего, успешно грабивший земли бруттиев, перешедших на сторону Ганнибала, в 213 г. до н.э. был разгромлен Ганноном и попал в плен (XXV.1.3–4). Ливий крайне

⁵ См., напр.: Plut. Purr. 24.

уничжительно характеризует Тита Помпония, отмечая, что тот «возомнил себя настоящим военачальником» (XXV.1.3).

Собрав несколько отрядов, Тит Помпоний повёл их на Ганнона. Большую, но не организованную толпу, немалую часть которой составляли присоединившиеся крестьяне и рабы, частью перебили, частью взяли в плен.

Личностные качества Помпония, бывшего откупщика, Ливий также характеризует крайне негативно, отмечая, что пленение Помпония было наименьшей потерей для государства (XXV.1.4). Естественно, мы не можем утверждать, что такие командиры были характерны для отрядов италийских союзников. Описанные события происходили в самый разгар II Пунической войны, к тому моменту римляне понесли большие потери в офицерском корпусе (Liv. XXIII.12.1–2) и испытывали трудности с комплектованием.

Обращаясь к вопросу отношений между римлянами и италийскими союзниками в армии, можно отметить, что далеко не всегда им удавалось достичь взаимопонимания.

В источниках содержатся сведения о серьёзных конфликтах между римлянами и италийскими союзниками ещё во время боевых действий на Сицилии в годы Первой Пунической войны. Полибий сообщает о том, что после одного из сражений возникли распри между союзниками и римлянами из-за того, кому из них принадлежала в битве честь победы. В итоге союзники расположились отдельным лагерем между Паропом и Гимерскими Термами. Воспользовавшись этим, Гамилькар внезапно напал на них и уничтожил, согласно Полибию, около четырёх тысяч человек (Polyb. I.24.2–4), согласно Диодору – 6 тысяч (Diod. XXIII.9.4)⁶.

⁶ Подробно этот эпизод рассматривается в работе И.Л. Маяк, которая приводит к выводу, что помимо чести причиной конфликта мог стать спор из-за добычи. См.: *Маяк И.Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. до н.э. М.,

В 259 г. до н.э. в Риме был раскрыт заговор, целью которого было сжечь и разграбить Рим. В этом заговоре, согласно Орозию (Oros. IV.7), участвовало 3 тысячи рабов и 4 тысячи корабельных союзников (*socii navales*), а по данным Зонары (Zonar. VIII.11.8) – заложники и самниты, призванные пополнить флот.

Честолюбие нередко приводило к соперничеству и конфликтам между римлянами и союзниками в годы Второй Пунической войны. Именно это произошло после взятия Нового Карфагена. За получение крепостного венка боролись Квинт Требеллий – центурион четвёртого легиона и моряк Секст Дигитий (Liv. XXVI.48.6). Как известно, к середине Второй Пунической войны моряков в римский флот предоставляли в основном италийские союзники (Liv. XXVIII.45.19). Споры о том, кто первый взойшёл на стены Нового Карфагена, едва не привели к схватке моряков с легионерами. Чтобы избежать этого, Сципион вынужден был наградить обоих претендентов (Liv. XXVI.48.7–13).

Интерес представляет также вопрос о наказании за нарушение дисциплины и бегство с поля боя, применявшемся по отношению к контингентам союзников. В труде Тита Ливия есть упоминания того, что во время Второй Пунической войны наказание для союзников было таким же как и для римлян. Решением Сената, остатки войск Гнея Фульвия, разбитые Ганнибалом и бежавшие с поля боя были отправлены на Сицилию, чтобы пополнить уже находившиеся там два легиона, сформированные из каннских беглецов (Liv. XXVII.7.12). Ливий указывает точное количество отправленных на Сицилию – 4304 человека (XXVII.8.13). При этом отмечается, что большинство из них составляли союзники и латины (Liv. XXVII.9.1). Это вызвало возмущение среди латинских колоний. Тит Ливий сообщает о

1971. С. 78. Кроме того, Ф. Уолбэнк предполагает, что в повествовании Полибия речь идёт о сицилийских союзниках римлян: *Walbank F. Commentary on Polybius...* P. 80.

настроениях латинских союзников: «Среди латинов и союзников – в их собраниях – поднялся ропот: десять лет воинских наборов и денежных поборов исчерпали их силы; почти каждый год они несут в кровопролитных сражениях большие потери: одни гибнут, другие мрут от болезней. Латин или союзник у римлян в войске погибнет скорее, чем пленный у Ганнибала: враг отпускает его домой без выкупа, а римляне шлют из Италии скорее в ссылку, чем на службу» (Liv. XXVII.9.2–3). В результате 12 из 30 колоний отказались предоставлять рекрутов и деньги.

Такое поведение шокировало римский сенат, но остальные 18 колоний заявили, что в случае необходимости они готовы предоставить недостающих солдат (Liv. XXVII.10.3). Римляне почтили эти 18 колоний особым сенатским постановлением, послы от них были представлены народному собранию, где было рассказано об их самоотверженной помощи Риму (Liv. XXVII.10.6). В разгар войны с Ганнибалом сенат не решился пойти на эскалацию конфликта с отказавшими в помощи колониями и удостоил их лишь молчаливого порицания (Liv. XXVII.10.10). В дальнейшем в отношении этих колоний также не применялись серьёзные репрессии. В течение шести лет они не поставляли солдат, в то время как остальные колонии несли дополнительную нагрузку (Liv. XIX.15.1–3). В 204 году до н.э. римский сенат принял решение потребовать от этих 12 колоний вдвое большее число пехоты и по сто двадцать всадников от каждой. За каждого всадника было разрешено выставлять троих пехотинцев. К тому же эти 12 колоний были обложены данью – по I ассу с каждой тысячи оценённого имущества (Liv. XIX.15.4–10). Кроме того, как отмечает Р.В. Лапырёнок, было изменено правовое положение этих колоний⁷.

⁷ Лапырёнок Р.В. *Cives sine suffragio* и римский ценз // SH. 2011. Вып. XI. С. 134.

В ходе Второй Пунической войны имел место и мятеж римских союзников. После того, как карфагеняне в Испании были разгромлены Сципионом, в римской армии, стоящей лагерем под Сукроном, вспыхнул мятеж. Задержка с выплатой жалования и слухи о болезни и смерти Сципиона привели к тому, что 8 тысяч солдат взбунтовались (Liv. XXVIII.26.5–16). Ливий не упоминает о том, были в этом отряде римские легионеры или италийские союзники, но тот факт, что мятежники вручили власть двум простым солдатам Гаю Альбию из Кал и умбрийцу Гаю Атрию, говорит о том, что значительную часть отряда составляли италийские союзники (Liv. XXVIII.26. 13–15).

После получения известий о том, что Сципион жив, мятеж начал угасать. Для получения жалования мятежники были приглашены в Новый Карфаген, где они были окружены верными Сципиону войсками, а их вожди схвачены (Liv. XXVIII.26.10–15). Вожди мятежников – более тридцати пяти человек были казнены, однако в отношении остальных солдат ограничились порицанием (Liv. XXVIII.29.11).

Стоит отметить, что далеко не всегда поставка рекрутов рассматривалась италийскими союзниками как обременительная обязанность. Так, во время подготовки Сципионом экспедиции в Африку, к его войскам присоединилось около семи тысяч добровольцев из числа италийских союзников – умбров, сабинов, жителей Нурсии, Реаты, Амитерна и Камерина. Марсы, пелигны и марруцины пошли добровольцами во флот (Liv. XXVIII.45.19).

Необходимо также отметить, что сохранивших верность и отличившихся в боях союзников римляне награждали и чествовали. Так произошло, например, с пренестинской и перузинской когортами, которые после битвы при Каннах долго и упорно обороняли город Казилин. Как указывает Тит Ливий, на момент подхода к городу войск Ганнибала, там находилось

пятьсот пренестинцев и небольшое число римлян и латинов, которые оказались там после поражения под Каннами (Liv. XXIII.17.8–9). В Пренесте набор воинов не был завершён к назначенному сроку, поэтому пренестинская когорта опоздала к битве при Каннах и, получив сообщение о поражении, отступила в Казилин. Спустя несколько дней, к гарнизону присоединилась перузинская когорта – 450 человек, также не успевшая к битве при Каннах (Liv. XXIII.17.11). Передовой отряд карфагенян, пытавшийся с ходу захватить город, когортами пренестинцев и перузинцев был разбит и отступил, после чего Ганнибал был вынужден начать осаду Казилина. Защитникам города удалось отразить несколько атак карфагенян. Ливий достаточно высоко оценивает боеспособность этих когорт: «У римских союзников хватало и сил, и умения отразить разные попытки врага» (XXIII.18.8). Приказа оборонять Казилин эти когорты не получили и имели полное право отступить на соединение с основными силами римской армии. Тем не менее, они долго и упорно обороняли город, нанеся потери карфагенской армии и задержав её продвижение. После того как возможности к сопротивлению были исчерпаны, защитники города сдались и были отпущены после получения выкупа. Ливий упоминает статую на форуме Пренесты, которую претор пренестинцев Марк Аниций поставил по обету за воинов, оборонявших Казилин (XXIII.19.17–18). Римский сенат постановил выдать пренестинским солдатам двойное жалование, на пять лет освободить их от военной службы, а также предложил им римское гражданство (Liv. XXIII.20.2).

Довольно показателен в плане отношения к союзникам и эпизод, произошедший после взятия города Локры. Город был занят войсками пропретора Квинта Племиния – легата Публия Сципиона, и отрядом под командованием трибунов Марка Сергия и Публия Матиена. После взятия города начались грабежи,

дело дошло до столкновений между отрядами Племиния и трибунов. Контроль над ситуацией был утрачен, понадобилась вмешательство Сципиона, после которого трибуны были арестованы, а затем убиты Племинием. Но и после этого грабежи и притеснения жителей продолжались (Liv. XXIX.9.1–12).

Послы Локр обратились в римский сенат с жалобами на Квинта Племиния. Фабий Максим поддержал их и предложил все римские войска, находившиеся в Локрах, отправить в ссылку на Сицилию, а для их замены направить четыре когорты латинских союзников (Liv. XXIX.19.9).

Таким образом, мы видим, что латинским союзникам полностью доверяют, их предлагают отправить на замену морально разложившимся римским частям, не опасаясь, что они нарушат приказы и начнут притеснять местных жителей, хотя причины для подобных опасений у римлян были.

Как отмечает И.Л. Маяк, война всегда является испытанием общественного и государственного строя, и Пунические войны оказались тяжёлым испытанием для Римско-италийского союза⁸. После битвы при Каннах на сторону Ганнибала перешли многие города и племена Южной Италии (Капуя, Тарент, Кампания, Лукания, Апулия, Бруттий, большая часть Самния). Согласно подсчётам П. Коннолли, это дезертирство сократило численность римской пехоты на 20%, а конницы – на треть⁹. Но большинство союзников сохранили верность Риму.

При создании и существовании военно-политических союзов, подобных римско-италийскому, огромную роль играют идеологические соображения, колониальные и племенные узы¹⁰. Итальянские союзники сохраняли верность Риму и продолжили сражаться на его стороне по разным причинам: в виду

⁸ Маяк И.Л. Указ. соч. С. 76.

⁹ Коннолли П. Указ. соч. С. 188.

¹⁰ Вэрри Д. Указ. соч. С. 43.

племенной общности латинов, схожести идеологии, отношений колония – метрополия. Как отмечает Пол Эрдкамп, многие италийские племена рассчитывали добиться большего, сохраняя лояльность Риму. Пока они предоставляли Риму войска и гарантировали местную стабильность, Рим оказывал им политическую и военную поддержку¹¹. Кроме того, Рим позиционировал себя как защитника от внешних угроз, что и продемонстрировал в ходе отражения галльского вторжения в 225 г. до н.э. Полибий утверждает, что в тот период италийские племена сплотились вокруг гегемонии Рима, так как он предложил им защиту от общего врага (Polyb. II.23).

М. Фронда указывает, что одним из побудительных мотивов такой верности мог быть банальный страх перед репрессиями со стороны Рима¹². Также он отмечает, что италийские сообщества действовали исходя из личного интереса, и отвечали на непосредственное давление и возможности, вызванные вторжением Ганнибала в Италию. Эти города – или скорее их правящие элиты – были не очень мотивированы абстрактными понятиями итальянского единства и лояльности Риму (или Карфагену)¹³. Но несмотря на это, нельзя не признать что италийские союзники сыграли весьма важную роль в ходе Второй Пунической, способствовав победе Рима, наравне с римскими легионами перенеся все тяготы долгой и кровопролитной войны.

В заключение стоит отметить также, что отношения римлян и союзников можно охарактеризовать как неоднозначные – наряду с конфликтами и мятежами италийцев, встречаются многочисленные примеры их преданности Риму и воинскому долгу.

¹¹ *Erdkamp P.* War and State Formation in the Roman Republic // A companion to the Roman army. Blackwell, 2007. P. 101.

¹² *Fronda M.P.* Between Rome and Carthage. Southern Italy during the Second Punic War. Cambr., 2010. P. 49.

¹³ *Fronda M.P.* Op. cit. P. 51.

И. В. Меркулов (Волгоград)

**LEX MARIA TABELLARIA 119 В.С.: К ВОПРОСУ О
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГАЯ МАРИЯ С КЛАНОМ МЕТЕЛЛОВ**

При исследовании взаимоотношений Гая Мария с влиятельнейшим в последней четверти II в. до н.э. кланом Метеллов, следует остановиться на 119 годе, ставшим переломным в карьере молодого политика. Этот год ознаменован двумя громкими процессами (Cic. Vrut. 159) над гракханцем Публием Децием Субулом¹ и перебежчиком в стан нобилей, бывшим гракханцем Гаем Карбоном (Cic. De or. III.70). На фоне этих бурных событий Гай Марий в качестве народного трибуна проводит закон, ограничивающий влияние знати в судах (Plut. Mar. 5), продолжив, таким образом, традицию предшествующих трибунов². По сути, закон был дополнением к *lex Cassia* от 137 г. до н.э.³, полностью уничтожившим контроль знати над голосующими и давление на них⁴. Никто из современных историков не сомневается в направленности закона против знати⁵. Вполне понятен и механизм принятия закона, а также

¹ *Badian E. P. Decius P.f. Subulo: An Orator of the Time of the Gracchi // JRS. 1956. Vol. 46. P. 91–96; Münzer F. P. Decius (20) // RE. 1901. Bd. IV. S. 2286.*

² *Ханкевич О.И. Деятельность народных трибунов в Римской республике во II в. до н.э. (до гракханского движения) // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1974. С. 75–77.*

³ *Vishnia R.F. Written Ballot, Secret Ballot and the iudicia publica. A note on the leges tabellariae (Cicero, De legibus 3.33–39) // Klio. 2008. Bd. 90. P. 339–340.*

⁴ *Yakobson A. Secret Ballot and Its Effects in the Late Roman Republic // Hermes. 1995. Bd. 123. P. 433.*

⁵ *Martin J. Die Popularen in der Geschichte der späten Republik. Diss. Freiburg im Breisgau, 1965. S. 170; Vishnia R.F. Op. cit. P. 340; Егоров А.Б. Римские популяры – терминология, структура движения и идеология // Мнемон. Исследования и пуб-*

реакция на него сенаторов (Cic. leg. III.38; Plut. Mar. 4). В этой связи обычно говорят о существовании в тот момент так называемой *factio Metelli*, возглавлявшей реакционные силы и имевшей антидемократическую направленность⁶. Эта-то группировка и выступила, по мнению историков, главной противницей закона⁷. Однако у нас есть основания полагать, что такая интерпретация событий не вполне учитывает фактический материал и, следовательно, не может быть принята в качестве объяснения интересующих нас событий.

Главным источником информации о тех событиях служит биография Гая Мария, написанная Плутархом. Но его интерпретация событий не всегда верна и не вполне соответствует исторической действительности. В изложении он пропускает много фактов, проливающих свет на взаимоотношения трибуна с консулами. Например, из источника совершенно непонятно, был ли произведён арест Метелла или нет? Не ясно, на каком основании Котта хотел привлечь Мария к ответу (Plut. Mar. 4)? И, наконец, какова роль Метелла Далматского в этом процессе?⁸ Конечно, Плутарха не интересовали политические детали этого конфликта, поэтому наша задача состоит в том, чтобы попытаться объяснить его природу и, опираясь на дан-

ликация по истории античного мира. СПб., 2009. Вып. 8. С. 223; *Wright M.* Marius' Mules: Paving the Path to Power // Seminar Paper Presented to the Department of History Western Oregon University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Bachelor of Arts in History. Spring, 2009. P. 8; *Badian E.* Op. cit. P. 94.

⁶ *Gruen E.S.* Politics and the Courts in 104 BC // TAPhA. 1964. Vol. 95. P. 99, 104–105; *Трухина Н.Н.* Политика и политики «Золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 156; *Бэдиан Э.* Цепион и Норбан // SH. 2010. Вып. X. С. 173; *Badian E.* Op. cit. P. 94; *Bicknell P.* Marius, the Metelli, and the lex Maria Tabellaria // Latomus. 1969. T. 28. Fasc. 2. P. 335–336.

⁷ *Бэдиан Э.* Указ. соч. С. 169; *Badian E.* Op. cit. P. 94.

⁸ Кстати, Плутарх не уточняет, о каком Метелле идёт речь. Лишь благодаря просопографии удаётся устранить этот пробел (*Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1952. Vol. 1. P. 525).

ные херонейского писателя и просопографический материал, восстановить картину тех драматических дней.

При рассмотрении отрывочных сообщений Плутарха, сразу же бросается в глаза политическая недалёковидность Метеллов, оказавших Марию помощь при его избрании в народные трибуны (Plut. Mar. 4). Как Метеллы, искушённые в политике люди, могли способствовать возвышению человека, который вскоре станет их политическим оппонентом? Тем более удивляет то, что Марий являлся их клиентом, и они вполне могли знать его политическую позицию. Ответ, видимо, состоит в том, что для Плутарха вражда Мария и Метеллов была сквозной темой в начале биографии последнего, и он всячески акцентировал те моменты, которые, с его точки зрения, эту вражду стимулировали и обостряли. Но справедливы ли те акценты, которые он расставлял?

Судя по всему, к законопроекту Мария враждебно относились не все сенаторы, и Котте пришлось убеждать сенат во вредности закона (Plut. Mar. 4). Этими несогласными могли быть:

- претории, которых нобили не допускали к консулату⁹;
- группа «центра», выступающая за равновесие политических сил и проведение реформ;
- популяры, стремящиеся к ослаблению сената в целом¹⁰;
- нобили, отстранённые от политики и желающие восстановить своё былое могущество.

⁹ Например, такие, каким в прошлом был Квинт Помпей, консул 141 г. до н.э., homo novus, пробившийся в ряды высокородных персон при помощи не вполне почтенных махинаций (Miltner F. Pompeius (12) // RE. 1952. Hbd. 42. Sp. 2056–2058). Люди, подобные ему, должны были являться исключительно искусными тактиками в делах римской городской политики.

¹⁰ Егоров А.Б. Указ. соч. С. 222.

При внимательном отношении к тексту Плутарха, можно заметить, что инициатором противодействия закону выступает не Цецилий Метелл, а его коллега Аврелий Котта, что наводит на серьёзные размышления по поводу отношения Метелла и к самому законопроекту, и лично к Марию. Метелл вступает в конфликт лишь на последней его стадии, и то не столько по поводу законопроекта, сколько по поводу действий Мария по отношению к его коллеге.

Вопрос о единодушии Котты с Метеллом также можно поставить под сомнение, во всяком случае, о полном единодушии. Плутарх пишет: «тогда Котта, обратившись к Метеллу, спросил его мнения, и Метелл во всём с ним согласился...» (Plut. Mar. 4). Но если бы Метелл с самого начала враждебно относился к законопроекту Мария, он наверняка бы поддержал своего коллегу и у Котты не было бы необходимости дополнительно спрашивать его мнения.

Как выглядит последовательность событий у Плутарха? Марий вносит свой законопроект не в центуриатные комиции, где требовалась предварительная процедура его обсуждения в сенате, а в трибутные. Требование Котты было бы вполне законным, если бы речь шла о центуриатных комициях, в данном случае было не вполне обоснованным юридически. Теоретически Марий мог бы и не отчитываться перед сенатом, но он должен был соблюдать правила игры и уважать его *auctoritas*.

Однако это не означало капитуляцию Мария перед своими противниками. Он дал понять, что не собирается отчитываться перед Коттой и сенатом, обвинил Котту в том, что тот препятствует проведению закона и пригрозил, что, если тот не отзовёт свою жалобу на него, то он прикажет арестовать его и препроводить в тюрьму (Plut. Mar. 4). Только после этого Котта обратился к своему коллеге Метеллу за его мнением. Этот поступок однозначно трактуется как стремление Метелла пре-

пятствовать закону Мария¹¹. Однако, скорее, «мнение» Метелла напрямую касалось не самого закона, но оценки вызывающих действий строптивного арпината. Само обращение Котты к Метеллу подтверждает нейтральную позицию последнего в споре между консулом и трибуном. В этом случае вполне понятна и реакция Мария – попытка арестовать Метелла.

Обратимся к позиции третьего участника конфликта, Метелла. Исследования последних десятилетий, посвященные клану Метеллов, не позволяют считать эту группировку последовательной сторонницей консервативной части сената¹². Ее члены активно сотрудничали с деловыми всадническими кругами, есть предположение об их поддержке на первоначальном этапе аграрного закона Тиберия Гракха¹³. Затем, как некогда и Лелий, клан отошёл от этой идеи¹⁴. В середине II в. до н.э. Метеллы были близкими друзьями Сципиона Эмилиана¹⁵. Будущий Метелл Македонский начинал службу со Сципионом в качестве контубернала у его отца Эмилия Павла и принимал участие в знаменитой битве при Пидне. После победы Метелл вместе со Сципионом были удостоены чести сообщить о ней сенату (Liv. XLV.1.1–2.5). В 134 г. до н.э. младший сын Метелла Македонского служил у Сципиона в качестве контубернала

¹¹ Бэдиан Э. Указ. соч. С. 169.

¹² Bicknell P. Op. cit. P. 342; Scullard H.H. From the Gracchi to Nero: A History of Rome from 133 BC to AD 68. L.; N.Y., 1982. P. 38; Simmons D.W. From Obscurity to Fame and Back Again: The Caecilii Metelli in the Roman Republic. Brigham Young University. 2011.

¹³ Shooter D. The Fall of the Roman Republic. L.; N.Y., 1994. P. 30; Briscoe J. Supporters and Opponents of Tiberius Gracchus // JRS. 1974. Vol. 64. P. 128.

¹⁴ Заборовский Я.Ю. Очерки по истории аграрных отношений в римской республике. Львов, 1985. С. 97; Taylor L.R. Forerunners of the Gracchi // JRS. 1962. Vol. 52. P. 24.

¹⁵ Примерно до 140 г. до н.э. (Simmons D.W. Op. cit. P. 70; Briscoe J. Op. cit. P. 128; Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. Diss. Würzburg, 1935. S. 60).

под Нуманцией¹⁶. Хотя их отношения резко изменились в 40-х годах, разногласия имели лишь политический, а не личный характер¹⁷; после внезапной смерти Сципиона в 129 г. до н.э. на его похоронах присутствовал весь клан Метеллов, а четыре сына Метелла Македонского несли тело покойника к погребальному костру (Cic. Mur. 75). Сам Метелл Македонский восхищался Сципионом и считал его лучшим политиком своей эпохи (Cass Dio. fr. 84.1–2; Val. Max. IV.1.12).

Далее прослеживается еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание: многие бывшие сторонники и соратники Сципиона после его смерти прибывают к стану Метеллов. Так, Публий Рутилий Руф был хорошим другом Сципиона Эмилиана. Они часто навещали друг друга, так как их владения близ Формий располагались рядом¹⁸. Впоследствии Рутилий стал человеком, самым приближенным к клану Метеллов¹⁹. Его претура 118 г. до н.э., по всей вероятности, была связана с консульством Метелла Далматского и Аврелия Котты²⁰. Вскоре сестра Рутилия выходит замуж за Котту²¹. Сын Метелла Кальва Луций, взял Рутилия (как и Мария) на войну против Югурты своим легатом²² и даже, по мнению Э. Бэдиана, сделал его своим заместителем²³. Метеллы обеспечили ему консульство на 105 г. до н.э.²⁴

¹⁶ Метелл Капрарий (Cic. De orat. II.267).

¹⁷ Scullard H.H. Scipio Aemilianus and Roman Politics // JRS. 1960. Vol. 50. P. 70.

¹⁸ Munzer F. Rutilius (34) // RE. 1914. Hbd. 1. Sp. 1269.

¹⁹ Bates R.L. "Rex in Senatu": A Political Biography of M. Aemilius Scaurus // Proceedings of the American Philosophical Society. 1986. Vol. 130. No. 3. P. 255; Бэдиан Э. Указ. соч. С. 173.

²⁰ Broughton T.R.S. Op. cit. P. 526.

²¹ Cic. Brut. 115; De or. I.220; Asc. 67 Сларк.

²² Sall. BI. 52; 86.4; Plut. Mar. 10.1.

²³ Бэдиан Э. Указ. соч. С. 173.

²⁴ Kallet-Marx R. The Trial of Rutilius Rufus // Phoenix. 1990. Vol. 44. No. 2. P. 122.

Сам Гай Марий, начавший военную службу под Нуманцией, был возвышен Сципионом и введён им в свой круг (Plut. Mar. 3). Плутарх прямо говорит, что семейство Мариев давно служило клану Метеллов, и что народный трибунат ему обеспечили именно Метеллы (Plut. Mar. 4). Марий приходился другом младшему сыну Метелла Македоского Квинту Капририю²⁵, связь с которым у него не прерывалась ещё с Нумантийской войны, когда они вместе были контуберналами Сципиона.

И Гай Марий, и Публий Рутилий Руф были *homines novi*²⁶. Метеллы, как и Сципион, не пренебрегали общением с подобной категорией людей, поэтому мнение о том, что они защищали «лишь корпоративные интересы нобилитета»²⁷, не соответствует действительности.

Под Нуманцией, в качестве контубернала Сципиона, начал свою политическую карьеру и Марк Эмилий Скавр²⁸. В 119 г. до н.э. он становится претором²⁹, а в 115 г. до н.э. – консулом вместе с Марком Цецилием Метеллом³⁰. Одновременно его избирают принцепсом сената³¹. Вскоре Скавр женился на

²⁵ Случай с Сатурнином, в тот момент сторонника Мария, и противодействия Капририя исключить его из сената (Cic. Sest. 101; Vell. I.8; App. BC. I.28; Auct. De Vir. Ill. 62).

²⁶ Smith W. P. Rutilius Rufus // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. L., 1890. Pt. I. P. 680; Simmons D.W. Op. cit. P. 98.

²⁷ Трухина Н.Н. Указ. соч. С. 156.

²⁸ Auct. De Vir. Ill. 72.2; Bates R.L. Op. cit. P. 252.

²⁹ Broughton T.R.S. Op. cit. P. 526.

³⁰ Val. Max. 7.1.1; Plin. NH. 7.142.

³¹ И. Шацман не относит Эмилия Скавра к *factio Metelli*. Он полагает, что своей карьерой Скавр обязан другим покровителям, не менее сильным, чем Метеллы. Наоборот, влияние Скавра было настолько большим, что сами Метеллы искали с ним политического союза. По его мнению, политика Скавра выглядит более чем независимой (Shatzman I. Scavrus, Marius and the Metelli: A Prosopographical-Factional Case // Ancient Society. 1974. Vol. 5. P. 208–209).

Метелле, вероятно, дочери Метелла Далматского³², и стал самым заслуженным членом их *factio*³³.

Просопографические данные подтверждают связи Метеллов с так называемой «партией центра», к которой принадлежали Муции Сцеволы³⁴. Сцеволы некогда были активными членами сципионовского кружка³⁵ и, возможно, главными разработчиками аграрного закона, с которым выступил Тиберий Гракх³⁶. Они обладали особой квалификацией и компетентностью в области сакральной жизни, знания древних обычаев, юриспруденции и сакрального права³⁷. С одним из них, Публием Муцием Сцеволой-авгуром, второй сын Метелла Македонского, Квинт Диадемат, исполнял консульскую должность в 117 г. до н.э.³⁸

С середины 20-х годов II в. до н.э. Метеллы стали доминирующим кланом в сенате. С одной стороны, тому способствовала плодовитость этого клана³⁹. При большой в то время смертности⁴⁰, численный состав семьи в стенах сената играл не последнюю роль в удержании власти⁴¹. Неудивительно, что на протяжении четверти века Метеллы практически передавали членам своего клана одну должность за другой и обеспечивали,

³² *Potter F.H.* Political Alliance by Marriage // *The Classical Journal*. 1934. Vol. 29. No. 9. P. 663; *Bates R.L.* Op. cit. P. 256. И. Шацман относит этот брак к 101 г. до н.э. (*Shatzman I.* Op. cit. P. 213).

³³ *Simmons D.W.* Op. cit. P. 100; *Bloch G.M.* M. Aemilius Scaurus. P., 1909. P. 23.

³⁴ *Егоров А.Б.* Муции Сцеволы, Лицинии Крассы и Юлии Цезари (римская интеллигенция и кризис конца II – начала I в. до н.э.) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2003. С. 203.

³⁵ *Заборовский Я.Ю.* Указ. соч. С. 94.

³⁶ *Taylor L.R.* Op. cit. P. 25.

³⁷ *Егоров А.Б.* Муции Сцеволы, Лицинии Крассы и Юлии Цезари. С. 193.

³⁸ *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 528.

³⁹ *Simmons D.W.* Op. cit. P. 61.

⁴⁰ *Робер Ж.-Н.* Этруски. М., 2007. С. 161–164.

⁴¹ *Lintott A.* Political History, 146–95 B.C. // *САН*². 1994. Vol. 9. P. 88.

таким образом, контроль над всеми высшими должностями, включая и цензуру⁴². Разумеется, такой большой клан имел мощную и разветвлённую клиентелу не только в Риме⁴³, но и по всей Италии⁴⁴.

Другой причиной усиления Метеллов была их связь с всадническим сословием, и, главным образом, с его деловыми торговыми кругами. В 123 г. до н.э. старший сын Метелла Македонского Квинт, выполняя заказ торговых и деловых кругов, очистил от пиратов Средиземноморье и присоединил Балеарские острова⁴⁵, богатые залежами железа и меди⁴⁶; туда сразу же устремляются италийские и римские предприниматели и создают свои компании по добычи и разработке металлов⁴⁷. К тому же эти острова были важным перевалочным пунктом в торговле с Испанией и Галлией⁴⁸. Для контроля над островами Квинт основал несколько торговых поселений⁴⁹. За это он удостоился прозвища «Балеарский» (Liv. Per. 60; Strabo III.6.1; Flor. I.43; Oros. V.13.1). Третий сын Метелла Македонского Марк в 115 г. до н.э. построил знаменитую цецилиеву дорогу

⁴² См. данные за эти годы: *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 512–567.

⁴³ *Simmons D.W.* Op. cit. P. 94; *Bicknell P.* Op. cit. P. 338.

⁴⁴ *Harmand L.* Le Patronat sur les collectivités publiques des origines au Bas-Empire. P., 1958. P. 113 ff.; *Badian E.* Foreign Clientelae. Oxf., 1958. P. 296; *Ooteghem J. van Les Caecilii Metelli de la Republique*, Brussels, 1967. P. 11; *Nicols J.* The Caecilii Metelli, „Patroni Siciliae“? // *Historia*. 1981. Bd. 30. Ht. 2. P. 238–240.

⁴⁵ *Morgan M.G.* The Roman Conquest of the Balearic Isles // *California Studies in Classical Antiquity*. 1969. Vol. 2. P. 217.

⁴⁶ *Navarro A.M.P.* Societas Baliarica. Una nueva compania minera romana de Hispania // *Gerion*. 2000. No. 18. P. 293, 297.

⁴⁷ *Ibid.* P. 297, 304.

⁴⁸ *Ibid.* P. 224–225; *Benedict C.H.* The Romans in Southern Gaul // *AJPH*. 1942. Vol. 63. No. 1. P. 41–42.

⁴⁹ *Navarro A.M.P.* Op. cit. P. 230; *Wilson A.J.N.* Emigration from Italy in the Republican Age of Rome. Manchester, 1966. P. 3; *Abbott F.* The Colonizing Policy of the Romans from 123 to 31 B.C. // *CPh*. 1915. Vol. 10. No. 4. P. 371–372.

(*via Caecilia*)⁵⁰, соединяющую центральную Италию с Адриатическим побережьем; ее главным назначением было улучшение торговой инфраструктуры⁵¹.

Наконец, не без поддержки всадников, в 110 г. до н.э. главнокомандующим в войне против Югурты был избран наиболее способный и опытный в военном деле Метелл из семейства Кальвов⁵². Война затрагивала непосредственные интересы негодаторов и торговцев, принося им колоссальные убытки (Sall. *Bl.* 47; 65.4). Всадники обеспечили Метелла головами в центуриатных комициях, где они обладали наибольшим влиянием⁵³. Они же помогли продлить ему полномочия проконсула ещё на один год⁵⁴.

Хорошим подтверждением союза Метеллов с всадниками, являются и их контакты с Гаем Марием, который не только происходил из этой среды, но и являлся выразителем ее интересов⁵⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что Метеллы не являлись консервативным кланом, и понятие *factio Metelli* носит скорее эфемерное, нежели конкретное значение⁵⁶. С политической точки зрения, Метеллы, скорее, разделяли позиции «партии центра», но, в отличие от неё, они не проявляли реформаторского энтузиазма, а использовали её методы для укрепления

⁵⁰ *Hinrichs F.T.* Der römische Strassenbau zur Zeit der Gracchen // *Historia*. 1967. Bd. 16. Ht. 2. S. 169.

⁵¹ *Ibid.* P. 170; *Wiseman T.P.* Roman Republican Road-Building // *Papers of the British School at Rome*. 1970. Vol. 38. P. 135–136.

⁵² Sall. *Bl.* 43.1; Flor. I.31.10; Liv. *Per.* 65; Plut. *Mar.* 7.1.

⁵³ *Evans R.J.* Gaius Marius: A Political Biography. Pretoria, 1994. P. 72.

⁵⁴ Sall. *Bl.* 62.10; Liv. *Per.* 66; Eutrop. IV.27.3; Vell. 2.11; Oros. V.16; *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 549.

⁵⁵ *Lintott A.* Op. cit. P. 90; *Shotter D.* Op. cit. P. 30.

⁵⁶ *Luce T.J.* Marius and the Mithridatic Command // *Historia*. 1970. Bd. 19. Ht. 2. P. 177–178.

ния собственных позиций клана⁵⁷. Имея столь мощную социальную базу, богатства, связи и огромное представительство в сенате, Метеллы не опасались социальных потрясений или демократических законов, ослабляющих власть нобилитета⁵⁸.

Закон Гая Мария 119 г. до н.э. ещё больше ограничивал влияние знати не только в судах, но и в центуриатных собраниях, где избирались высшие магистраты⁵⁹. Закон ударял, в первую очередь, по обедневшим нобилиям и тем из них, кто не имел большого числа представителей своей семьи в сенате. Если, к примеру, Метеллы получали высшие посты через два, максимум – три, года, то сын того же Аврелия Котты должность народного трибуна получил только в 103 г. до н.э.⁶⁰ Положение таких нобилей делалось нестабильным и при неблагоприятной политической конъюнктуре эти семейства легко могли уйти в забвение подобно семействам Сулл⁶¹ или Катулов⁶².

Известно, что, несмотря на знатность рода, Котты не были богатой семьёй⁶³, во всяком случае, по сенаторским меркам. Показателен брак дочери Котты Аврелии с Секстом Юлием Цезарем⁶⁴, консулом 92 г. до н.э., происходившим также из знатной и обедневшей семьи, которая к тому же длительное время пребывала в безвестности⁶⁵. С политической и финансо-

⁵⁷ *Simmons D.W.* Op. cit. P. 89.

⁵⁸ *Bicknell P.* Op. cit. P. 337–338.

⁵⁹ *Cic. Leg.* III.38.

⁶⁰ *Бэдиан Э.* Указ. соч. С. 169–170.

⁶¹ *Plut. Sul.* 1. Даже если Сулла и не был бедным, «в глазах большинства нобилей он выглядел «деклассированным элементом» (*Короленков А.В., Смыков Е.В.* Сулла. М., 2007. С. 30).

⁶² *Короленков А.В.* Марий и Катул: история взаимоотношений homo novus и vir nobilissimus // АМА. 2009. Вып. 13. С. 215; *Бэдиан Э.* Указ. соч. С. 171–172.

⁶³ *Val. Max.* VI.4.2; 5.4; *Klebs E.* Aurelius (98) // *RE.* 1896. Bd. II. Sp. 2484–2485.

⁶⁴ *Голдсворси А.* Юлий Цезарь. М., 2007. С. 47.

⁶⁵ Там же. С. 45; *Lewin W.* Gaius Julius Caesar. Aufstieg und Fall eines römischen Politikers: Biografie. В., 1990. S. 13; *Бэдиан Э.* Указ. соч. С. 171.

вой точки зрения брак был не очень удачен. Кстати, надо заметить, что из забвения её воскресил Марий, женившись на сестре Секста Юлии в 110 г. до н.э.⁶⁶ Так что Д. Симонс прав, утверждая, что оппозицию нобилей возглавил не Метелл, а именно Котта, чьи политические интересы затрагивал закон⁶⁷. Котта имел и личную неприязнь к Марию. В его глазах арпинат был «человеком Сципиона» и проведённый им закон о судах ещё более ударял по его самолюбию; когда-то Сципион привлёк к суду за лихоимство его отца. Правда, тогда стараниями Квинта Метелла Македонского Котта был оправдан⁶⁸. Теперь история повторялась. Только *lex Maria* затронул уже не одного Котту, а значительную часть нобилитета.

Теперь действия Метелла становятся понятными и вполне объяснимыми. Он с самого начала не вмешивался в конфликт и сразу занял нейтральную позицию. Можно даже выдвинуть предположение, что, помогая Марию получить должность трибуна, Метеллы уже знали о подобном его политическом шаге, так как он являлся их клиентом. Они никогда не стали бы поддерживать Мария, если бы его политика шла вразрез с интересами их клана. Но если посмотреть объективно, то в какой-то мере закон Мария, наоборот, усиливал позиции Метеллов в среде самих нобилей и, как покажет время, это действительно было так. Если взглянуть на консульские фасты в период доминирования клана Метеллов с 123 по 105 гг. до н.э., то мы видим большинство сенаторов-консуляров, так или иначе связанных с ними. Метеллы в этот период играли важную роль в формировании правительства, пытаясь обеспечить в его составе преобладание своих людей⁶⁹. Достаточно упомянуть о

⁶⁶ *Голдсворси А.* Указ. соч. С. 47; *Evans R.J.* Op. cit. P. 60.

⁶⁷ *Simmons D.W.* Op. cit. P. 92.

⁶⁸ *Cic. Brut.* 81; *Mur.* 58; *Font.* 38; *Div. in Caec.* 69.

⁶⁹ *Lintott A.* Op. cit. P. 88.

цензорстве Метелла Далматского (115 г. до н.э.), исключившего из состава сената 32 его члена, десятую часть, что было очень большим числом⁷⁰. Совершенно очевидно, что в первую очередь исключались неугодные с политической точки зрения сенаторы. Закон Мария заставил нобилей ещё более консолидироваться вокруг Метеллов, которые своей влиятельностью притягивали их, словно магнит.

Запрос Коттой мнения Метелла было для Мария предсказуемым шагом. Но у него был один важный козырь, который мог остановить Метелла. Дело в том, что Марий приходился Метеллу клиентом⁷¹, а согласно *mos maiorum*, давать показания против своего клиента для патрона было святотатством⁷². Метелл, таким образом, оказался в деликатном положении: либо стать на сторону Котты, поддержав авторитет консульской власти, либо Мария, выполнив обязанности патрона. Так как консулат являлся цитаделью нобилитета⁷³, Метелл избрал первый вариант; вопрос был делом чести и пасовать перед народным трибуном он не желал. Известно, что даже среди своих политических противников, Метеллы слыли порядочными и честными людьми, как на войне⁷⁴, так и на гражданском поприще⁷⁵. Возможно, что Метелл рассчитывал и на благоразумие Мария, используя тот же приём, что и последний: клиент не пойдёт против своего патрона, и не будет использовать против него силу. У Мария не осталось выбора. Поддержка Метеллом Котты означала срыв проведения законопроекта,

⁷⁰ Cic. Cluent. 119, 121; Liv. Per. 62.

⁷¹ Cataño O.G. *Sila histórico: la carrera política de un nobilis romano*. Barcelona, S/E. S/A. P. 3.

⁷² См. случай с патроном Мария Герением в 116 г. до н.э. (Plut. Mar. 5).

⁷³ Трухина Н.Н. Указ. соч. С. 35.

⁷⁴ Sall. BI. 45.2; Frontin. IV.7.42; Val. Max. III.7.3; *Голдсуорси А.* Во имя Рима. М., 2007. С. 147–148.

⁷⁵ Sall. BI. 43.1; Cic. de off. III.80; Трухина Н.Н. Указ. соч. С. 156.

чего Марий допустить не мог. Вероятно, предпочтение Метеллом обязанностей консула перед обязанностями патрона дало Марию оправдание для аналогичного поступка по отношению к своему патрону, и он приказал арестовать Метелла. Такой неожиданный и жёсткий для Метелла поворот ускорил развязку событий. Консул обратился к остальным трибунам за защитой, но его никто из них не поддержал. Нобилиям пришлось уступить; Метелл избежал ареста, но закон был проведён в народном собрании (Plut. Mar. 4).

Таким образом, Метелл перетерпел личное унижение и оскорбление. И если даже с политической точки зрения он ничего не потерял, то инцидент 119 г. до н.э. наложил глубокий отпечаток на последующие взаимоотношения клана с Марием. Понадобилось десять лет, что бы они были восстановлены⁷⁶. Поэтому на выборы в эдилы Марию пришлось идти одному, без чьей-либо поддержки. И он с треском провалил их⁷⁷.

⁷⁶ *Badian E.* From the Gracchi to Sulla // *Historia*. 1962. Bd. 11. Ht. 2. P. 216; *Bicknell P.* Op. cit. P. 345–346; *Sherwin-White A.N.* Violence in Roman Politics // *JRS*. 1956. Vol. 46. P. 2.

⁷⁷ Plut. Mar. 5; *Wright M.* Op. cit. P. 9.

Е. А. Гуськов (Самара)

ПРЕТОРИАНСКИЕ КОГОРТЫ ПЕРИОДА II ТРИУМВИРАТА

В военной практике древнего Рима очень давно выделился особый – приближенный к военачальнику – корпус, осуществлявший функции его охраны, а в военных условиях являвшийся потенциальной (а порой и реальной) боевой единицей. История подобных подразделений тянется чуть ли не от самого возникновения города вплоть до времени Империи (Liv. 1.15.8; Plut. Rom. 10, 26; Dionys. 2.13.1–3). В этом хронологическом интервале их состав, характер и организация претерпели немало трансформаций, которые, в конечном счете, привели к появлению преторианской гвардии в том виде, в каком она предстает во времена императоров. Никакой резкой границы между императорским и республиканским корпусом когорт претория не было. Давно отмеченное наблюдение, что военная организация Империи стала результатом эволюции вооруженных сил Республики¹, в полной мере относится и к гвардии. Наиболее стремительные изменения приходится на последний век республиканского Рима.

Терминология. В российской научной литературе существует два термина, обозначающих отряды полководческой охраны – преторские и преторианские. Первый из них привычно используется для когорт республиканских военачальников, а вторым обозначают гвардейские подразделения императорского времени. Однако у античных авторов такого разделения нет.

¹ Парфенов В.Н. К оценке военных реформ Августа // АМА. 1990. Вып. 7. С. 66.

Охрана полководца и в Республике, и в Империи чаще всего называется одинаково – *cohors praetoria* (у латинских авторов) или στρατήγις τάξις/σπεῖρα (у греческих)². По этой причине нет строгой необходимости в терминологическом размежевании. Но в целях удобства оно здесь сохраняется, что требует некоторого пояснения в дефиниционном плане.

Можно выделить несколько важных отличий, хотя хронологическую грань между ними провести не так-то просто в виду по большей части эволюционного развития изучаемого института. В республиканский период преторские подразделения отличались частным и непостоянным характером. Их существование продолжалось только до тех пор, пока военачальник, с которым члены такой свиты (*cohors*) были связаны, обладал военными полномочиями и пребывал вне Италии, например, будучи наместником провинции или в качестве «миссионера» с каким-либо государственным поручением (Cic. Verr. 2.1.36; 2.2.30, 34, 66; 3.70, 94). На территории Апеннинского полуострова *cohors praetoria* могла оказаться только в экстраординарных случаях. Как правило, это происходило тогда, когда здесь же, вопреки запрету республиканской традиции, пребывали легионы; недаром все подобные эпизоды относятся к бурному I в. до н.э. (Sall. Cat. 60.5; 61.3; Fam. 10.30; App. B.C. 3.69; 4.7.26 etc.).

Преторианские же когорты, т.е. подразделения появившейся у Августа преторианской гвардии, функционировали, в отличие от них, на постоянной основе и несли отчетливо военные функции, не всегда видные у первых. Кроме того, во времена Империи изначально «дружеские» связи, присущие *cohors ami-*

² Разумеется, можно упомянуть и другие названия, но они представляют собой не более чем их косвенное обозначение. Например, собирательное *praetoriani* (Tac. Ann. 6.3.1), иногда просто *cohors sua* (Cic. Att. 7.1.6) или *cohors praetoris* (Cic. Q. fr. 1.1.12), а то и вовсе иносказательно: *trecentos iuvenes* (Liv. 29.1.1), а *militibus* (Cic. Att. 13.52.1).

corum praetoria, бесповоротно уступили место координированным и субординированным отношениям военной иерархии. В Ранней империи термин «преторская когорта» вполне применим к свите провинциальных наместников.

Набор в cohors praetoria. Первое, что обращает на себя внимание при изучении этого института в последнее двадцатилетие перед установлением принципата, так это радикальное отличие отбираемого контингента в охрану от характерного состояния в эпоху Империи. Подбор *praetoriani* осуществлялся из военной среды, тогда как, начиная с Августа, в первую очередь стали набирать юношей с «гражданки», т.е. тех, кто был еще совсем неопытен в военном ремесле, и кому предстояла длительная выучка. Этот недостаток боевого умения новобранцев на первых порах во многом был компенсирован регулярным набором, утвердившимся на заре принципата. Благодаря тому, что молодые люди стали ежегодно зачисляться в количестве, более или менее пропорциональном сроку службы, обеспечивалась преемственность штата. Новички получали навыки от своих более опытных товарищей, вошедших в преторий раньше. Есть все основания связывать появление нового принципа набора с реформой 13 г. до н.э., когда гвардейцам был предписан 12-тилетний период рядовой выслуги (Cass. Dio 54.25.5–6). Это означает, что примерно 1/12 от состава корпуса каждый год или 1/6 раз в два года зачислялась на службу на смену уходящим в отставку. Зачисление неопытных тиронов без точного срока службы вызвало бы массу технических трудностей. Вдобавок военный устав Августа не был взят им с потолка, а опирался на вполне сформировавшуюся традицию. В основе 16-тилетнего срока службы легионеров, установленного параллельно с регламентацией подобных ограничений в гвардии, лежало республиканское требование к каждому римскому гражданину совершить 16 годичных походов. Что-то подобное было, возможно, и

в основе 12-тилетней службы *praetoriani*, хотя у нас отсутствуют сведения на этот счет. Данная практика не имела давней истории и сложилась в предшествующие 30–40 лет.

Но в последний век Республики воины в *cohors praetoria* набирались всей массой и все вместе распускались. Преемственной линии между ними не было, не считая ситуативно возникающих исключений. Пока шли активные военные действия между триумвирами и республиканцами, а затем и между членами триумvirата, ведущие военно-политические деятели не могли позволить себе роскоши обзаводиться неопытными телохранителями. Как правило, они окружали себя преданными солдатами, отобранными из числа легионов, доступных на территории подчиненных им провинций³. По крайней мере, сохранилось несколько подобных свидетельств. Например, один из легатов Брута, прибыв на Родос, набрал свою охрану из легионеров, большей частью уже находившихся на острове и, скорее всего, также из тех, что прибыли с ним (App. В.С. 5.2.5). Еще Марий старался привлекать к службе в претории своих отличившихся воинов (Sall. В. Jug. 98.1: *...cum turma sua, quam ex fortissimis magis quam familiarissimis paraverat*)⁴. Из них же в 44 г. до н.э. Марк Антоний набрал собственных телохранителей (App. В.С. 3.5). В конечном счете, это позволило поднять боевое значение *cohors praetoria* и сократить до минимума время ее вовлечения в

³ Лоуренс Кеппи предполагает, что так же, скорее всего, поступали в любое время наместники римских провинций: *Keppie L. The Praetorian Guard before Sejanus // Athenaeum. 1996. Vol. 84. P. 117.*

⁴ По словам Феста, по тому же принципу формировал свою «свиту» еще Сципион Африканский (223 М: *Scipio enim Africanus primus fortissimum quemque delegit, qui ab eo in bello non discederent et cetero militiae vacarent...*). О каком Сципионе идет речь – непонятно, см.: *Mommsen Th. Die Gardetruppen der römischen Republik und der Kaiserzeit // Hermes. 1879. Bd. 14. S. 26* (в пользу Сципиона Эмилиана), *Passerini A. Le coorti pretorie. Roma, 1939. P. 4* (Сципион Старший).

военную практику. По-видимому, изначальный состав такой когорты включал *amici*, клиентов и вольноотпущенников полководца; они требовали основательной подготовки, а потому не могли сразу быть задействованы на войне⁵. Легионеры выглядели с этой точки зрения предпочтительнее, и во время гражданской войны прибегали, в основном, к их услугам. При этом в лишенной войск Италии данные подразделения, соответственно, могли быть набраны из уже демобилизованных воинов (App. V.C. 3.4.13; 40.164-165; 45.184; 52.216). Триумвиры Антоний и Октавиан стремились опереться на расселенных здесь ветеранов Цезаревых легионов⁶, так как каждый из них желал стать лидером партии покойного диктатора: первый был его ближайшим соратником и одним из авторитетных его легатов, а второй – его юридическим наследником (Plut. Ant. 6; 8; App. V.C. 3.28.105[= Plut. Ant. 16]; 40; 42 et pass.). Таким образом, когорта преторских когорт у обоих состояла из легионеров Цезаря.

Это не исключало того, что в них по-прежнему могли быть *amici* и вольноотпущенники. Среди гвардейцев Антония были и его либертины (Plut. Ant. 48; 78), и его «друзья», и часть «друзей» Цезаря (Plut. Ant. 15)⁷. Та же картина, наверное, была и в

⁵ См.: Polyb. 6.31; Suet. Caes. 42.1 (...*qui senatoris filius nisi contubernalis aut comes magistratus peregre proficisceretur*...).

⁶ Keppie L. Op. cit. P. 104; Rankov B. The Praetorian Guard. L., 1994. P. 4.

⁷ Кстати, мало сведений и о том, кто служил в преторской когорте самого Цезаря. Несмотря на то, что все *Commentarii* наполнены описаниями маневров и операций Цезаря в Галлии и Италии, она напрямую не упомянута ни самим Цезарем, ни продолжателями его сочинений (Durry M. Les cohortes prétoriennes. P., 1938. P. 75). Лишь однажды, в 58 г. до н.э., он называет своей *cohors praetoria* X легион, наиболее преданный ему в армии (Caes. B.G. 1.40.15; 42.6=Plut. Caes. 19). Он должен был сопровождать его на переговоры с Ариовистом, и сразу после этого, видимо, опять стал «обычным» легионом (больше нигде он не называется в таком качестве). Если у него уже была преторская когорта, зачем он называл так один из своих легионов? Это означает, либо он не имел такой когорты в начале 50-х гг., либо ее состав был таков, что ее трудно было использовать на

когортах Октавиана. Удельный вес клиентелы в претории неуклонно снижался.

После сражения у мыса Акций преторианцы Антония были распущены победителем и поселены в колонии *Gunugu* в Мавретании (Plin. N.H. 5.20)⁸. Таким же образом Август поступил и со своими телохранителями, разместив их в колонии *Aosta* (Cass. Dio 53.25.5) и заменив молодыми людьми, набравшимися в самой Италии (Tac. Ann. 4.5.5: *Etruria ferme Umbriaque delectae aut vetere Latii et coloniis antiquitus Romanis*)⁹. Этот порядок почти без изменений сохранялся вплоть до правления Септимия Севера, который вернулся к доавгустовой схеме набора – из легионеров (Cass. Dio 74.2.3; Hdt. 2.14.5)¹⁰.

Численность. О количестве и размере этих отрядов невозможно говорить точно из-за отсутствия в том или ином случае конкретных сведений. В источниках либо указывается общее количество человек в охране, либо просто говорится о ее наличии (App. B.C. 3.66-70[=Cic. Fam. 10.30]; 45.184; 52.216; 4.7.26; 5.21.84; 34.137; 59.246; 67.284-68.289 и др.).

полях сражений (Зарциков А.В. Галльское проконсульство Цезаря и римская аристократия // АМА. 2002. Вып. 11. С. 69). В дальнейшем он все же обзавелся настоящей охраной (Cic. Att. 13.52 – дек. 45 г. до н.э.), судя по всему, набранной именно из солдат, поскольку Кассий Дион (42.52–54) свидетельствует, что Цезарь опасался перехода преторианцев на сторону мятежных легионеров; если бы это была типичная *cohors amicorum*, такой угрозы бы не существовало.

⁸ Durry M. Praetoriae cohortes // RE. 1954. Bd. 44. Sp. 1613; *Idem*. Sur une monnaie de Philippes // REA. 1940. T. 42. P. 414; Keppie L. Op. cit. P. 107.

⁹ Durry M. Praetoriae cohortes. Sp. 1626; Mommsen Th. Op. cit. S. 31; Šašel J. Zur Rekrutierung der Prätorianer // Historia. 1972. Bd. 21. S. 474; Rankov B. Op. cit. P. 8.

¹⁰ В течение I–II вв. географическая база рекрутирования почти не менялась. Итальянцы были представлены абсолютным большинством – 86,3 %. Представителей западных и восточных провинций насчитывалось 9,5 и 4,2 %, соответственно. См.: Passerini A. Op. cit. P. 141–189. Марсель Дюрри: 89 и 11 % (Praetoriae cohortes. Sp. 1626).

Насколько можно понять, численность полководческого отряда не была фиксированной и зависела от конкретных обстоятельств: общего количества войск под рукой, возложенных на эту когорту задач, клиентелы военачальника и т.п. Но даже с поправкой на ситуативный характер факт роста преторианских корпусов не вызывает ни малейших сомнений. Три тысячи человек в охране даже не самых заметных полководцев (App. В.С. 5.2.5; ср.: 3.58) резко контрастируют с прежними отрядами в 300–500 человек (Liv. 29.1.1; App. Hisp. 84). Теперь же, встречаются упоминания о когортах в две тысячи воинов (App. В.С. 4.115.479; возможно, Cic. Att. 13.52). Но есть информация и о гораздо меньших отрядах, правда, неизвестного размера. Например, в 35 г. до н.э. Октавиан отправил Антонию *несколько* преторианских когорт общей численностью 2000 чел. (Plut. Ant. 53.2-3; Cass. Dio 49.33.4). Не исключено, что их было две, и тогда каждая имела милиарный состав. Кстати, Аппиан по этому поводу говорит всего об одной тысяче воинов, возможно, по ошибке отразив численность каждой из них (В.С. 5.95.397)¹¹.

Даже эпизод под Филиппами сам по себе, несмотря на его информативность и наличие сопутствующих данных, мало что дает для прояснения этого вопроса, поскольку его отдельные смысловые части можно трактовать по-разному. Осенью 42 г. до

¹¹ О тысячных когортах говорит и Кассий Дион, который – единственный из всех авторов – называет точное число подразделений и общую численность преторианцев – 10 000 чел. в 10 когортах (Cass. Dio 55.24.6), но датирует эту информацию 5 г. н.э. Т. Моммзен и М. Дюрри считали, что здесь допущена ошибка, так как Тацит (Ann. 4.5.3) называет всего девять когорт при преемнике Августа; к тому же эти цифры подозрительно перекликаются со временем самого северовского историка (Mommson Th. Op. cit. S. 30–31; Durry M. Les cohortes prétoriennes. P. 77). На этом основании оба исследователя – кто отчасти, кто целиком – отвергли достоверность данного сообщения Диона. Однако анахронизм в 200 лет кажется чрезмерно огромным, и не логичнее ли предположить, что в Cass. Dio 55.24.6 зафиксирован какой-то момент военно-политической конъюнктуры 30-х гг. I в. до н.э.?

н.э. Октавиан и Антоний оставляют на сверхсрочную службу в претории 8 тыс. ветеранов из их собственной армии, которая только что нанесла поражение республиканским войскам Брута и Кассия¹². Очевидно, что каждый из них получил четыре тысячи воинов¹³. Они были разбиты на отряды и зачислены в полководческие когорты (App. В.С. 5.3.13: σφίσιν ἀποδεξάμενοι διείλοντο καὶ συνελόχισαν ἐς στρατηγίδας τάξεις). В буквальном смысле это означает, что их ввели в состав уже существовавших к тому времени подразделений, увеличив штат каждого.

Возможно и другое истолкование: 8000 воинов были разделены на отряды, которые в равном количестве отошли к императорам, причислившим этих людей каждый к своему преторию, образовав новые преторианские подразделения. Эта версия выглядит более предпочтительной, в первую очередь, с точки зрения их организации. К этому времени у Октавиана их было, как минимум, две: одна сопровождала его под Филиппами¹⁴, вторую в это время Домиций Кальвин переправлял к нему флотом (она погибла при нападении кораблей Брута – Plut. Brut. 47). Численность последней известна – 2000 чел.

¹² Не исключено, что часть из этих ветеранов была зачислена в 49 г. до н.э. (см.: *Keppie L. Op. cit. P. 105*).

¹³ *Парфенов В.Н.* Указ. соч. С. 68. Можно допустить и другой вариант – маловероятный, но все-таки не совсем невозможный: поскольку преторианцы Антония были многочисленнее (см. ниже), то во время «раздела» Октавиан по обоюдному согласию со своим союзником мог получить большую долю людей, соразмерную этой разнице. В целом и общем заметно стремление триумвиров к равенству друг с другом (разумеется, в известном отношении), которое подобным путем было бы достигнуто в конечном результате, а не в самом процессе дележа.

¹⁴ В апреле 43 г. когорта Октавиана погибла в полном составе под Мугиной (Cic. Fam. 10.30; Phil. 8.25; App. В.С. 3.69.282), но на ее место очень быстро была набрана другая; по крайней мере, во время очередного въезда в Рим – теперь в качестве триумвира – его уже сопровождает преторианский отряд (App. В.С. 4.7.26). Возможно, этот отряд был у него и раньше, но в Мутинском сражении не участвовал, находясь с молодым Цезарем.

(App. В.С. 4.115.479). Если предположить, что на Балканах у него был такой же отряд, то в результате всех последовавших событий его *praetorium* должен был утроиться¹⁵. В случае, если все они были равной численности, получается, что у молодого Цезаря появилось три преторианских отряда, всего 6000 чел. Однако предположение об их численном паритете очень ненадежно, ведь когорта, находившаяся при Кальвине, была необычной (за это, наверное, и отмечена Аппианом), а значит, ни общий размер обновленного корпуса, ни число отрядов нам неизвестны, но при любом раскладе его гвардия состояла не менее, чем из 5000 солдат. В Актийской битве на стороне Октавиана сражались пять когорт (Oros. 6.18.9)

Еще меньше определенности с Марком Антонием, который, похоже, и до этого обладал более многочисленной гвардией, чем его тогдашний соратник. Вскоре после убийства Цезаря он прямо в Риме набрал для собственной охраны около 6000 человек, но по предписанию сената был обязан ее сократить до необходимого минимума (App. В.С. 3.5.15). Не приходится сомневаться, что Антоний, пусть и помедлив, все же выполнил сенатское требование, но когда и как, мы не знаем. Таким минимумом, видимо, была одна когорта. Следом встречаются еще два упоминания о создании им преторских когорт неизвестного размера, и оба относятся к 44 г. до н.э. (3.45; 52). К моменту Мутинской войны в его претории было не менее трех подразделе-

¹⁵ Тогда мы получаем когорты в 2 тыс. чел. В принципе, история I в. до н.э. дает нам материал о подобных или похожих отрядах. К примеру, Цезарь называет своей преторской когортой весь X легион (Caes. В.Г. 1.40.15), что даже превышает полученные цифры, а один из легатов «последних республиканцев» располагал на Родосе охраной в 3 тыс. легионеров (App. В.С. 5.2.5). Однако в ситуации с Цезарем это, вне всяких сомнений, было экстренной мерой; недаром он нигде больше не говорит о «преторском статусе» его любимого легиона. То же самое и во втором случае. Таким образом, вытекающие из этого толкования текста расчеты приводят к маловероятным результатам.

ний, одно из которых сильно пострадало в битве с консульскими армиями Гирция и Пансы, включая их преторские когорты и одну когорту Октавиана. Под Филиппами почти наверняка его преторий по численности превосходил гвардию Октавиана, и с присоединением половины из 8000 ветеранов это положение мало изменилось. Его гвардия теперь насчитывала порядка 7–10 тыс. преторианцев, но число отрядов определить нельзя.

Монеты Антония всего лишь говорят, что их было несколько¹⁶. В парфянском походе (36 г. до н.э.) его сопровождали три когорты, но какую-то часть своей гвардии он оставил для охраны Клеопатры (Cass. Dio 50.5.1), или выведя воинов из состава названных частей или же отрядив целую когорту (когорты). В следующем году, благодаря Октавиану, преторий Антония возрос еще на две тысячи человек¹⁷. Вопрос о точных цифрах на данный момент лучше оставить открытым. Но в целом можно не сомневаться, что численность преторианцев у каждого из этих триумвиров уже превышала размер императорской гвардии, например, времени Тиберия (девять когорт по 500 чел.).

Структура. Поначалу такая когорта, скорее всего, еще не имела внутреннего деления на центурии и манипулы и представляла собой почти сплошную массу, разделенную разве что на контубернии. Во главе ее стоял, по всей видимости, центурион, либо таким начальником мог быть сам полководец. С ростом численности штата возникла потребность в более четкой организации. Согласно Аппиану (В.С. 3.40), наспех собранные преторианцы Октавиана в 44 г. до н.э. двигались к Риму под еди-

¹⁶ Sydenham E.A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. № 1222 + fig. 2.

¹⁷ Неизвестна их дальнейшая судьба. В.Н. Парфенов считает, что присланные соперником когорты Антоний распустил (Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 17). Если это действительно было так, тогда необходимо уточнить, что роспуск этих когорт мог произойти только в условиях открытых столкновений между триумвирами; в противном случае такая акция со стороны Антония стала бы «пощечиной» молодому Цезарю.

ным знаменем, поскольку дифференциация на более мелкие структурные единицы просто отсутствовала. Само по себе это шествие плоховооруженных воинов было из ряда вон выходящим и не отражало типичного состояния. С другой стороны, если вспомнить, что размер полководческих отрядов был невелик, вряд ли можно говорить о разветвленной внутренней организации. Слово *cohors* в данном случае обозначает не аналогичную по названию единицу в легионе, состоящую из 6-ти центурий или 3-х манипулов, а просто «сопровождение» полководца. Ее состав и размер зависели во многом от возможностей самого военачальника; по крайней мере, это справедливо в отношении членов II триумvirата. Пока же такие когорты были небольшими и не отличались длительным существованием, не было и острой необходимости в том, чтобы жестко их структурировать. На это, среди прочего, указывает и то обстоятельство, что во втор. пол. 40-х гг. при возросшем числе телохранителей вопросы организации преторских когорт решались по большей части ситуативно, «от момента». Очевидно, что эта проблема даже и не возникла бы при наличии уже существовавшей четкой структуры, автоматически воспроизводившейся при каждом наборе¹⁸.

Первые известия о мерах по их организационному устройству относятся к деятельности Марка Антония. В ходе царивших в Риме беспорядков, последовавших за мартовскими идами 44 г. до н.э., по специальному постановлению сената он обзавелся вооруженной охраной в самой столице, хотя в обычные времена это не допускалось (App. В.С. 3.4). Так как число личных его стражников быстро увеличилось до 6 тыс. чел., то сразу же возникла необходимость упорядочить эту массу. По словам

¹⁸ Дионисий Галикарнасский упоминает о четкой системе управления целеров во времена Ромула (2.13.3), возникшей, конечно же, по причине их постоянной экзистенции.

древнего автора, Антоний определил им «таксиархов из их же среды, чтобы поддерживать должный порядок...» (App. В.С. 3.5.14: ταξιάρχους δ' αὐτοῖς ἐς τὸν πρέποντα κόσμον). Речь идет о том, что набор был произведен из лохагов, т.е. центурионов (...κατέλεγε...οὐκ ἐκ τῶν γινόμενων ὀπλιτῶν..., ἀλλὰ πάντας λοχαγούς). Современные исследователи отвергают информацию александрийского историка о составе этого контингента: все-таки шесть тысяч центурионов – это за пределами всякой вероятности. Даже если принять гипотезу о том, что это были не только действующие, но и бывшие начальники центурий, сомнительно, что и тогда бы набралось столько народу. Основным контингентом были, надо полагать, отличившиеся легионеры¹⁹. Легионные центурионы находились в прямом подчинении трибуна их когорты. Если были выбраны начальники над лохагами, тогда мы сталкиваемся с первым упоминанием о преторианских (или пока еще преторских) трибунах²⁰. В то же время мы сегодня не располагаем сведениями о том, что у Антония в середине 44 г. до н.э. было более одной когорты²¹. Но намек на это содержится в самом цитированном фрагменте. Количество центурий при такой массе было внушительным – порядка 30–60-ти. Не меньшим было и число центурионов (именно в качестве *centurio praetorianus*), которые стали членами его импровизированного «государственного совета», созданного по аналогии совета при штабе военачальника. Однако совет был более узким. Выбор его участников определялся их рангом/званием и личным расположением будущего триумвира. Субординация в их рядах – это косвенный признак присутствия трибунов. Следова-

¹⁹ Brunt P.A. Italian Manpower (225 B.C. – A.D. 14). Oxf., 1971. P. 320.

²⁰ Keppie L. Op. cit. P. 104. Прямые упоминания о них в эпиграфике относятся к концу принципата Августа, а косвенные – к 20-м гг. I в. до н.э., когда встречаются индивидуальные номера когорт.

²¹ Еще две появятся чуть позднее – осенью этого года (см. выше).

тельно, Марк Антоний предпринял попытку распространить структуру легионной когорты и на корпус своих стражников.

Что стало в дальнейшем с этими когортами, сказать нелегко. Может быть, когда ситуация исправилась, они были распущены: пока Антоний не имел триумвирских полномочий, содержать вооруженных телохранителей в Италии, сверх дозволенного сенатом, у него не было права. Возможно, до начала открытых столкновений с молодым Цезарем они были временно демобилизованы. Эти новации использовались спустя два года, после победы триумвиров на Балканах, когда одновременно с пополнением корпуса произошло равномерное распределение воинов, если таковое отсутствовало, по структурным единицам (центуриям, манипулам и когортам) сообразно с их наличным штатом. Некомплектные части были пополнены, а новообразованные приведены в соответствие с ними: все структурные диспропорции были ликвидированы. Очевидно, что обе гвардии – Октавиана и Антония – приняли одинаковую организацию (по образцу того, что было у последнего) и, как следствие, более или менее фиксированную численность, равную предположительно 1000 человек. В общих чертах структура их выглядела теперь следующим образом: когорта делилась на шесть центурий по 160–180 воинов в каждой; последние, в свою очередь, были образованы из 10 контуберниев (по 16–18 чел.). Эта структура восстанавливается, исходя из того факта, что в период Империи преторианская когорта состояла из 6 центурий (Ps.-Nug. De mun. castr. 27), подобно легионной, и совершенно отсутствуют сведения об изменении этого соотношения. В то же время статистический анализ эпиграфических свидетельств показывает, что численность штата когорт несколько раз менялась (возможно, даже трижды). Это означает, что милиарная и квингенарная когорты претория имели одинаковую структуру, возрастал лишь численный состав каждой структурной единицы. В

середине I в. н.э. они были пятисотенными, начиная с Веспасиана – тысячными, а Септимий Север, по-видимому, увеличил их еще на полстолько²². Какое количество воинов входило в стандартный штат при Августе – неизвестно. Наиболее очевидным представляется, что уже основатель принципата включал в них по 500 солдат, по крайней мере, после проведения масштабной демобилизации и военной реформы в 13 г. до н.э. В период же борьбы за власть его преторианские когорты почти наверняка насчитывали не меньше тысячи человек. На это указывает как в общем немалый размер корпуса телохранителей того времени, о чем уже была речь выше, так и возможная интерпретация сведений Диона Кассия (прим. 11).

К рассмотренному выше надо добавить, что только теперь можно говорить о настоящих *преторианских* подразделениях. Насколько можно судить, это были первые полководческие когорты, существовавшие непрерывно, благодаря триумвирским полномочиям своих военных «патронов». Они составили основу будущих императорских преторианских отрядов. По величине структурных единиц эти *cohortes*, скорее всего, еще не были точной копией пятисотенных подразделений времен Юлиев-Клавдиев, каковые возникают, кажется, не раньше массовой демобилизации огромных военных сил, проводившейся основателем принципата всю первую половину его правления.

²² Гуськов Е.А. К вопросу о квингенарном и миллиарном типе преторианских когорт // *Antiquitas iuventae*. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 188–190; Kennedy D.L. Some Observations on the Praetorian Guard // *Ancient Society*. 1978. Vol. 9. P. 285–288.

Л. В. Чернышов (Калуга)

**РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ФЕДЕРАТЫ В IV–V ВВ. Н.Э.:
НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ТЕРМИНАМИ
В ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ**

Позднеантичный период – эпоха изменений, а порой и весьма болезненной ломки традиций и устоев, формировавшихся на протяжении всей истории римского государства. Вместе с тем возникали совершенно новые структуры и институты. В числе таких новых явлений, возникших на исторической арене, представлен институт федератов, сыгравший неоспоримо большую роль для дальнейшего хода римской истории. Специальных работ, посвященных федератам очень немного, а сведения, имеющиеся в исследованиях на смежные темы крайне фрагментарны. Пристальное внимание к изучению вопросов, связанных с институтом федератов было обращено уже в начале XX в.¹, однако, многие вопросы до сих пор остаются слабо освещенными в исторической литературе. К числу таких вопросов относится оплата услуг варварских племен, состоявших на службе у империи. Разрешение этой проблемы помогает не только уяснить данный аспект взаимоотношений между империей и варварами, но и вообще особый статус федератов. Следует сразу оговориться, что проблема рассматривается в хронологическом промежутке IV – нач. V вв., поскольку в последующий период сам статус «федерата» уже имеет другое значение и оформляется в ин-

¹ Одна из первых специальных работ: *Horn H. Foederati: Untersuchungen zur Geschichte ihrer Rechtsstellung im Zeitalter der römischen Republik und des frühen Principats. Inaug. Diss. Frankfurt am Main, 1930.*

ститут, основанный на несколько иных принципах функционирования².

Ряд исследователей, обращавших внимание на особый статус федератов, вместе с тем не придавали значения вопросу оплаты, ограничиваясь указанием на ежегодность выплат, сравнивая их по характеру с солдатским жалованием³. П.Дж. Хизер вообще говорит о том, что выплаты не носили универсального характера ввиду рыхлости самого понятия *foedus*, и каждый из заключаемых договоров преследовал конкретные цели⁴.

С. Вильямс и Г. Фриелл, выводя особенности статуса федератов из статуса летов, говорят, что по сути изменения произошли лишь в сфере политической самостоятельности племен⁵. Т.е. наделение варварских племен землей, деньгами, провиантом имело характер не выплаты жалования или откупа, а преследовало цель создания самостоятельного хозяйственного функционирования племен, с последующим привлечением их к воинской службе.

Пожалуй, наиболее серьезно рассматривала этот вопрос И.Е. Ермолова, хотя и она ограничилась в итоге указанием на традиционность «вознаграждений» в денежной форме, не выделяя их из системы устоявшихся веками инструментов римской внешней политики⁶.

² Подробнее, см.: *Скржинская Е.Ч.* Комментарии // Иордан. О происхождении и деянии гетов. М., 1960. С. 346 и прим. 681.

³ См., напр.: *Goffart W.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul Deacon. Princeton (N.Y.), 1986. P. 74; *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961. S. 476; *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. С. 346.

⁴ *Heather P.J.* Foedera and Foederati of the Fifth Century // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms. L.; N. Y., 2006. P. 242–256.

⁵ *Williams S., Friell G.* Theodosius. The Empire at Bay. L., 1995. P. 76.

⁶ *Ермолова И.Е.* Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 34.

Более внимательное отношение к источникам, сообщающим о выплатах федератам, способно глубже раскрыть их, федератов, особый статус и специфику функционирования. Свидетельства о предоставлении федератам оплаты за службу достаточно широко представлены в исторических источниках. Однако ситуация усложняется тем, что непосредственно развернутая характеристика термина «федерат» появляется лишь у авторов VI в., а авторы IV–V вв. дают информацию о привлечении варваров на военную службу в империю вообще, и лишь косвенно, с известной степенью гипотетичности, можно вычленить сообщения о федератах. Так, например, Аммиан Марцеллин, рассказывая о поселении императором Валентом готов во Фракии, пишет следующее: «Император приказал выдать им временно провиант и землю в пользование» («...*quibus et alimenta pro tempore et subigendos agros tribui statuerat imperator*» – Amm. Marc. XXXI. 4.8). О том же говорит и Иордан касательно заключения Грацианом мира с готами: «но победить их милостью и дарами (провиантом), согласно заключенному договору» («...*sed gratia eos muneribusque victurus, pacemque, victualia illis concedens, cum ipsis inito foedere fecit*» – Iord. Get. 141). Таким образом, первоначально, при поселении варваров на территории империи они получали оплату в натуральной форме, причем и Марцеллин, и Иордан отождествляют эту разовую выплату с подарком, а не непосредственно с оплатой службы. В данном случае можно вполне довериться этим сообщениям, т.е. в отсутствие официоза в отношении к империи, поскольку Иордан, что принимается большинством исследователей, писал свою историю в пользу готов.

Вместе с тем, тот же Иордан заявляет: «Готы, как обычно, лишившись стипендии, пришли в ярость и из друзей стали врагами» («*Gothi, ut adsolet, subtracta sibi stipendia sua aegre ferentes, de amicis effecti sunt inimici*» – Iord. Get. 89). Таким образом, в

данном случае выплата готам приравнивается к солдатскому жалованию – определенно имеется в виду денежная оплата за несение воинской службы. Далее также о гепидах, не требовавших от Рима войны, «но мира и ежегодных пожертвований, будучи мужами предприимчивыми, по дружественному договору» («*nisi pacem et annua sollemnia, ut strenui viri, amica pactione postulaverunt*» – Iord. Get. 264). Т.е. речь идёт о ежегодном подарке, но не указано в денежной ли, либо какой-то иной форме. После продолжает: «до сих пор, племя получает обычный дар от римского императора» («*imperator et usque nunc consuetum donum gens ipsa a Romano suscipit principe*» – Iord. Get. 264). Определяя как «обычный подарок» или «дар», т.е. устоявшаяся форма оплаты, предполагаем, в денежной форме. То же самое Иордан говорит и в другом фрагменте: «[Теодорих] связан дружбой с римлянами и получает ежегодную выплату» («*Romanorumque amicitii iunctum et annua sollemnia consequentem*» – Iord. Get. 270–271). Т.е. Иордан совершенно ясно говорит о том, что федератам выплачивается ежегодная, либо периодическая, плата, имеющая, с одной стороны, статус платы за службу, но, с другой стороны, и статус подарка. По-видимому, всё-таки эта плата осуществлялась в денежной форме, но нельзя исключать и возможности использования, вместе с тем, и других форм. Подтверждение последнему находим у Марцеллина, рассказывающего о поведении послов алеманов: «обычаем установленных постоянных даров, им были переданы в меньшем с прежним количестве и худшего качества, приняв которые, сочли их недостойными и бросили в гнев» («*...certa et praestituta ex more munera praebere deberent, minora et vilia sunt adtributa, quae illi suscepta furenter agentes ut indignissima proiecerunt*» – Amm. Marc. XXVI.5.7).

Также некоторые сведения содержатся у Евсевия. Он сообщает следующее: «Прежние архонты платили скифам дань,

римляне служили варварам ежегодными взносами» (Σκύθαις μὲν γὰρ καὶ δασμοῦς οἱ πρόσθεν ἐτέλουν ἄρχοντες, Ῥωμαῖοί τε βαρβάροις ἐδούλευον εἰσφοραῖς ἐτησίοις – Euseb. Vita Const. IV.5). Под скифами здесь Евсевий, судя по всему, подразумевает готов. Говорит даже о «дани», что, несомненно, является большим преувеличением и объясняется желанием возвеличить деяния Константина, о которых он повествует впоследствии. И, вместе с тем, речь идёт о ежегодных денежных выплатах.

Прокопий Кесарийский сообщает, что выплаты осуществлялись золотом (Proc. Bell. I.19.32; VII.33.10), в качестве жалования за службу (Proc. Bell. VII.10.14), ежегодно (Proc. Bell. VII.34.10; VIII.5.13). Зосим также сообщает о ежегодных выплатах деньгами (Zosim. I.24). О регулярных передачах денег, еды и одежды говорит и Фемистий (Themistius. Oratio. 10).

Таким образом, вполне очевидно, что на первых порах, варварам, поселяемым на территории империи на правах федератов, выплачивалось содержание в натуральной форме, что вполне естественно, поскольку варварам передавались преимущественно заброшенные земли, на поднятие которых требовалось определенное время. Разумеется, провиант в таком случае являлся для варваров жизненно необходимым. По заключению договора, по-видимому, устанавливалась фиксированная как денежная, так и натуральная оплата варварским племенам с определённой периодичностью, преимущественно ежегодно. На этом стоит заострить особое внимание. В VI в., ссылаясь на кодекс Юстиниана и сведения Прокопия Кесарийского, с уверенностью можно говорить о том, что федераты были совершенно четко вписаны в структуру римской армии (Codex Just. IV.65.35.1; Proc. Bell. III.11.3–4), и здесь уже их оплата вполне может рассматриваться как солдатское жалование. В свою очередь, для III–IV вв. у нас имеются сведения об использовании варварских племен под руководством их вождей в военных

операциях (Anon. Vales. V.27), но при этом мы не обладаем сведениями о заключении какого бы ни было договора. Вместе с тем, безусловно, для поддержания лояльности того или иного племени, римским властям приходилось идти на некоторые уступки и, прежде всего, покупать их преданность подношениями и дарами. Смешение терминов о выплатах федератам III–IV вв. в источниках может объясняться, с одной стороны, перенесением более поздних реалий на события исследуемой нами эпохи, с другой стороны, сохранением представлений традиции о римско-варварских взаимоотношениях предыдущих эпох.

Таким образом, нельзя говорить об универсальной системе оплаты, которая одновременно возникла бы вместе с заключением первых договоров в III в. Для III–IV вв. следует рассматривать скорее традиционные дары, которые впоследствии, с увеличением количества племен-федератов и встраиванием их в военную систему империи, постепенно трансформируются непосредственно в воинское жалование, которое и имеет место уже в VI в.

Е. В. Валова (Саратов)

**БОГОРОДИЦА И БОГИНЯ-МАТЬ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ АНТИТЕЗА?**

Животворящее женское начало в природе в течение долгого исторического периода олицетворяли разные богини. Так, в Египте наиболее чтимым женским божеством была Исида, в древнегреческой мифологии это Деметра и ее дочь Персефона, во фригийской мифологии таким божеством выступала Кибела.

В процессе эллинизации происходит очень сложный синтез представлений об Исиде, Деметре и Кибеле. Древнегреческая Деметра почти сливается с древнеегипетской Исидой, а та, в свою очередь, становится почти неотличимой от богини фригийского происхождения – Кибелы. Развиваясь до определенного пика, такие представления синкретизировались в единое божество – Великую Мать. Унификация связана, очевидно, с поиском универсального божества, которое бы давало спасение и воскрешение в будущей жизни. Возникает вопрос: почему именно женского?

Именно культ женских богинь, связанных с плодородием, имел непосредственное отношение к представлениям древних народов о возрождении утраченной жизни. Очевидно, языческий мир, не желая умирать, хотел противопоставить Богородице свою Великую мать, более привычную древним народам. Ведь представления о Богородице формировались в ту эпоху, когда культы античных богинь были еще очень укоренены.

Это наводит на размышления: существует ли связь между Великой матерью богов и Богородицей? Можно ли говорить о заимствовании характеристик? Как соприкасаются мифологиче-

ские представления древних народов о женских богинях и их культах с христианскими текстами о Деве Марии?

Традиционно существуют две точки зрения по данному вопросу. Сторонники одной считают, что соприкосновения нет и быть не может, ведь Дева Мария – это, в первую очередь, историческая личность¹. Что касается второй точки зрения, то здесь утверждается обратное²: мифология женских богинь и христианские представления о Богородице вытекают одно из другого. Поэтому делается вывод, что культ Богородицы неразрывно связан с культом Великой матери богов, как в религиозных представлениях, так и в художественной культуре.

Действительно, на первых этапах становления Церковь пользовалась наследием античного мира. Почти все Святые Отцы использовали в своем богословии весь аппарат античной философии (другого просто не было!). Но, принимая, Церковь очищала и воцерковляла их, наполняя новым содержанием. Христианство взяло из языческого мира все то, что можно назвать «хри-

¹ По данному вопросу см., напр.: Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900–11. Т. 1–12; *Гарнак А., фон.* История догматов // Общая история европейской культуры. СПб., 1911; *Спаский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов. Сергиев Посад, 1914. Т. 1; *Поснов М.Э.* История христианской церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). Брюссель, 1964; *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. М., 1987; *она же.* Первые христиане и Римская империя. М., 2003; *Мень А.В.* История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни. М., 1991. Т. 7; *Флоровский Г.* Восточные отцы IV в. М., 1992; *Ранович А.Б.* Античные критики христианства. М., 1990; *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. М., 1994; *Кассиан (Безобразов), еп.* Христос и первое христианское поколение. М., 1996.

² По данному вопросу см., напр.: *Попова М.А., Вороницын И.П.* История атеизма. М., 1928; *Косидовский З.* Библейские сказания. М., 1978; *он же.* Сказания евангелистов. М., 1978; *Донини А.* У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана). М., 1979; *Тажуризина З.А.* Актуальные вопросы истории атеизма. М., 1979; *Григорьян М.М.* Курс лекций по истории атеизма. М., 1997.

стианством до Христа»³ – рассеянные в дохристианском мире частицы истины. Оно объединило их и приобщило к полноте Откровения. А обращаясь к Откровению, раскрывая суть христианского учения о Троице, Церковь не могла обойти стороной вопрос о Матери сошедшего Бога, объясняя и утверждая Его природу. В связи с этим, возникает другой вопрос: является ли Божия Мать предметом христианского исповедания? В кратком и точном изложении основ христианской веры, «Символе веры», говорится: «Верую во единого Бога Отца...», «...в Господа Иисуса Христа...», «...в Духа Святаго...», «...во единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь», «...чаю воскресения мертвых...». Дева Мария же упоминается в «Символе веры» не как объект веры, а как участница определенных событий, связанных с Сыном Божиим.

Существует несколько неканонических Евангелий о Деве Марии. Это Книга Иосифа плотника, Протоевангелие от Иакова (История Иакова о рождении Марии), Святого Иоанна Богослова сказание об успении Святой Богородицы, Евангелие Никодима. Они раскрывают жизнь Богородицы и ее кротость. В упоминаемых апокрифах Пресвятая Богородица предстает перед нами как «святая, богобоязненная Дева»⁴. А это свидетельствует о ее почитании уже в первые века христианства.

В Священном Писании Пресвятая Богородица именуется лишь Марией. А выражения «Богородица», «Божия Мать», «Приснодева» – возникли исторически. Мы не имеем источников, утверждающих, что данные термины употребляли апостолы, так как это было бы отражено в книгах Нового Завета и ранних апо-

³ «Христианство до Христа» – представления и жизнь во Христе, в Боге, в ожидании Мессии. Это и античные философы, и конечно же ветхозаветные пророки: Илия, Давид, Исаия, праведный Иов.

⁴ Книга апокрифов. Неканонические Евангелия / Книга Иосифа плотника. М., 2007. Гл. 3.

крифах. Можно также предположить, что такая терминология не характерна и для ранней христианской письменности, то есть трудов мужей апостольских⁵. А вот в сочинениях «третьего поколения», у апологетов, таких как Иустин Философ Мученик или Ириной Лионский, эти выражения уже появляются («Бог наш Иисус Христос был во чреве Марии»; «Бог принял плоть от Девы Марии»)⁶. Широкое распространение упомянутые выше выражения получают лишь начиная с IV столетия⁷. «О чудо, воистину удивительное! Дева делается Материю, пребывает Девой, и девство не противоречит Ее материнству, и Ее материнство не вредит Ее девству»⁸, – пишет, в своем сочинении Григорий Нисский. Святитель Кирилл Александрийский также провозглашает: «Кто не исповедует, что Еммануил есть истинный Бог, а потому и Святая Дева – Богородица, ибо Она плотски родила Слово Божие, соделавшееся плотию, – тому да будет анафема»⁹ – отвергая ересь Нестория. Из этого следует, что в дошедших до нас раннехристианских источниках Божией Матери не отводилась та исключительная роль, которую Она играет в позднейшей, святоотеческой письменности, а также в житиях святых и в богослужении. Но из этого не следует, что Ее почитание и материнское предстательство вовсе отсутствовало. Даже Восточные Отцы церкви, говорят нам, как правило, не столько о Ее молитвенном, материн-

⁵ Среди мужей апостольских наиболее известны те проповедники, послания которых дошли до наших дней: епископы Климент Римский, Игнатий Антиохийский (Богоносец), Поликарп Смирнский, Папий Иерапольский.

⁶ Ириной Лионский. Против ересей. 3:21.

⁷ Святитель Афанасий, Преподобный Ефрем Сирий, Святитель Григорий Нисский, Святитель Кирилл Александрийский.

⁸ Григорий Нисский. О девстве. 2 / Творения. М., 1999.

⁹ Кирилл Александрийский. «Слово против нежелающих исповедовать Святую Деву Богородицей» / Творения. М., 2000.

ском предстательстве, сколько о той догматической роли в боговоплощении, которая была ей Богом отведена¹⁰.

Церковный историк Сократ Схоластик пишет, что наименование «Богородица» впервые встречается у Оригена¹¹. Догматически же оно было закреплено III Вселенским Собором. Необходимость догматического признания Богоматеринства была вызвана ересью несториан, которые считали, что Мария родила простого человека Иисуса, в которого потом вселился Бог, и поэтому именовали ее Христородицей. Фактически учение о Богородице имеет христологический характер, так как оно является завершающей частью учения о единстве ипостасей Бога Слова, ставшего плотью. Отрицание учения о Богородице отрицало бы саму идею Боговоплощения, и таким образом, подрывало бы сами основы христианства. Богородица – это нечто большее, чем имя или хвалебное величание.

В почитании Пресвятой Богородицы прослеживается определенная историческая динамика. Существует несколько обоснований исповедания, в связи с утверждением Ее почитания и спорами вокруг Ее персоны.

Вот главнейшие пророчества Божией Матери в Ветхом Завете. Здесь было предсказано, что Матерь Мессии произойдет от рода Давидова (Ис. 11, 1. Иер. 33, 15–27); родит Мессию безмужно и по рождении Его останется Девой (Ис. 7, 14. Иез. 44, 1–14 и многих других); будет украшена всеми добродетелями (Пс. 44 и Песнь Песней); откроет верующим в Сына Ее вход в Царствие Небесное (Пс. 44, 15).

Почитание Божией Матери, к которому мы привыкли, зарождается лишь в IV веке, при Константине Великом, прекратившем гонения на христиан и утвердившим христианскую веру,

¹⁰ Яворский С. Догмат о почитании Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. М., 1887.

¹¹ Сократ Схоластик. Церковная история. VII,32.

а впоследствии и принявшем ее. При Константине строится несколько храмов в честь Пресвятой Богородицы¹². До этого времени храмов, посвященных Деве Марии, не было. Это и не удивительно, ведь в эпоху гонения христиане в лучшем случае молились в базиликах, т.е. в домах и дворцах римских патрициев. Многие из этих базилик впоследствии превратились в христианские храмы, заложив одну из архитектурных форм христианского храма – корабельную. Царица Елена также построила десятки церквей на святой Земле, в местах, где происходили те или иные евангельские события, посвящая им эти храмы¹³. В этом процессе собирания святынь и строительства храмов евангельским событиям она не обошла Божию Матерь. В частности, были освящены храмы в честь имени святой Девы Марии. После этого храмы в честь Богородицы стали строиться по всей империи – и в Риме, и в других городах¹⁴. При наследнике Константина христианство уже было утверждено, как государственная религия всей Римской империи.

Следствием III Вселенского Собора было установление догматического учения о Богородице. Имя «Богородица» подчеркивает, что Рожденный от Марии – не «простой человек», не человеческая личность, а Единородный Сын Божий, Один из Святой Троицы. Это – краеугольный камень христианской веры.

Из всего сказанного следует, что Пресвятая Богородица избрана. Являясь человеком, она имела свой духовный опыт, жила в среде обычных людей, в отличие от языческих богинь, олицетворявших животворящее женское начало, которые являлись ипостасью Великой Матери богов.

Богиня-мать – образ, в котором очень ярко отразились противоречия человеческой религиозности на первых этапах ее

¹² Скабалланович М. История праздника Успения Богородицы. М., 2005. С. 57.

¹³ Сократ Схоластик. Церковная история. I.17.

¹⁴ Там же.

развития. Основная функция Богини-матери, определяющая ее место в мифологической картине мира, несомненно, созидательная: так, Богиня-мать участвует в сотворении Вселенной и создании различных населяющих ее существ¹⁵; она способствует плодородию почвы, покровительствует сексуальной активности как источнику плодovitости животных и людей. В эпоху эллинизма у нее появляется новая важная функция – покровительство культуре, в особенности городам, а также законам и тайным знаниям¹⁶.

Как правило, осуществление культа Богини-матери сопровождалось чрезвычайно жестокими ритуалами¹⁷. Они осуществлялись в ходе оргий, т.е. особого обряда, смысл которого заключался в полном растворении человека в стихии собственной чувственности, в живом начале, в практически полном отключении сознания.

Противоречивость образа Богини-матери связана со сформировавшимся окончательно в центрах древнейших цивилизаций двойственным взглядом на природу, которая представлялась мифологическому сознанию одновременно и частью созданного богами космоса, и хаосом, окружавшим упорядоченный мир человеческой культуры. Богиня-мать оказывалась, таким образом, и дружественна, и враждебна социальному началу.

В числе особо интересных богинь плодородия выступают упомянутые выше египетская богиня Исида, древнегреческая Деметра и богиня фригийского происхождения Кибела.

¹⁵ Шемякин Я.Г. В поисках смысла. Из истории философии и религии. М., 2003; Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., 2002; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986.

¹⁶ Шемякин Я.Г. В поисках смысла. Из истории философии и религии. М., 2003. С. 50.

¹⁷ Там же. С. 51.

Богиня Исида – одна из тех немногочисленных богинь, которые участвовали во всей системе религиозных представлений древнейшего народа. Ее культ поднялся так высоко, что она стала известна не только в Египте, но и во всем Древнем мире, в качестве богини-матери. Она обустроивает вместе с Осирисом созданный мир, многому учит людей. Богиня предстает перед нами как носитель нравственных начал, богиней-женщиной, которая заботится о бого-младенце, участвует в воскрешении мертвых. Она воскрешает своего мужа Осириса (создание мумии, отсюда древнеегипетский обряд бальзамирования, который по представлениям египтян открывает дорогу в потусторонний мир и к новой вечной жизни) и зачинает от него сына, уже тем самым дав ему «вторую жизнь». Так же Исида «умерщвляет и воскрешает» тех, кто посвящен в ее культ. Несомненна заслуга Исиды и уже непосредственно в загробном мире, где она входит в Великую Девятку и помогает Осирису судить представшие души.

Египетскому мифу об Исиде и Осирисе идентичны греческое предание о Деметре и Персефоне и фригийский миф о Кибеле и Аттисе. Деметра и Персефона персонифицируют злаковые культуры, умирающие зимой и возрождающиеся весной. На Элевсинских мистериях разыгрывался миф о Деметре и Персефоне. В представлении рядового грека эти богини были, прежде всего, олицетворениями хлебных злаков. Образ зерна, которое зарывают в землю для того, чтобы оно взошло для новой, высшей жизни, естественно, вызывал в сознании людей аналогию с человеческой судьбой и укреплял в людях надежду на то, что и для человека за гробом, в неизвестном мире, излучающем высшее сияние, начнется лучшая, более счастливая жизнь. Посвящение в Элевсинские мистерии древние рассматривали как ключ к вратам рая.

Фригийская Кибела даровала жизнь и плодородие всему живому на земле, была владычицей животных, властительницей

потустороннего мира. Она выступала персонификацией женского производящего начала в природе. Вселенское материнство богини – ее главнейшая созидательная функция. Разумеется, в этом качестве Кибела легко входила во взаимодействие с целой плеядой женских богинь-матерей, почитавшихся под различными именами во всех уголках античного мира. Аспект вселенского материнства в образе фригийской богини тесно соотнесен с идеей плодородия. Великое божество женской плодородной силы, Кибела, покровительствовала плодородию почвы, скота и людей. В качестве божественной создательницы жизни богиня олицетворяла землю как великое всепорождающее начало. В связи с заботой Кибелы о плодородии почвы, земледельцы обращались к ней с молитвой об увеличении урожая с полей и виноградников. На этом основании происходила контаминация образа фригийской Матери с Деметрой и отождествляемой с ней Исидой.

Все многочисленные отождествления Кибелы с греческими божествами нельзя трактовать в терминах синкретизма. Ситуацию в данном случае наиболее адекватно отражает понятие эллинизации. Сближения фригийской Матери с богинями эллинов – внешние, не вошедшие в образ Кибелы, смысл их в попытке сделать богиню более близкой и понятной. Ритуалы культа Деметры пополнили фригийскую культовую практику. Образ Кибелы обогащается символами, атрибутами и ритуалами, полученными от египетской Исиды.

По представлениям древних народов, спасение и последующее воскресение могло прийти только через богиню-мать, имеющую отношение к мужскому началу (кроме древнегреческой Деметры, которая была связана со своей дочерью Персефой, олицетворявшей семя). Но богини не были совершенны. Они не имели смирения, были слишком тщеславны, чтобы на них можно было бы полностью положиться. Они не могли этому научить и народы, исповедовавшие их культы. Тем более что Рим прини-

мал почти всех богов завоеванных территорий, он полагался на них, не имея помощи от «своих» богов. Одним из следствий этого является готовность античных народов принять новый религиозный персонаж – Деву Марию, пророчества о которой имеются в Ветхом Завете. С ней связываются все надежды на спасение и воскресение. В скором времени именно Ее будут считать проводником в вечную жизнь, и на Нее будут равняться.

Черты внешнего сходства функций Богини-Матери и Богородицы давали возможность предположить, что Богородичное представление и почитание есть лишь переделка античных мифов. На первый взгляд это именно так. Но при тщательном анализе мифологических представлений и мистерий в честь той или иной богини становится ясно, что это вовсе не правильное заключение. В Исиде нет смирения, присущего Богородице, ею руководит коварство, хотя и во имя своего ребенка. Она ждет возмездия для всех, кто чем-либо ее обидел. Исида не знает, что такое прощение.

Богиня Деметра имеет чувство сострадания и терпения. Она не мстит Аиду и не обижается на Зевса за похищение любимой дочери Персефоны. Она лишь тихо скорбит, как это делала и Богородица всю жизнь, зная о грядущей судьбе своего Сына. Но что такое скорбь Деметры? Это вред и зло всему живому на земле и богам в частности (время остановилось, земля не плодоносила, жертвоприношения были прекращены...). Дева Мария же через свою скорбь и жертву своего Сына несет жизнь каждому из нас. Деметра была в первую очередь богиней плодородия и земледелия, олицетворявшей в себе зерно жизни и будущее воскрешение (через семя). Дева Мария же оберегает каждого из нас и дарит воскрешение через своего Сына.

Что касается Великой матери богов Кибелы, отождествлявшейся со всеми женскими богинями, дающими жизнь, она вообще не имеет черт сходства с Богородицей. Ее культ заключал в

себе оргии, которые просто неприменимы к христианству и чистоте Девы Марии.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что некоторые моменты соприкосновения богинь и Богородицы есть, но их слишком мало, чтобы утверждать, что почитание Богоматери пошло от развития мифов и мистерий древних богинь, олицетворявших плодородие.

**АРХЕОЛОГИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ИСТОРИОГРАФИЯ,
РЕЦЕПЦИЯ**

М. И. Венцова (Донецк)

СТРУКТУРА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НЕКРОПОЛЕЙ БОСПОРА

В основе погребального обряда любого общества лежало представление о смерти и посмертном существовании. Осуществление всех ритуально-жертвенных действий над останками умершего преследовало главную цель – благополучный переход его души в царство мертвых, который давал надежду на дальнейшее возрождение, поддержание жизненного круговорота¹. Различные общества по-разному представляли себе этот переход, что вызвано особенностями взгляда на структуру мироздания, взаимосвязь мира живых и мертвых, социальным положением личности умершего и отношением к нему общества. В следствии наблюдается разнообразие погребальных конструкций, категорий инвентаря, которые несли определенную семантическую нагрузку. Выявление значения, которое заключено в каждом конкретном элементе погребения, достаточно сложная задача², представляющая при этом значительный научный интерес, так как позволяет исследовать духовную и материальную культуру, социальное устройство общества, его традиционность и подверженность влиянию, идеологические и ритуальные воззрения.

Погребения, оставленные населением Боспора за почти тысячелетнюю историю, при незначительном количестве письмен-

¹ *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Сакральное поле некрополя // БФ. 2002. Ч. I. С. 162; *Косарев М.Ф.* Мирозренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 38.

² *Семенова В.И.* Археолого-этнографическое моделирование погребального обряда в структурно-семантическом контексте // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. №7. С. 121.

ных и лаконичности эпиграфических свидетельств, являются одним из основных источников для изучения широкого спектра вопросов, связанных с историей региона. Вывод М.И. Ростовцева о греко-варварском взаимодействии, сделанный еще в начале XX века, значительное время направлял внимание ученых на выявление греческих и варварских элементов в погребальном обряде Боспора³.

Были предприняты попытки исследовать погребальный обряд для реконструкции социального устройства общества и определения профессиональной деятельности погребенных по функциональному назначению вещей⁴. При этом наблюдается несколько прямолинейный взгляд на погребальный инвентарь, что не всегда может быть оправдано.

В последние десятилетия наметилась тенденция так называемого ритуально-религиозного направления в исследовании погребальных памятников Боспорского царства, в рамках которого материалы погребений рассматриваются с точки зрения религиозно-мифологических представлений⁵. Рассмотрение данных вопросов внесло некоторые дополнения в существующие схемы интерпретации погребальной обрядности. При всем многообразии научных исследований захоронений Боспора продолжают

³ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 623.; Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные особенности // МИА. 1959. №69. С. 257–295; Масленников А.А. Население Боспорского государства в VII–II вв. до н.э. М., 1981. С. 125.; Греки и варвары Северного Причерноморья в скифское время. СПб., 2005. С. 211–397.

⁴ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 233–297; Morris I. Burial and ancient society. The rise of the Greek city-state. Cambg., 1987; Панайотова К. Поминовения усопших в некрополе Аполлонии Понтийской в м. Калфата // БФ. 2002. Ч. 2. С. 3–8.

⁵ Тульпе И.А. Археология сознания боспорян: к прочтению источников // БФ. 2005. С. 16–21; Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 24.

сохраняться неразрешенные проблемы, которые требуют комплексного подхода с учетом всего накопившегося опыта.

В частности, актуальными остаются вопросы, связанные с интерпретацией вещественных находок в погребениях, которые могут относиться непосредственно к погребенному, принадлежать лицам, совершающим захоронение и тризну, адресоваться богам, душам предков⁶. В процессе трансформации общественных отношений может меняться смысловая нагрузка погребального инвентаря.

Из всего массива погребального инвентаря памятников Боспора можно выделить категорию, которая являлась необходимым элементом обряда. Например, разнообразные сосуды, которые содействовали переходу души в потусторонний мир. Также можно выделить категории погребального инвентаря, которые выступали половозрастной характеристикой, отражали показатели имущественного и социального статуса – украшения, орудия труда, оружие, предметы туалета. Естественно, не во всех случаях можно с уверенностью утверждать о принадлежности некоторых предметов к той или иной категории. Некоторые предметы могут относиться одновременно к разным выделенным группам.

Наиболее массовой категорией погребального инвентаря являются керамические сосуды, погребения с которыми будут объектом исследования. Цель данной работы - определить структуру керамического комплекса некрополей Боспора Киммерийского, установить их общие и частные особенности, проследить динамику изменений на протяжении VI–II вв. до н.э. При этом следует подчеркнуть, что важно не просто проанализировать элементы керамических единиц инвентаря разных регионов Боспора, а рассмотреть их как комплекс, который

⁶ *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. №1. С. 90.

находится в тесной взаимосвязи с конкретным человеком, занимающим определенное место в общественной жизни. Погребения с сосудами в данном случае представляют социальные единицы, анализ которых является начальным этапом изучения греческого общества Боспора.

Для рассмотрения выбраны материалы некрополей Пантикапея, Нимфея, Тузлы VI–II вв. до н.э. Так, Пантикапей – столица государства, некрополь которого сравнительно хорошо изучен и представлен в специальной литературе⁷. Нимфей – один из важных в экономическом и политическом отношении городов Европейского Боспора. Его некрополь изучался продолжительное время, материалы раскопок в значительной мере опубликованы в научных изданиях⁸. Азиатский Боспор представляет некрополь Тузлы, который дает хронологически компактную выборку. Материалы этого памятника также нашли отражение в историко-археологической литературе⁹. Всего источниковедческую базу данной работы составляют 644 погребения, из которых 407 принадлежат Пантикапею, 134 – Нимфею, 103 – Тузле.

Керамические сосуды представляют собой массовый источник, поэтому для максимального извлечения информации оправдано применение статистических и математических мето-

⁷ ИАК. № 1, 2, 9, 17, 25, 30, 35, 47, 56, 60; *Бессонова С.С.* Раскопки некрополя Пантикапея в 1963–1964 гг. // СА. 1969. №1. С. 137–146; *Кунин В.Э., Кунина Н.З.* Курганные погребения пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи // АИБ. 1962. Т. 2. С. 281–289.

⁸ *Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–107; *Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 328; *Соловьев С.Л.* Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб., 2003. С. 60–109.

⁹ ИАК. № 56; *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 64. *Кондрашев А.В.* Комплексные исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // <http://nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=312149>; *он же.* Отчет об исследовании грунтового могильника у мыса Тузла в 2005 г. // Архив ИА РАН; *он же.* Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // СΥΜΒΟΛΑ. 2010. Вып. 1. С. 118–124.

дов, опыт использования которых на данный момент можно оценить как позитивный¹⁰. Получение новых количественных мер позволит выявить новое качество обрядности, а соответственно глубже вникнуть в происходившие исторические процессы.

Формализация и перевод описательной информации в количественную – это первый этап в изучении перед определенной математической обработкой. Именно суммарная характеристика дает возможность получить целостное представление об источнике и вовлечь его в сравнительный анализ. Исходя из поставленных целей работы, была составлена база данных, в которую внесено все разнообразие форм сосудов. Полученные результаты позволили сделать отбор признаков для первичной группировки материала, в основу которой положено функциональное назначение керамических сосудов. В итоге выделены следующие комплексы:

1. Сосуды для хранения жидкости, прежде всего вина и воды. Амфоры, ойнохои, кувшины, гидрии, пелики, которые отнесены к данной категории инвентаря могли использоваться при проведении погребального ритуала омовения покойника, предшествовавшего захоронению, после чего ставились в могилу. Также они могли содержать жидкости в качестве заупокойных даров и жертвоприношений.

2. Сосуды для масел – лекифы, алабастры, арибаллы, алабастриды, бальзамарии, аски, амфориски, которыми могли поль-

¹⁰ Шепко Л.Г., Смирнова Т.В., Смирнова И.Е. Опыт корреляционного анализа некрополей Боспора // Політологічні та історичні дослідження. 2004. №1(19). С. 112–119; Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как исторический источник по политической и военной истории Боспора. Часть I // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 101–151; *они же*. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как исторический источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. 2006. Вып. 10. С. 263–303; Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации // ДБ. 2009. Вып. 13. С. 141–175.

зоваться в процессе подготовки умершего к захоронению, выполняя очистительные обряды. Можно предположить, что сосуд с маслом мог ставиться в могилу для обеспечения покойника теми вещами, которыми он пользовался при жизни.

3. Сосуды для питья – килики, чашки, скифосы, котилы, кубки, которые вероятно использовались для возлияний.

4. Столовая посуда – блюда, блюдечки, солонки, горшки, которые могли употребляться при жертвоприношениях, либо при совершении погребальной тризны.

5. Сосуды неопределенной формы, пожалуй, одна из наиболее сложных категорий среди погребального инвентаря, определить точную морфологию которых не представляется возможным. Это объясняется тем, что значительная часть погребений Боспора раскопаны в XIX–XX веках, когда уровень исследования был на недостаточно высоком уровне развития, не была разработана терминология. Отчеты раскопок того времени не содержат рисунков данных сосудов, которые позволили бы установить их функциональное применение.

В данной работе используются естественные выборки, т.е. сформированные на основании опубликованного материала. Данные представлены как в абсолютных, так и в относительных показателях. Абсолютные показатели характеризуют представительность признака в выборке, относительные - частность (в процентах). Проценты позволяют уравнивать разновеликие выборки, что особенно важно при сравнительном анализе. Кроме того, относительные показатели позволяют в дальнейшем проводить ряд исследовательских процедур.

Также определена норма распределения, характеризующая своеобразие рассматриваемых массивов. Анализу распределения признаков в отдельной выборке помогает тенденция, которая показывает, во сколько раз его встречаемость в выборке отличается от нормы распределения. Сравнение тенденции признака

позволяет провести группировку и дифференциацию их на всеобщие, локальные и частные.

Ко всеобщим признакам относятся те группы керамических сосудов, тенденция признака которых находится в рамках $1,0 \pm 0,2$, что отражает самые общие черты погребального обряда, не зависящие от социальных характеристик индивида. Локальные признаки выступают характерными лишь для части сравниваемых выборок (минимум для двух) и свидетельствуют о поливариантности погребального обряда, зависящей от социальных, идеологических, территориальных факторов. Частные признаки характерны лишь одной выборке и отражают ее индивидуальные черты¹¹.

В рамках VI–II вв. до н.э. есть отдельные исторические этапы, отражающие ход развития Боспорского царства¹². При этом, по имеющемуся археологическому материалу, установить четкую границу периодов в рамках данного хронологического отрезка времени довольно сложно. Обобщая имеющиеся данные, выделены следующие периоды: 1) VI–V вв. до н.э.; 2) последняя треть V– начало IV вв. до н.э.; 3) IV в. до н.э.; 4) конец IV– начало III вв. до н.э.; 5) вторая половина III–II вв. до н.э. Рассмотрение некрополей по этим периодам позволит проследить особенности распределения керамических форм в погребальном обряде в течение разного времени.

Первый период охватывает VI–V вв. до н.э., время освоения греками побережья Черного моря и Боспора Киммерийского. Суммарная характеристика и тенденции признаков по керамическим формам в данное время представлены в таблице 1.

¹¹ Генинг В.Ф., Буянтян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формационно-статистические методы в археологии. Киев, 1990. С. 88–90.

¹² Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы. Автореферат дис. ... докт. ист. наук. М., 1993.

Таблица 1

Суммарная характеристика и тенденция совокупности погребений с керамическими сосудами в VI–V вв. до н.э.

Город		Жид- кость	Масло	Питье	Стол. посуда	Неопред. сосуды	Всего
Пантикапей	Абс.	25	71	23	8	41	110
	%	22,7	64,6	20,9	7,3	37,3	
	Тенд.	0,7	1,2	0,5	0,6	1,9	
Нимфей	Абс.	9	20	10	4	0	38
	%	23,7	52,6	26,3	10,5	0	
	Тенд.	0,8	1,0	0,6	0,8	0	
Тузла	Абс.	23	20	39	11	10	48
	%	47,9	41,7	81,3	22,9	20,8	
	Тенд.	1,5	0,8	1,9	1,7	1,1	
	Норма распр.	31,4	53,0	42,8	13,6	19,4	196

Сравнение некрополей Пантикапея, Нимфея и Тузлы в VI–V вв. до н.э. по погребениям с керамическими сосудами позволяет отнести погребения с сосудами для масла ко всеобщим, показатель тенденции которых составляет 1,2, 1,0, 0,8 соответственно. К локальным признакам принадлежат погребения некрополей Пантикапея и Нимфея с сосудами для жидкости с тенденцией признака 0,7 и 0,8, с сосудами для питья – 0,5 и 0,6, столовой посудой – 0,6 и 0,8, а также погребения с сосудами неопределенной формы с тенденцией 1,9 и 1,1 некрополей Пантикапея и Тузлы. Погребения с сосудами для жидкости, питья и столовой посудой некрополя Тузлы, имеющие тенденцию 1,5, 1,9, 1,7, относятся к частным. Полученные результаты позволяют утверждать, что для всех 3 пунктов в это время распространенным было использование сосудов для масла в качестве погребального инвентаря. Что касается остальных форм керамики, то наблюдается индивидуальность их использования в погребальном обряде.

Второй рассматриваемый период охватывает последнюю треть V– начало IV вв. до н.э. (табл. 2).

Таблица 2

Суммарная характеристика и тенденция совокупности погребений с керамическими сосудами в последней трети V – начале IV вв. до н.э.

Город		Жид- кость	Масло	Питье	Стол. посуда	Неопред. сосуды	Всего
Пантикапей	Абс.	19	63	19	17	26	95
	%	20,0	66,3	20,0	17,9	27,4	
	Тенд.	0,8	1,4	0,5	0,8	1,0	
Нимфей	Абс.	6	15	5	3	2	26
	%	23,1	57,7	19,2	11,5	7,7	
	Тенд.	0,9	1,2	0,5	0,5	0,3	
Тузла	Абс.	6	4	16	8	9	19
	%	31,6	21,1	84,2	42,1	47,4	
	Тенд.	1,3	0,4	2,1	1,8	1,7	
	Норма распр.	24,9	48,4	41,1	23,8	27,5	140

В это время наблюдаются некоторые изменения в использовании керамических сосудов в погребальном обряде в сравнении с предыдущим периодом. Так, не установлено ни одного признака с показателями, которые можно отнести ко всеобщим. Тенденция совокупности погребений с сосудами для жидкости некрополей Пантикапея и Нимфея с показателями 0,8 и 0,9, с сосудами для масла с показателями 1,4 и 1,2, с сосудами для питья с показателями 0,5 и 0,5, а также погребения со столовой посудой этих некрополей с показателями 0,8 и 0,5 относятся к локальным признакам. Погребения с сосудами неопределенной формы с тенденцией признака 1,0 и 1,7 некрополей Пантикапея и Тузлы также относятся к локальным. К частным признакам принадлежат погребения с сосудами для жидкости, масла, питья, со столовой посудой некрополя Тузлы, с показателями 1,3, 0,4, 2,1, 1,8, а также погребения с сосудами неопределенной формы некрополя Нимфея с показателем 0,3. Таким образом, в погребальном обряде последней трети V – начала IV вв. до н.э. некро-

полей Пантикапея, Нимфея и Тузлы установлено отсутствие какой-либо закономерности использования различных керамических сосудов.

К третьему рассматриваемому периоду относятся погребения IV в. до н.э. (табл. 3).

Таблица 3

Суммарная характеристика и тенденция совокупности погребений с керамическими сосудами в IV в. до н.э.

Город		Жид- кость	Масло	Пи- тье	Стол. посуда	Неопр. сосуды	Всего
Пантикапей	Абс.	40	132	25	12	62	151
	%	26,5	87,4	16,6	8,0	41,1	
	Тенд.	0,8	1,3	0,5	0,4	1,0	
Нимфей	Абс.	14	17	7	2	7	34
	%	41,2	50,0	20,6	5,9	20,6	
	Тенд.	1,2	0,8	0,6	0,3	0,5	
Тузла	Абс.	10	17	18	11	18	27
	%	37,0	63,0	66,7	40,7	66,7	
	Тенд.	1,1	0,9	1,9	2,2	1,6	
	Норма распр.	34,9	66,8	34,6	18,2	42,8	212

Материалы рассматриваемых некрополей IV в. до н.э. дают основание отнести погребения с сосудами для жидкости ко всеобщим, тенденция признака которых 0,8, 1,2 и 1,1. Среди локальных признаков можно выделить погребения с сосудами для масла для некрополей Нимфея и Тузлы с тенденцией совокупности 0,8 и 0,9, а также погребения с сосудами для питья (тенденция 0,5 и 0,6), со столовой посудой (тенденция 0,4 и 0,3), с сосудами неопределенной формы (тенденция 1,0 и 0,5) для некрополей Пантикапея и Нимфея. Тенденция совокупности погребений

с сосудами для масла некрополя Пантикапея 1,3, погребений с сосудами для питья 1,9, погребений со столовой посудой 2,2, погребений сосудами неопределенной формы 1,6 некрополя Тузлы позволяет отнести их к частным признакам. Итак, с IV в. до н.э. в погребальном обряде Пантикапея, Нимфея, Тузлы традиционным становится применение сосудов для хранения жидкости, при наличии существенных различий в использовании сосудов для хранения масла, питья, столовой посуды, сосудов неопределенной формы для каждого из рассматриваемых поселений.

Четвертый хронологический период охватывает конец IV – начало III вв. до н.э. (табл. 4)

Таблица 4

Суммарная характеристика и тенденция совокупности погребений с керамическими сосудами в конце IV – начале III вв. до н.э.

Город		Жид- кость	Масло	Питье	Стол. посуда	Неопр. сосуды	Всего
Пантикапей	Абс.	9	5	2	1	16	37
	%	24,3	13,5	5,4	2,7	43,2	
	Тенд.	1,8	1,9	0,2	0,1	0,9	
Нимфей	Абс.	2	1	0	0	0	13
	%	15,4	7,7	0	0	0	
	Тенд.	1,2	1,1	0	0	0	
Тузла	Абс.	2	0	2	4	3	5
	%	40,0	0	40,0	80,0	60,0	
	Тенд.	1,5	0	2,9	2,9	1,7	
	Норма распр.	26,6	7,1	15,1	27,6	34,4	55

В данный период времени наблюдается значительное сокращение количества погребений в некрополях Пантикапея, Нимфея, Тузлы. Установлено, что к всеобщим признакам, которые в одинаковой степени характерны для всех сравниваемых выборок, из категорий керамических форм нельзя отнести ни

одной. К локальным признакам этого времени относятся погребения с сосудами для хранения жидкости с тенденцией признака 0,9 и 0,6, погребения с сосудами для масла с тенденцией признака 1,9 и 1,1 некрополей Пантикапея и Нимфея, погребения с сосудами неопределенной формы некрополей Пантикапея и Тузлы с тенденцией 1,3 и 1,7. К частным относятся погребения с сосудами для хранения жидкости (1,5), питья (2,9), с посудой (2,9) некрополя Тузлы. Отсутствуют погребения с сосудами для хранения масла в некрополе Тузлы, погребения с сосудами для питья, со столовой посудой, сосудами неопределенной формы для некрополя Нимфея. В целом, полученные результаты демонстрируют уникальность каждого из рассматриваемых некрополей в использовании керамических форм в конце IV – начале III вв. до н.э.

К пятому рассматриваемому периоду, относятся погребения второй половины III – II вв. до н.э. (табл. 5).

Таблица 5

Суммарная характеристика и тенденция совокупности погребений с керамическими сосудами во второй половине III – II вв. до н.э.

Город		Жид- кость	Масло	Питье	Стол. посуда	Неопр. сосуды	Всего
Пантикапей	Абс.	3	5	7	2	7	14
	%	21,4	35,7	50,0	14,3	50,0	
	Тенд.	0,7	1,9	1,6	0,8	2,6	
Нимфей	Абс.	6	5	4	2	2	23
	%	26,1	21,7	17,4	8,7	8,7	
	Тенд.	1,0	1,1	0,5	0,5	0,4	
Тузла	Абс.	2	0	1	2	0	4
	%	50,0	0	25,0	50,0	0	
	Тенд.	1,5	0	0,8	1,8	0	
	Норма распр.	32,5	19,1	30,8	24,3	19,6	41

Полученные результаты по погребениям Боспора второй половины III–II вв. до н.э. показывают, что к всеобщим признакам не относится ни одна из рассматриваемых групп. Погребения с сосудами для жидкости с тенденций 0,7 и 0,8, масла с тенденцией признака 1,9 и 1,1, со столовой посудой с показателями тенденции 0,8 и 0,5 некрополей Пантикапея и Нимфея относятся к локальным признакам. К ним же относятся погребения с сосудами для питья в некрополях Нимфея и Тузлы с тенденцией 0,6 и 0,8. Индивидуальные черты, отражают погребения с сосудами для питья, сосудами неопределенной формы некрополя Пантикапея с показателями 1,6 и 2,6, а также погребения с сосудами для жидкости и со столовой посудой с тенденцией признака 1,5 и 1,8 некрополя Тузлы. В данное время наблюдается отсутствие погребений с сосудами для масла и погребений с сосудами неопределенной формы в некрополе Тузлы.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что на протяжении VI–II вв. до н.э. в погребальном обряде боспоряне широко применяли различные керамические сосуды, подразделяя их формы и функции для различных целей. Сравнение некрополей трех населенных пунктов Боспора по функциональному использованию керамических сосудов в погребальном обряде позволяют дифференцировать их по однообразию и разнообразию.

Установлено, что в разные исторические периоды сосуды для масла (VI–V вв. до н.э.), а также сосуды для хранения жидкости (IV в. до н.э.) были общераспространенными категориями инвентаря во всех трех некрополях Боспора Киммерийского. В отношении других категорий керамических сосудов результаты суммарной характеристики и сравнительного анализа тенденции признаков показали существенные переплетения отдельных категорий и их комбинации в отдельных группах выборок.

Наблюдается сходство некрополей Пантикапея и Нимфея:

- по погребениям с сосудами для хранения жидкостей для всего периода VI–II вв. до н.э.;

- по погребениям с сосудами для масла в последней трети V – начале IV вв. до н.э., в конце IV – начале III вв. до н.э., во второй половине III–II вв. до н.э.;

- по погребениям с сосудами для питья в VI–V вв. до н.э., последней трети V – начале IV вв. до н.э., IV в. до н.э.;

- по погребениям со столовой посудой в VI–V вв. до н.э., последней трети V – начале IV вв. до н.э., IV в. до н.э., во второй половине III–II вв. до н.э.,

- по погребениям с сосудами неопределенной формы в IV в. до н.э.

Близкие показатели тенденции прослеживаются между погребениями с сосудами неопределенной формы в VI–V вв. до н.э., последней трети V – начале IV вв. до н.э., конце IV – начале III вв. до н.э. некрополей Пантикапея и Тузлы.

Также наблюдается сходство по погребениям с сосудами для масла в IV в. до н.э. и погребениям с сосудами для питья некрополей Нимфея и Тузлы во второй половине III–II вв. до н.э.

Таким образом, в результате сравнения некрополей Пантикапея, Нимфея и Тузлы по функциональному использованию керамических сосудов в погребальном обряде VI–II вв. до н.э. не был установлен твердо устойчивый набор инвентаря, который греки традиционно использовали в погребальном обряде. Лишь на отдельных этапах развития наблюдается общая для трех некрополей закономерность использования сосудов для хранения масла в VI–V вв. до н.э. и сосудов для хранения жидкости в IV в. до н.э. Отсюда можно предполагать, что для воплощения погребальных идей использовались материальные предметы, которые имелись в наличии. Вариации погребального инвентаря могли зависеть от уровня развития ремесла в отдельных регионах Боспора, торговых связей. Сама цель обряда

же, вероятно, осуществлялась через ритуальные действия, которые совершались во время захоронения.

Проведение дальнейших исследований, предполагающих включение в рассмотрение других признаков, а также анализ встречаемости различных категорий погребального инвентаря, помогут в реконструкции идеологических представлений и позволят сформировать представление о социальной структуре общества.

М. В. Иващенко (Саратов)

**УТОЧНЕНИЕ СПИСКА ИМЁН МАГИСТРАТОВ,
КОНТРОЛИРОВАВШИХ КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
В ГЕРАКЛЕЕ ПОНТИЙСКОЙ**

При исследовании античных памятников, основную массу находок составляют амфоры и их фрагменты. Для археологов и историков они служат не только отличным датированным материалом, но и являются важнейшим источником по изучению античной торговли¹. Ценность этого материала объясняется тем, что в период поздней классики и эллинизма во многих центрах производства вина и оливкового масла существовала практика систематического клеймения амфор.

Среди керамической тары, обнаруженной в Северном Причерноморье, значительную группу составляют амфоры с английскими клеймами. Ещё в двадцатые годы прошлого века Б.Н. Граков предположил, что их производство было налажено в Гераклеи Понтийской. Он же дал первые списки владельцев гончарных мастерских и магистратов, осуществлявших контроль над производством керамической тары. Список последних включал около 50 имён². В дальнейшем гераклеийские клейма неоднократно привлекали внимание, в первую очередь, отечественных исследователей. Изучением этой группы отливок занимался И.Б. Брашинский, которому были известны уже 79

¹ См.: *Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 11 сл.

² *Граков Б.Н.* Англифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. I. С. 183–185.

магистратов³. Следующий по времени список эпонимов был составлен Н.А. Павличенко, в него вошло 69 имён⁴. Относительно недавно, немецкий исследователь Э. Телеага выделил 61 магистрата⁵. На сегодняшний день, наиболее полными являются списки В.И. Каца. В первом по времени выхода насчитывается 91 магистрат⁶, во втором – 92⁷. Большая часть имён эпонимов во всех списках повторяется, но имеются и разночтения. Поэтому, уточнение состава магистратов, является одной из первоочередных задач.

В последнее время исследования в этом направлении проводились Н.А. Павличенко⁸. В первую очередь она предложила исправить чтение имён некоторых магистратов, присутствующих в последнем списке В.И. Каца, а некоторые имена исключить из него.

1. **Athanodōros – Theodōros.** Внимание Н.А. Павличенко привлекла серия из четырёх рельефных клейм, оттиснутых одним штампом, с ретроградной легендой [- - -] / ΟΔΡΟ/ ΕΥΚΛΕ / ΩΝΟΣ (Рис. 1-1). В них надёжно восстанавливается имя раннего фабриканта Eukleōnos, находящееся в двух нижних строках, а восстановление имени эпонима вызвало разночтения. К сожа-

³ Брашинский И.Б. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // НЭ. 1984. Т. XIV. С. 14. К сожалению, полный список магистратов в работах И.Б. Брашинского отсутствует.

⁴ Pavlichenko N. Les timbres amphoriques d'Heraclee du Pont: bilan et perspectives de recherche // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 18–19.

⁵ Teleaga E. Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6. Jh. – Anfang des 3. Jhs. v. Chr. Diss. Leidorf, 2008. S. 92–95.

⁶ Кас В.И. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. Aarhus, 2003. P. 275–277.

⁷ Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. С. 429–430. Прил. V.

⁸ Павличенко Н.А. Магистрат Коас? // БФ. 2009. С. 286–291; она же. Новые гераклейские магистраты // БФ. 2011. С. 655–656.

лению, во всех оттисках не сохранилась верхняя строка⁹. Первое из этих клейм было опубликовано И.Б. Брашинским. Он восстановил имя магистрата как Theodōros¹⁰. В дальнейшем, С.Ю. Монахов и В.И. Кац предложили иное прочтение имени эпонима, как Athanodōros, выделив его во II A МГ¹¹. Однако, с этим не согласилась Н.А. Павличенко, посчитав, что лучше всего вернуться к восстановлению, ранее предложенному И.Б. Брашинским¹². Решение спора было предложено Н.Ф. Федосеевым: в его картотеке имеется клеймо, выполненное тем же штампом, где отчётливо читается имя Athanodōros.

2. **Коas**. Аналогичное фабрикантское имя, хорошо известно в эпиграфике Гераклеи Понтийской. Эпоним же Коas, впервые был, упомянут в монографии С.Ю. Монахова. Им была опубликована целая амфора с двойным оттиском англифического клейма, в котором автор восстановил легенду АРГ/ЕI КО (Рис. 1-2)¹³. На этом основании, две последние буквы были приняты за сокращение имени магистрата. С этим согласился В.И. Кац, выделив Коas в I Б МГ¹⁴, но как недавно было доказано Н.А. Павличенко, безосновательно¹⁵. По её мнению, на горле амфоры, был дважды выполнен отпечаток с именем фабриканта Argeios. Поэтому Коas не может считаться магистратом.

⁹ См.: Павличенко Н.А. Новые гераклеийские магистраты... С. 655.

¹⁰ Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 116–117.

¹¹ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов, 1999. С. 260–262, 317; он же. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Саратов; М., 2003. С. 130–131, 319; Кац В.И. Греческие керамические клейма... С. 429. Прил. V.

¹² См.: Павличенко Н.А. Новые гераклеийские магистраты... С. 656.

¹³ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы... С. 209–210.

¹⁴ Кац В.И. Греческие керамические клейма... С. 429. Прил. V.

¹⁵ Павличенко Н.А. Магистрат Коас?... С. 286–291.

3. **Menippos – Phainippos.** Впервые магистрат Menippos, появился в списке В.И. Каца и был отнесён им во II А МГ¹⁶. Однако Н.А. Павличенко с этим не согласилась: по её данным, это имя в одну строку, встречается всего один раз, в клейме из Калатиса¹⁷. Поэтому нельзя с уверенностью утверждать является ли оно фабрикантским или магистратским. Так же не исключено, что оттиск, на который ссылается Н.А. Павличенко, был двустрочный, и в нём не сохранилась верхняя строка. Однако известно два клейма из округа Феодосии с легендой по кругу: ΑΡΤΩΝΔΑ[- - -]ΠΠΟΥ (Рис. 1-3), в них издатель восстановил имя Menippos¹⁸. Правда, это восстановление легенды далеко не бесспорно. В этих оттисках хорошо читается имя раннего фабриканта Artōndas, а первые буквы имени магистрата на приложенных протирках не сохранились. Не исключено также, что здесь могло стоять имя магистрата Phainippos, которого нет в списке В.И. Каца, но оно присутствует в однотипных клеймах зафиксированных в IOSPE III¹⁹. Таким образом, несмотря на варианты восстановления начала имени магистрата, его наличие во II А МГ не вызывает сомнения.

4. **Stros – Istros – Syros.** На данный момент известно два клейма с легендой: ΣΤΡΟΥ/ΘΕΥΜ (Рис. 1-4). Несомненно, во второй строке присутствует сокращённое имя хорошо известного фабриканта Theumas, а в верхней – имя магистрата. На первый взгляд последнее должно читаться как Stros, в генитиве. Однако в греческой эпиграфике аналогичное имя вообще неизвестно²⁰.

¹⁶ Кац В.И. Греческие керамические клейма... С. 429. Прил. V.

¹⁷ Павличенко Н.А. Новые гераклеийские магистраты... С. 656.

¹⁸ Гаврилов А.В. Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы по хронологии археологических памятников) // Археологический альманах. 2011. Вып. 24. С. 185. № 11; С. 201. № 14.

¹⁹ IOSPE III. № 449, 593, 594.

²⁰ См.: A Lexicon of Greek Personal Names // Ed. by P.M. Fraser and E. Matthews. Oxf., 1987–2010. Vol. I–V.

Поэтому в своём первом списке В.И. Кац предположил, что резчик пропустил первую букву имени эпонима и его следует читать как *Istros*²¹. В дальнейшем, во втором варианте списка, В.И. Кац посчитал, что резчик ошибочно вырезал вторую букву и восстановил имя магистрата, как *Syros*²². Подобное фабрикантское имя хорошо известно в клеймах на гераклеийской черепице. С данным прочтением согласилась Н.А. Павличенко, однако, предположила и другие варианты: $\Sigma(\alpha)\tau(\acute{\upsilon})\rho\omicron\nu$, $\Sigma\tau\rho\acute{\upsilon}\theta\theta\omicron$, $\Sigma\tau\rho\acute{\upsilon}\theta\lambda\omicron\varsigma$ и т.д.²³ Таким образом, вопрос о правильном восстановлении имени этого магистрата остаётся открытым.

В ходе работы по уточнению списка гераклеийских магистратов, у нас появилась возможность провести его дополнительную корректировку.

1. **Τυ(- -) – *Styphōn***. Выделение магистрата *Τυ(- -)* опирается на единственный экземпляр хорошо сохранившегося прямоугольного клейма, с ретроградной легендой ΠΟΝΤΙ/ ΚΟΣΤΥ (Рис. 1-5)²⁴. В своё время В.И. Кацем было предположено, что в начале надписи стоит имя фабриканта *Pontikos*, в именительном падеже, а *Τυ(- -)* является первым слогом имени раннего эпонима²⁵. Однако возможна и иная интерпретация клейма. Дело в том, что в ранний период гераклеийского клеймения, широкое распространение получила практика написания родительного падежа имён фабрикантов и магистратов в сокращении на (ο), и именно в такой форме было выполнено имя фабриканта. Тогда, три последние буквы можно отнести к началу имени эпонима Π Β ΜΓ – *Styphōn*. Для последнего, сокращение имени до первого слога является обычной практикой: ΔΙΟΝΥ/ ΣΙΟ ΣΤ²⁶; ΗΡΑΚΛ/

²¹ *Кас В.И.* A New Chronology... Р. 276.

²² *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 430. Прил. V.

²³ *Павличенко Н.А.* Новые гераклеийские магистраты... С. 655–656.

²⁴ IOSPE III. № 1058.

²⁵ *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 429. Прил. V.

²⁶ Горгиппия, 1962. Пл. XII-5. Оп. 11. Хранится в Анапском музее (KM 7417/ 9).

ΣΤΥ²⁷; ΠΑΣΙΑΔΑ/ ΣΤΥΦ²⁸. Таким образом, Ту(- -) из списка магистратов должен быть убран.

Также мы предлагаем пополнить список четырьмя новыми именами эпонимов.

1. **Apollodōros**. В 2011 году, при исследовании насыпи под театром в Херсонесе Таврическом, было обнаружено двухстрочное энглифическое клеймо с легендой [. . .] ΙΑΙΟ [.]ΕΠ / [. . .] ΛΛΟΔ (Рис. 2-1)²⁹. В верхней строке оттиска, бесспорно, восстанавливается имя фабриканта *Hístiaios*, а в нижней, наиболее вероятно, сокращённое имя ранее неизвестного эпонима *Apollodōros*³⁰. Так как типологически схожие клейма, выше названного фабриканта, хорошо известны вместе с магистратами V А МГ такими как: *Archippos*, *Themist(- -)*, *Kronios*, *Peisistratos*, то появилось основание выделить, магистрата *Apollodōros* и отнести его к той же хронологической группе.

2. **Euthyrēs**. В IOSPE III зафиксировано два клейма, выполненных разными штампами и содержащие во второй строке имя *Euthyrēs*: ΜΑΛΑΚΩΝ/ ΕΥΘΥΡΡΗΣ и ΣΑΤΥΡΙΣΚΟΣ / ΕΥΘΥΡΡΗΣ (Рис. 2-2)³¹. Так как, в первых строках оттисков присутствуют хорошо известные в керамической эпитафике Гераклеи Понтийской имена фабрикантов *Malakōn* и *Satyriskos*, имеются все основания считать *Euthyrēs* эпонимом и пополнить им магистратский список.

²⁷ IOSPE III. № 833.

²⁸ Горгишия, 1985. Яма 312. Оп. 78. Хранится в Анапском музее (Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы... Табл. 114-3).

²⁹ Выражаю благодарность начальнику отдела научной консервации Национального заповедника «Херсонес Таврический» В.Г. Самойленко, за возможность ознакомиться с материалом.

³⁰ *Ameling W. Prosopographia Heracleotica // Jones L. The Inscriptions of Heraclea Pontica. Bonn, 1994. S. 125.*

³¹ IOSPE III. № 945, 1195.

3. **Ma(- -)**. В корпусе IOSPE III представлено клеймо с легендой ΔΑΟ/ ΜΑ (Рис. 2-3)³². Также, в «Керченском музее», по данным Н.Ф. Федосеева, имеется ещё несколько оттисков выполненных подобным штампом. Первое имя в них, принадлежит хорошо известному фабриканту Daos, который встречается в РФГ. Кроме того недавно издано клеймо из Китея³³, где этот фабрикант присутствует вместе с ранним магистратом Phi(- -), которого В.И. Кац относит к I Б МГ³⁴. На этом основании можно предположить, что Ma(- -) является магистратом, и датируется тем же временем, что и выше названный эпоним.

4. **Sylias**. Известны три клейма, выполненных двумя разными штампами, содержащими имя Sylias в первой строке: ΣΥΛΙΑ/ ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ (Рис. 2-4) и ΣΥΛΙΑ/ ΦΙΔΙ[- -] (Рис. 2-5)³⁵. Первый штамп был известен ещё Б.Н. Гракову, который предположил, что Sylias возможно является эпонимом³⁶. Данное мнение разделил и С.Ю. Монахов³⁷. Для этого имеются определённые основания: в первом штампе, присутствует распространённое имя Dionysios, которое известно и как фабрикантское и как магистратское; поэтому, особого внимания заслуживает второй штамп, где мы встречаем уникальное для гераклеийской керамической эпиграфики имя Phidi[- -]³⁸. Так как, данный эпоним во всех списках отсутствует, то здесь возможно предположить два варианта: либо он является фабрикантом, либо магистратом.

³² IOSPE III. № 667.

³³ Молев Е.А. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь, 2010. С. 274. № 319.

³⁴ Кац В.И. Греческие керамические клейма... С. 429. Прил. V.

³⁵ Клеймо из Нимфея.

³⁶ IOSPE III. № 1109.

³⁷ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... С. 125, 130–131, 320. Табл. 90.

³⁸ Ameling W. Prosopographia Heracleotica... С. 121–168.

Однако на наш взгляд предпочтительным является первый вариант.

Таким образом, список имён гераклейских магистратов с учётом произведённой ревизии, должен быть изменён и дополнен. Из него были удалены два эпонима и добавлены четыре. В связи с появлением нового материала, уточнение списка будет происходить и в дальнейшем. Однако работу в этом направлении можно проводить только, при наличии полного банка данных, в противном случае неизбежно появление ошибок. Так, например, произошло с А.В. Гавриловым. Он выделил девять новых гераклейских магистратских имён отсутствующих во всех списках: Aithōn, Artemōn, Eurydamos, Eurydeos, Lakōn, Syriskos, Philiskos, Artōn, Asikos³⁹. Из них первые семь, это фабриканты, ошибочно принятые автором за магистратов, а два последних имени вообще отсутствуют в эпиграфике Гераклеи и являются плодом неправильного чтения и восстановления легенд в повреждённых клеймах⁴⁰.

³⁹ Гаврилов А.В. Амфорные клейма...С. 75. № 142; С. 99. № 242; С. 307. № 10; С. 238. № 2; С. 89. № 200; С. 251. № 6; С. 104. № 268; С. 106. № 275.

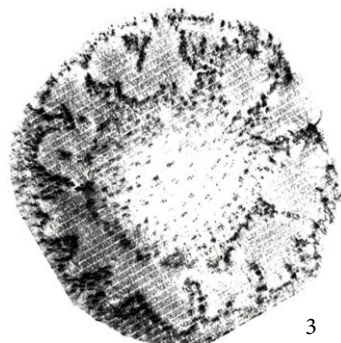
⁴⁰ Ameling W. Prosopographia Heracleotica... S. 121–168.

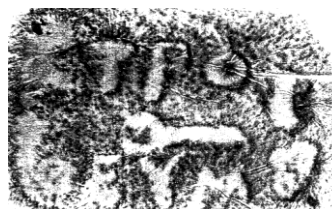
1

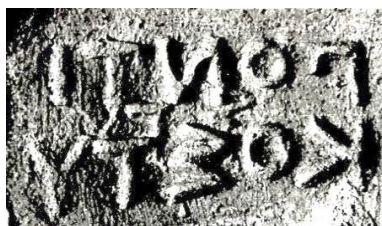
2

3

4

5

Рис. 1. Гераклейские клейма: 1– Athanodōros – Theodōros; 2– Koas;
3– Menirros – Phainirros; 4– Stros – Istros – Syros;
5– Ty(- -) – Styphōn

1

2

3

4

5

Рис. 2. Гераклейские клейма с новыми именами эпонимов:
1– Apollodōros; 2– Euthyrrēs; 3– Ma(- - -); 4-5 – Sylias

Т. Ю. Шашлова (Саратов)

ЛИДИЙСКОЕ ЦАРСТВО И ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА ЮЖНОГО ПОНТА

Как известно, Южное побережье Понта контролировали три крупных греческих полиса: Синопа, Амис и Гераклея. Они не только сами по себе были могущественными, но и распространяли свое влияние дальше по побережью, основывая свои собственные колонии¹. Поскольку время возникновения этих полисов приходится на период до завоевания персами Малой Азии, то нелишним будет проследить развитие их взаимоотношений с предшественницей Персии на этих территориях – Лидийским царством. Город Амис никогда не был подчинен лидийцам, поэтому исследование его истории выходит за рамки данной работы. Синопа если и вошла в орбиту их влияния, то только в последние годы существования Лидии, ну а Гераклея Понтийская была основана непосредственно в подвластной Лидийцам Мариандинии.

Остановимся на этих моментах поподробнее. Рассмотрим в отдельности краткую историю основания этих полисов, а также территориальные пределы Лидийского царства и его политику по отношению к греческим городам как Ионии, так и Понтийского побережья. Цель данной работы – проследить территориальную экспансию Лидийского царства на восток, и выяснить, взаимовлияние с греческими полисами южного побережья Понта, и определить хронологические рамки.

¹ Подробно о колониях Синопы: Xen. Anab. IV.8.22; V.3.2; 5.3, 7, 10; VI.1.15; Diod. XIV.30.3; 31.1; *Максимова М.И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 70–77; *Ruge W.* Sinope // RE. XVIII. 1949. Bd. 4. Sp. 2521 f.

Начать рассмотрение этой темы необходимо несколько издаleка и проследить отдельно историю Лидии, ее территориальные границы и основные направления внешней политики, раннюю историю как Синопы, так и Гераклеи, источники и их интерпретации.

Основными источниками по ранней истории Лидии являются сведения Геродота, Николая Дамасского², заимствовавшего свои данные по ранней, доперсидской Лидии в основном из местного лидийского историка V в. до н.э. Ксанфа. Надежные хронологические указания дают ассирийские и вавилонские источники³.

Сведения же по истории основания Синопы мы берем из псевдо-Скимна (996–997), а также из хроники Евсевия, составленной в начале IV века н.э. и сохранившейся в латинском и армянском переводах.

Итак, начнем с Синопы. Псевдо-Скимн устанавливает три последовательные зоны заселения Синопы греками:

- Автолик, Деилеонт и Флогий
- Хаброн
- Милетские изгнанники Кретин и Кой

Недоверность легенды об основании Синопы Автоликом и его товарищами признается всеми рассматривавшими этот вопрос учеными. Так, М.И. Максимова считает, что в этой легенде отразились пиратские набеги греков в Черное море⁴. А.П. Кулакова объясняет это стремлением Синопы обзавестись собственным героем времени похода аргонавтов⁵.

² *Николай Дамасский*. О своей жизни и своем воспитании // ВДИ. 1960. № 3. С. 232.

³ *Мазетти К.* Вопросы лидийской хронологии // ВДИ. 1978. № 2. С. 175–178.

⁴ *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 41.

⁵ *Кулакова А.П.* О времени основания Синопы // Жебелевские чтения 3. Тез. докл. конф. СПб., 2001. С. 201.

Следующий «основатель» Синопы Хаброн и дата основания им поселения в свое время вызвала много споров. Дело в том, что армянский вариант хроники Евсевия предлагает дату основания г. Трапезунта 757/6 г. А Трапезунт, как известно, был колонией Синопы. Значит, последняя должна была быть основана раньше. Такая датировка основания этих двух колоний порожидала целый ряд проблем. Первая половина VIII века – довольно ранняя дата для выведения колонии вообще, и уж совсем фантастически она выглядит с точки зрения освоения Понта, ведь в тот период преобладало западное направление колонизации, а на востоке греками не была еще освоена даже Пропонтида.

Пытаясь согласовать эти довольно противоречивые сведения, ученые связывали основание Трапезунта с т.н. Синопой-I, поселением, выведенным, согласно псевдо-Скимну, милетцем Хаброном⁶. А.П. Кулакова предположила, что как и Синопа, Трапезунт пережил два основания, и колонией Синопы он был лишь во второй раз⁷. Так же есть гипотеза о том, что Трапезунт 757 года был колонией не Синопы, а Коринфа⁸, что делает более понятной столь раннюю дату его основания. Однако, остался открытым вопрос, как могли быть основаны сразу две колонии на Понте раньше, чем была освоена Пропонтида.

Недавно А.И. Иванчиком был предложен новый вариант трактовки этого чрезвычайно запутанного вопроса⁹. Автором был произведен детальный анализ единственного источника, сообщавшего об основании Трапезунта в 757/6 г. до н.э. – ар-

⁶ Максимова М.И. Указ. соч. С. 41–46.

⁷ Кулакова А.П. Указ. соч. С. 203.

⁸ Drews R. The earliest Greek Settlements on the Black Sea // JHS. 1976. Vol. 96. P. 25–26. Критика этой гипотезы: Hind J. The colonization of Sinope and the south-east Black Sea Area // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тбилиси, 1988. С. 207–223.

⁹ Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. С. 148–152.

мянской версии хроники Евсевия. На основании этого анализа он приходит к выводу, что помещение под 757 г. Трапезунта является результатом редакции и без того поздней рукописи (III в. н.э.) в V веке н.э. в целях устранения нестыковок первоначального варианта хроники. Эта гипотеза представляется довольно обоснованной и логически стройной, а главное – она снимает все противоречия этой проблемы, которые не нашли четкого и вразумительного разрешения в предыдущих работах.

Признание ошибочности датировки основания Трапезунта 757/6 годом позволяет также снять полную хронологическую разорванность (свыше 100 лет) между поселением Хаброна, с которым связывалось основание Трапезунта в 757/6 году и нашествием киммерийцев, от которого, согласно Псевдо-Скимну, погиб этот же самый Хаброн уже в середине VII века.

Дата третьего, последнего основания Синопы одинаково представлена всеми имеющимися источниками и падает на конец третьей четверти VII до н.э. Это было организованное основание нового поселения, выведенного по всем правилам такого мероприятия и по совету дельфийского оракула. Именно эта дата основания Синопы приходится на существование Лидийского царства. В Лидии в это время царствовал сын Гигеса Ардис¹⁰.

Далее, для раскрытия заявленного вопроса необходимо дать краткий обзор лидийской истории на момент основания Синопы (примерно 631 г.), определить ее территориальные границы в это время и основные направления внешней политики.

Исконные лидийские земли тяготеют к западным частям Малой Азии, но при этом Лидия не выходила к побережью, занятому греческими городами. С севера она была ограничена

¹⁰ *Mellink M.* The Lydian Kingdom // САН. 2008. Vol. 3.2. P. 647.; *Мазетти К.* Указ. соч. С. 176.

Мисией, с востока – Фригией, с юга Карией¹¹. Но при этом следует отметить, что границы были неточными.

Территориальную экспансию, как в отношении греческих городов, так и на восток от исконной лидийской области, начал еще Гиг. Николай Дамасский сообщает о походах Гига против Магнесии (fr. 45). По его словам, Гиг часто вторгался в землю магнетян. Геродот (I.15) говорит, что Гигес захватил хору и нижний город Колофона. Также он включил в свои владения всю Троаду и даже разрешил милетянам основать там колонию – Абидос (Strabo XIII.I.22). На востоке территориальная экспансия Гига была не столь успешной: отношения с Фригией были по большей части дружескими и ею управляли местные цари¹². Царство Гигеса постоянно терзали нашествия киммерийцев, в результате чего он был вынужден пойти на союз и признать верховную власть Ассирии, чтобы с помощью ее войска отбить нападение киммерийцев. В ходе одной из стычек с последними Гигес погиб¹³.

Его преемник Ардис продолжил войну с Милетом, завоевал Приенну (Hdt. I.15). В области восточной политики Ардис был вынужден подтвердить союз с Ассирией, чтобы обезопасить свою страну от киммерийцев. Также следует упомянуть, что во время правления Ардиса Лидия еще не представляла собой централизованного государства. Так, два греческих автора, Афинея и Стефан Византийский, а также ассирийская хроника времени Ашшурбанапала помимо Ардиса упоминает еще лидийского царя Адрамитта¹⁴, видимо, имевшего отношение к основанию Адрамиттия.

¹¹ *Mellink M.* Op. cit. P. 643 (со ссылкой на надписи и античную традицию).

¹² *Ibid.* P. 646.

¹³ *Мазетти К.* Указ. соч. С. 176 (со ссылкой на ассирийские хроники Ашшурбанапала).

¹⁴ *Мазетти К.* Указ. соч. С. 176.

Здесь следует вспомнить, что согласно вышерассмотренным источникам Синопа была основана около 631 г до н.э., т.е. во время правления лидийского царя Ардиса. В итоге мы имеем: на момент основания Синопы территория лидийского царства на восток не выходила за пределы исконной области Лидии, ограничиваясь лишь дружественными контактами с Фригией. К тому же с востока Лидии постоянно угрожали киммерийцы и предполагать сколько-нибудь заметную экспансию лидийцев на восток в это время не представляется возможным. Источники, крайне бедные на сообщения об Ардисе, фиксируют его действия только в отношении Милета и Приенны на западе, а в области политики на востоке нам известен лишь его союз с ассирийцами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Синопа была основана не на лидийской территории, а скорее на территории в политическом отношении нейтральной, в области племени пафлагонцев¹⁵.

Правда, Синопа была основана во время активных действий киммерийцев в Малой Азии. Неясно, находились ли киммерийцы непосредственно на территории будущей Синопы или в ее окрестностях, но в прилегающих районах их пребывание фиксируется по ассирийским надписям¹⁶. По всей видимости, в момент возникновения поселения Хаброна¹⁷ киммерийцы на территории будущей Синопы не находились¹⁸, иначе выведение коло-

¹⁵ Страбон сообщает, что «милетяне, узнав о выгодном расположении местности и слабости ее жителей, присвоили ее себе и выслали туда колонию» (XII.3.14).

¹⁶ *Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996. С. 100–132.

¹⁷ По А.И. Иванчику поселение Хаброна и Кретина и Коя отстают друг от друга не более, чем на одно поколение: *Иванчик А.И.* Накануне колонизации... С. 147.

¹⁸ Геродот упоминает, что «киммерийцы заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа» (IV.12). Однако абсолютно неизвестно, к какому времени это сообщение относится.

нии в столь опасный район было бы просто бессмысленным. Но Псевдо-Скимн сообщает, что поселение Хаброна было все же разрушено киммерийцами. Возможно, они пришли туда через несколько лет, после основания поселения. Но, так или иначе, Синопа I была разрушена, и новая колония, основанная по всем правилам, была выведена в конце третьей четверти VII в. до н.э.

Итак, по всей видимости, Синопа не была основана на территории Лидийского царства. В связи с этим, необходимо прояснить вопрос: на какое время приходится распространение власти последнего на территорию Пафлагонии.

Дальнейшая политическая история Лидии характеризуется продолжающимся наступлением на греческие города Западной части Малой Азии, расширением влияния на юг, в Карию, и на восток – во Фригию.

Садиатт (615–610) и Алиатт (610–560) вели войны с Милетом, причем последнему удалось отстоять свою независимость (Hdt. I.19–22). При Алиатте была завоевана Смирна (Hdt. I.16; Nic. Dam. Fr. 73). Алиатт совершал завоевательные походы в Карию (Nic. Dam. Fr. 74). Еще при жизни отца активными действиями в Карию отметился и Крез. Ширятся контакты Лидии с Фригией. Так, в Гордионе был обнаружен клад из 45 лидийских электровых монет¹⁹, что дополнительно свидетельствует о проникновении товарно-денежных отношений во Фригию.

Фактически, Алиатт был первым из лидийских царей, взявшим устойчивый курс на расширение владений на восток. Именно ему традиция приписывает изгнание киммерийцев из Азии. Так сообщают нам Геродот (I.16) и Полиэн (VII.2.1), представляющий независимую от Геродота традицию, восходящую через Николая Дамасского к Ксанфу Лидийскому. Скорее всего, киммерийцы были разгромлены совместными силами

¹⁹ Mellink M. Op. cit. P. 649.

скифов и лидийцев во время правления Алиатта²⁰. С падением киммерийцев прекратила свое существование та мощная сила, которая сдерживала экспансию лидийских царей на восток. Продвижение Алиатта на восток спровоцировало лидо-мидийскую войну 590–585 г. Война отнюдь не была всеобщей, носила характер периодических стычек на востоке, и результатом ее стал мирный договор 585 г., скрепленный династическим браком. По этому договору граница между Лидией и Мидией была установлена по реке Галис, к Лидии отходили территории западнее нее (Hdt. I.74).

Здесь следует сделать оговорку: исконная территория Лидии, а также Фригии, все больше подпадавшей под влияние лидийских царей, находится скорее на территории центральной Малой Азии, области же Пафлагонии и находящейся на ее территории Синопы лежат на «крайнем севере» полуострова. Установление лидо-мидийской границы по Галису в данном случае слишком расплывчато и не может прояснить рассматриваемый вопрос.

По всей видимости, распространение территории Лидийского царства на Пафлагонию и, следовательно, (очень гипотетично) на Синопу относится ко времени Креза (560–547). Геродот говорит, что Крез «был владыкой народов по эту сторону Галиса» (I.6), а в другом месте конкретизирует покоренные Крезом народы: «лидийцы, фригийцы, мисийцы, мариандины, халибы, пафлагонцы, фракийцы в Финии и Вифинии, карийцы, ионяне, дорийцы, эолийцы и памфилы» (I.28). Данное сообщение Геродота – фактически единственный источник, освещающий этот вопрос. И если верить ему, распространение лидийской власти на Пафлагонию и Синопу относится, лишь ко времени Креза, т.е. к середине VI века до н.э.

²⁰ *Иванчик А.И.* Киммерийцы... С. 132.

Следует отметить, что Крез был первым из лидийских царей, предпринявшим экспансию уже непосредственно в Черное море (а не только в проливы и Пропонтиду). Так, Геродот упоминает, что Крез начал войну с Каппадокией в том числе «из-за страсти к земельным приобретениям» (I.73).

Обращает на себя внимание и тот момент, что район Синопы, по-видимому, не представлял интереса для лидийцев. Как уже указывалось выше, вся их политика была обращена к городам Ионии, Троаде и северо-западу Малой Азии. Хотя, пафлагонцы были завоеваны, стратегически этот район во время Креза не был перспективным для него. Одно дело – развитые районы Ионии, Эгейского мира и Балканской Греции, совсем другое – отсталая область неразвитых племен в глубине Понта. На тот момент этот приморский район, скорее всего, не интересовал лидийцев. При этом нельзя не отметить, что Синопа находилась на древнем пути, связывавшем Эгейский мир с Закавказьем и Передней Азией²¹, использовавшемся еще в Хеттское время²². Но никаких данных о том, что лидийцев интересовало восточное направление внешней политики у нас нет. Все интересы и вся политическая деятельность Мермнадов, особенно последнего, концентрируются в Ионии, Троаде, Вифинии, Мариандинии, но никак не на востоке.

Определенное значение имеет и свидетельство Страбона (XII.3.11), что город Синопа «был дважды взят: первый раз Фарнаком, который неожиданно напал на него, а затем Лукуллом и засевшим в городе тираном». Это обстоятельство в сочетании отсутствием какого-либо интереса лидийцев в этом рай-

²¹ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 217; Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 200.

²² Каллистов Д.П., Нейхард А.А., Шифман И.Ш., Шишова И.А. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968. С. 126. Прим. 9.

оне, а также географическая отрезанность Синопы от остальных областей Малой Азии²³ позволяет предположить, что никакого завоевания ее лидийцами и вообще распространение на нее их экспансии не было²⁴.

Что касается Гераклеи Понтийской, то основана она была определенно на лидийской территории. Подробно вопрос о Гераклее и лидийцах рассмотрен И.Е. Суриковым²⁵, поэтому здесь лишь повторим вкратце основные выводы и чуть расширим толкование этого вопроса. Известно, что Гераклея была основана в середине VI века до нашей эры²⁶. В это время Мариандиния, как известно, входила в царство Креза (Hdt. I.28). К тому же, как явствует из Юстина, Гераклея была основана по совету Дельфийского оракула (Just. XVI.3.4–7), а дружественные отношения Креза с последним хорошо известны²⁷, равно как и стремление лидийцев к освоению окраинных территорий и ведению урбанизационной политики. По мнению многих ученых²⁸, лидийцы при помощи греков осваивали окраинные тер-

²³ Максимова М.И. Указ. соч. С. 13 сл. (со ссылками на описания путешественников).

²⁴ Нелишне вспомнить, что Геродот, перечисляя завоеванные Крезом народы, называет пафлагонцев как этнос, а не как административно-территориальную область.

²⁵ Суриков И.Е. Черноморское эхо катастрофы в Сардах // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 47–72.

²⁶ Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 197; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический М., 1986. С. 16; Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 200; Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 12 ff.

²⁷ Специально очень подробно об этом Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 219–255; Суриков И.Е. Указ. соч. С. 60, 67.

²⁸ Свенцицкая И.С. Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ. 1978. № 1. С. 34; Суриков И.Е. Указ. соч. С. 64–68; впервые мысль о том, что Ге-

ритории своей державы, так как сами не имели колониционного опыта. Хорошо известны колониционная политика и активная деятельность Мермнадов именно на северо-западе Малой Азии: Мисия, Троада, Вифиния, Мариандиния. Причины у этого могли быть самые разнообразные: от простого желания прочнее занять эти территории до стремления совершить «скачок через Геллеспонт». Несомненно одно, эти территории активно осваивались не без помощи греков.

Суриков постулирует основание Гераклеи в принадлежащей Лидии Мариандинии как минимум с согласия последнего из Мермнадов²⁹, причем небезосновательно предполагает лояльность гераклейских колонистов лидийскому царю³⁰. Конечно, прямых источников на эту тему у нас нет, но предположение о том, что Гераклея была основана под эгидой или с разрешения Креза представляется весьма вероятным. Особенно в контексте общей политики его как по отношению к греческим городам, так и в плане освоения окраинных территорий.

Правда, общеизвестным является факт о сильной и упорной борьбе гераклеотов с окружающими мариандинами, не пожелавшими принять греческих колонистов. Факт этот свидетельствует о слабости лидийской власти, о том, что племена мариандинов, на деле, Крезу не подчинялись.

Нелишним будет отметить политический статус греческих городов, завоеванных Лидией или основанных на ее территории. Здесь надо сказать, что никакими прямыми источниками мы не обладаем, поэтому приходится прибегать к методу аналогии, осознавая, впрочем, всю его гипотетичность. Город Адрамиттий был основан лидийцами (Strabo XIII.1.65). В то же време-

раклея была основана не без согласия Лидии через посредство Дельфийского оракула была высказана С. Берштайном: *Burstein S.M.* Op. cit. P. 16.

²⁹ Суриков И.Е. Указ. соч. С. 57.

³⁰ Там же. С. 68.

мя, если верить Николаю Дамасскому (Fr. 74), Крез, до восшествия на престол был правителем Адрамиттия. Город Кизик также был основан во времена господства лидийцев в Пропонтиде, а по данным Страбона (XIII.1.17), сначала в их время, а затем и во время персов в окрестностях Кизика был царский охотничий заповедник. Да и Геродот, рассказывая о завоевательной политике Кира, прямо указывает, что ионийские и эолийские города (за исключением Милета) отказались отложиться от Креза и заключить с ним союз (I.141). Когда же Кир захватил Сарды, отправили к нему вестников и изъявили желание подчиниться ему «на тех же условиях, как ранее Крезу».

Политический статус, однако, не менял реального положения вещей и практически никак не ущемлял автономию греческих городов. Случаи вмешательства лидийцев во внутренние дела завоеванных греческих ионийских полисов единичны. Все они собраны в статье И.С. Свенцицкой. Повторим их здесь лишь вкратце. Известен союз Алиатта с милетским тираном Фрасибулом, борьба Креза со своим племянником – эфесским тираном, разрушение Крезом Сидены в Троаде за предоставление убежища тирану Главкию³¹. Фиксируется также лидийское присутствие в Смирне (находки лидийских вещей, лидийское оружие в некрополе и граффити на лидийском языке), Колофоне, Эфесе³². В двух последних городах засвидетельствовано лидийское жречество. Все эти случаи представляют собой единичные эпизоды и касаются только городов Ионии. Других примеров вмешательства лидийцев в дела греческих городов, как завоеванных ими, так и основанных на их территории, нет. Также мы не имеем никаких оснований предполагать ошутимое

³¹ Свенцицкая И.С. Указ. соч. С. 35–36.

³² Там же. С. 31–32. С литературой о результатах археологических раскопок в этих городах.

присутствие лидийцев как в Гераклее Понтийской, так и тем более, в Синопе.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что Гераклея Понтийская была основана на территории Лидийского царства и с согласия последнего. Впрочем, интенсивного взаимодействия между ними не было, и какие-то контакты, если они и были, носили, скорее всего, эпизодический характер. Синопа же была основана в области неразвитого на тот момент племени пафлагонцев, включение же их в территорию Лидии Синопу, скорее всего, не затронуло.

Д. В. Мастридеев (Саратов)

АРХОНТ ГИГИЕНОНТ – НЕИЗВЕСТНЫЙ ДИНАСТ БОСПОРА

Архонт Гигиенонт – одна из наименее изученных политических фигур Боспорского царства, за всю его более чем тысячелетнюю историю. Известия о нем дошли до нас лишь благодаря нескольким монетам и клеймам на черепицах боспорского производства. Кто он был, откуда появился, почему играл главенствующую роль в государстве, почему ушел – неизвестно. Споры вызывает даже время его правления – от III до I вв. до н.э. Часть исследователей, среди которых В.Ф. Гайдукевич¹ относят время его правления к концу III в. до н.э. Е.А. Молев², Н.А. Фролова³ утверждают, что Гигиенонт управлял Боспором во II в. до н.э. В.В. Шкорпил причисляет его к Спартокидам⁴. М.И. Ростовцев и В.Ф. Гайдукевич предполагают, что Гигиенонт вполне мог быть ставленником пантикапейского гражданства в борьбе с тиранией Спартокидов⁵. А некоторые видели в нем даже руководителя боспорцев в восстании против легендарного Митридата Евпатора в 80-е годы I века до н.э.⁶ Нарративные материалы и другие

¹ *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // ИРА-ИМК. 1934. Вып. 104. С. 312, 314.

² *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994. С. 12.

³ *Фролова Н.А.* Каталог монет царей династии Спартокидов II в. до н.э. (Гигиенонта, Спартока, Перисадов) // ВДИ. 2007. № 4. С. 70–113.

⁴ *Шкорпил В.В.* К вопросу о времени правления архонта Гигиенонта // Сборник статей, посвященных графу Бобринскому. СПб., 1911. С. 41.

⁵ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949. С. 78; *Ростовцев М.И.* Эллинистическое и иранское на юге России. Пг., 1918. С. 102.

⁶ *Зубарь В.М., Русяева А.С.* На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 2004. С. 102.

письменные источники об архонте Гиgienонте не найдены. Такие противоречивые оценки времени правления, происхождения и социального статуса Гиgienонта, делают его личность весьма интересной для изучения. Как уже отмечалось выше, памятники эпиграфики и нумизматики – единственные имеющиеся источники об этом правителе. Попробуем проанализировать их.

Итак, эпиграфика, а именно, клейма с его титулом и именем на боспорских черепицах. В.В. Шкорпил в своей статье⁷ отмечал, что «существует два типа клейма Гиgienонта: на больших плоских черепицах читается всегда клеймо меньших размеров (0,053×0,019 м) с двумя закругленными углами, тогда, как на калиптерах отпечатано всегда клеймо с отчетливыми прямыми углами (размеры этого клейма: 0,076×0,025 м), с небольшими изгибами, вдающимися на длинных сторонах в клеймо, вследствие чего средние буквы обеих строк вышли не так ясно, как первые и последние. В начертании букв обоих клейм замечается только одна разница: на клеймах первого типа средняя черта буквы **A** имеет излом, между тем, как на клеймах второго типа она прямая»⁸. Н.Ф. Федосеев предполагает, что различия в штампах объясняется тем, что керамида и калиптеры были изготовлены в разных мастерских⁹. Все клейма этого архонта либо обнаружены как случайные находки, либо были найдены в слоях, которые датируются в весьма широком диапазоне. На данный момент известны находки таких клейм в Пантикапее, Нимфее, в поселке Героевка, в районе церкви Иоанна Предтечи в Керчи и в Загородной Усадьбе близ Мирмекия. Все они датируются приблизительно. В.В. Шкорпилу основой для датировки послужил сосуд типа гидрии, весьма схожий с сосудом из Артюховского кургана; бронзовая монета не самой лучшей сохранности, различное

⁷ Шкорпил В.В. К вопросу... С. 41.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Мнение Н.Ф. Федосеева высказанное в частной беседе.

написание *гаст* альфы (прямая и ломаная), свойственное монетам Пантикапея и Фанагории с Аполлоном и тирсом конца III в. до н.э. М.И. Максимова датирует Артюховский курган 140-125 гг. до н.э.¹⁰ Соответственно датирована ей и гидрия. Д.Б. Шелов монету из могилы датирует концом III в. до н.э. - первой половиной II в. до н.э.¹¹. Монеты же с Аполлоном и тирсом А.Н. Зограф относит к первой половине II в. до н.э.¹². Учитывая изложенное, можно говорить о появлении клейм архонта Гигиенонта примерно в то же время. Другими словами, известные нам эпиграфические источники говорят в пользу архонтства Гигиенонта во II в. до н.э.

Второй источник, подтверждающий реальность Гигиенонта – нумизматика. В настоящее время чеканка Гигиенонта представлена двумя золотыми статерами, двумя серебряными драхмами и одним медным тетрахалком (рисунок). Статеры и драхмы чеканены по аттической системе и в весовом отношении наиболее близки монетам Боспора II в. до н.э. Тетрахалк тоже в весовом отношении наиболее близок монетам второй половины II в. до н.э. и монетам аналогичных номиналов 240–230 гг. до н.э.¹³

Статеры с изображением трезубца и дельфинов, к которым на Боспоре относятся монеты Гигиенонта и Перисадов, были широко распространены в Причерноморье, в том числе и на Боспоре. Причем Ростовцев называет монеты Гигиенонта рабской копией, притом довольно плохой, с золотых статеров Лиси-маха, полководца Александра Македонского¹⁴. Однако сходство со статерами Перисадов, близкий вес и проба металла говорят за то, что выпуск статеров Гигиенонта - явление вполне реальное¹⁵.

¹⁰ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 8.

¹¹ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора. М., 1956. С. 165.

¹² Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. Табл. XIII, 3.

¹³ Молев Е.А. Боспор в период эллинизма... С. 10.

¹⁴ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство... С. 102.

¹⁵ Молев Е.А. Боспор в период эллинизма... С. 11.

Кроме того, обстоятельства обнаружения одного из статеров, он был найден случайно работниками на винограднике в имении князя Голицына «Новый свет» около Судака, по мнению В.А. Анохина, свидетельствуют в пользу ее подлинности¹⁶. Е.А. Молев пишет, что наличие на статерах монограмм монетного двора не позволяет относить его правление ко времени ранее середины второго десятилетия II в. до н.э. К тому же монограмма монетного двора на статерах Гигиенонта совпадает по форме и месту наложения с аналогичной монограммой на статере, который нумизматы единодушно относят к последнему Перисаду. Поэтому есть основания говорить о том, что время правления Гигиенонта было близко к царствованию последнего Перисада. Таким образом, изучение золотых статеров Гигиенонта наводит на мысль о том, что их чеканка возможна во II в. до н.э.¹⁷

Надпись «архонт Гигиенонт» как нельзя лучше перекликается с изображением на золотом статере Афины на троне с копьем, щитом и Никой в правой руке. Новый правитель, вероятно, продемонстрировал этим свою приверженность Афинам и демократии, возродив взгляды ранних династов. Возможно, ему удалось побывать в этом городе и увидеть стоявшие там памятники и декреты своим предкам. Интересно также и то, что на его золотых и серебряных монетах впервые в монетной чеканке Боспора появляется изображение мужской головы без каких-либо украшений. Идеализированный образ с греческой прической и женственными чертами лица не дает полного права считать его реалистическим портретом Гигиенонта. Но, возможно, именно в таком виде представили его резчики монет¹⁸.

Серебряные монеты Гигиенонта, имеют на аверсе изображения мужской головы, а на реверсе всадника с копьем. Сомнений в

¹⁶ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 62.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Зубарь В.М., Русяева А.С. На берегах... С. 114

подлинности они не вызывали. Мужской профиль на них аналогичен изображению на золотом статере, идентична и пара монограмм, что свидетельствует о синхронности серебра и золота¹⁹. Как и при каких обстоятельствах эти драхмы были найдены неизвестно. Это значит, что говорить о датировке этих монет, не принимая в расчет других источников, мы можем только на основании их стилистических особенностей. Из последних некоторые основания для датировки дает написание альфы. Эта буква на драмах имеет ломаную горизонтальную гасту, в отличие от золотых статеров, на которых эта гаста прямая. По мнению Д.Б. Шелова, подобное различие в ее написании впервые наблюдается во II в. до н.э.²⁰. Другими словами, основания для отнесения выпуска серебряных драхм ко II в. до н.э. у нас, пусть и слабые, но имеются.

Что же касается единственного известного медного тетрахака Гигиенонта, то он куплен Императорской археологической комиссией у некоего торговца в 1909 г. Однако, в отличие от статеров и драхм здесь мы видим другой профиль лица. Более того, на монете отсутствуют титул и монограммы, да и само имя Гигиенонта написано в сокращении. Все это в совокупности дало основание Д.Б. Шелову усомниться в принадлежности тетрахака к чеканке Гигиенонта²¹. При этом, сама подлинность монеты сомнения у него не вызывала, поскольку из-за недостатка места на Боспоре и ранее не писали монограммы²² и сокращали имена правителей²³. Обратная сторона монеты – рог изобилия между шапками Диоскуров. Такая эмблема появляется на тетрахаках

¹⁹ Анохин В.А. Монетное дело Боспора... С. 63.

²⁰ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 1956. С. 161.

²¹ Там же. С. 221.

²² Голенко К.В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. 1960. № 2. С. 29.

²³ Анохин В.А. Монетное дело Боспора... С. 141.

Пантикапея, под влиянием монетного дела Понта, в последней четверти II в. до н.э.²⁴. Таким образом, тетрахалки Гиgienонта тоже вполне могли быть выпущены в конце II в. до н.э.

Учитывая все вышесказанное, все имеющиеся у нас свидетельства существования архонта Гиgienонта указывают на то, что жил и правил он на Боспоре во второй половине II в. до н.э.

Но, почему он все-таки именовал себя лишь архонтом? Спартокиды уже с IV в. до н.э. пользовались двучленной титулатурой архонтов и царей. В отношении к подвласным греческим городам они называли себя архонтами («архонт Боспора и Феодосии»), но одновременно именовали себя царями всех входящих в Боспор варварских племен (царь синдов, меотов и т.д.). Архонт в греческих демократических государствах является высшим магистратом, избиравшимся на ограниченный срок. В.Ф. Гайдукевич пишет, что, по видимому, в ранней период жизни боспорских городов, у них действительно были такие выборные должностные лица, облеченные властью по решению общины греческих колонистов. Но с тех пор, как власть в Пантикапее оказалась в руках Архенактидов, демократические основы государственного строя были утрачены, но правители по традиции продолжали именовать себя архонтами. Фактически это были единоличные властители, вполне подходящие под греческое понятие тиранов²⁵. Последние же Спартокиды вообще наделялись только титулом царя даже по отношению к грекам.

Почему же Гиgienонт стал исключением? Смысловое значение имени Гиgienонт – «здравомыслящий, разумный». Не исключено, что по своим этическим принципам, морали, духовным запросам и религиозным взглядам он был истинным эллином, возможным сторонником демократической системы правления.

²⁴ Дундуа Г.Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси, 1987. С. 105.

²⁵ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство... С. 62.

В.М. Зубарь и А.С. Русяева пишут, что поскольку редкие имена в царских семьях давались самым младшим сыновьям, как бы предостерегая их от стремления к захвату власти, то вполне возможно, что Гиgienонт был младшим сыном царя и стал правителем благодаря лишь тому, что его старшие братья рано ушли из жизни²⁶. Но это не объясняет, почему он при этом взял себе лишь титул архонта. Ведь сам факт выпуска золотых монет свидетельствует о всей полноте его власти. Напрашивается вывод, что для принятия царского титула имелось труднопреодолимое препятствие. А.А. Завойкин пишет, что чеканка монеты от имени архонта, наряду с черепичными клеймами, содержащими в легенде его имя и титул, указывают на династический и, возможно, политический кризис на Боспоре позднеспартакидовского времени²⁷. Ю.Г. Виноградов и В.П. Толстиков считали, что Гиgienонт правил около 180 г. до н.э., как «архонт-регент» малолетней царицы Камасарии²⁸. Е.А. Молев в своей монограмме также предполагает, что препятствием служило наличие законного наследника и то, что сам Гиgienонт не принадлежал к царскому роду, по крайней мере по прямой линии²⁹.

История эта все еще покрыта мраком, и не обладая серьезной базой источников предположить что либо наверняка, увы, невозможно. Но версия с регентством кажется вполне правдоподобной. Вероятно, что Гиgienонт был одним из ближайших соратников правителя – Спартокида, возможно полководцем, стратегом. В результате тех или иных событий (времена были беспокойными) басилевс скончался. Предположим, погиб в ре-

²⁶ Зубарь В.М., Русяева А.С. Указ. соч. С. 116.

²⁷ Завойкин А.А. Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II в. до н.э.) // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 2. С. 16.

²⁸ Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Граков: архивные материалы, публикации статьи. М., 1999. С. 283–304.

²⁹ Молев Е.А. Боспор в период эллинизма... С. 22.

зультате попытки дворцового переворота. А Гиgienонт расправился с заговорщиками, и был назначен благодарными боспорянами регентом при несовершеннолетнем наследнике. И до передачи власти подростку Спартокиду довольствовался титулом архонта.

Статер архонта Гиgienонта
II в до н.э. Золото. ГИМ.

П. П. Корнейчук (Саратов)

СКИФСКИЙ ПОХОД ЗОПИРИОНА

События в Северо-Западном Причерноморье, связанные с походом Зопириона, полководца Александра Македонского, остались практически незамеченными для остального античного мира. Поход этот упоминает ряд античных авторов, но их сообщения имеют однотипный характер – они повествуют о гибели полководца и его войска. Поэтому писать на эту тему чрезвычайно сложно, практически ни один связанный с ней вопрос не имеет однозначного решения и трактуется с различных, часто взаимоисключающих точек зрения. На сегодняшний день нет единого мнения ни о дате похода Зопириона, ни о том, против кого он был направлен, ни о мотивах полководца, целях его действий и их соотношении с общеполитической ситуацией того времени.

Вся письменная традиция вопроса фактически исчерпывается:

- 1) сообщением Юстина, пересказывающего не дошедшую до нас работу Помпея Трога (XII.1.4–5; 2. 16–17);
- 2) упоминанием похода у Курция Руфа, автора истории Александра Македонского (X.1.44.);
- 3) небольшим пассажем Амвросия Феодосия Макробия (Sat. I.11.30);
- 4) двумя упоминаниями у Павла Орозия (III.18.1; 18.4).

Первый вопрос, который возникает – кем являлся Зопирион? Его официальное положение не ясно. Бесспорно, что Зопирион – полководец Александра Македонского, являвшийся наместником во Фракии и на Понте. Курций называл его

наместником Фракии (*Thraciae praepositus*) (IV.5.4.), Макробий и Юстин – префектом Понта (*Macr. Sat. I.11. 33; Just. XII.2.16.*), Павел Орозий – префектом Скифии (*Hist. III.18.4.*)

Учитывая тот факт, что все источники относятся к императорскому времени, при интерпретации данного сюжета весьма вероятно адаптация македонских терминов последней трети IV в. до н.э. к римским реалиям, но каких именно терминов – неясно. Македонские владения на Понте ограничивались тогда черноморским побережьем Фракии. «Наместник Понта» и «наместник Фракии», по сути, оказываются тождественны. Здесь есть простор для всевозможных спекуляций. Должность наместника (стратега) во Фракии была учреждена македонским царем Филиппом II. В течение правления Александра по имени нам известны три наместника Фракии. С 336 г. до н.э. её занимали Александр, сын Аэропа (*Arr. I. 25.2*), вскоре, возможно после «Северного похода Александра», заменённый Мемноном (*Diod. XVII.62. 4-6; Curt. IX. 3.21*). Но если эти два лица фигурируют в источниках и помимо их наместничества, до него или после, то о Зопирионе никаких упоминаний больше нет. Поэтому происхождение Зопириона и его роль в администрации Македонии эпохи Александра Великого остаются до конца не выясненными. В этой связи интересным представляется наблюдение Ю.Г. Виноградова и Г.В. Головачёвой: «Наиболее приемлемой нам кажется следующая версия: отсутствие отчества у Зопириона может свидетельствовать в пользу того, что он был личностью, достаточно известной как в самом городе, так и за его пределами. Действительно, твёрдо установлено, что в эллинистических документах, упоминающих имя полководца, его патронимик и этникон сплошь и рядом опускались»¹.

¹ Виноградов Ю.Г., Головачёва Г.В. Новый источник о походе Зопириона // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 23.

Следующая проблема – это дата похода и гибели войска Зопириона. Она определяется в источниках по-разному.

Юстин, изложив события, непосредственно следовавшие за смертью Дария III в 330 г., пишет: «Пока все это происходило (похороны Дария и воинов, погибших во время его преследования, перевозка захваченных сокровищ в Экбатаны. – П.К.), Александру доставили из Македонии письма от Антипатра, в которых сообщалось об исходе войны спартанского царя Агиса в Греции, войны эфирского царя Александра в Италии и войны наместника (praefecti) Зопириона в Скифии»². Таким образом, согласно Юстину, поход Зопириона происходил в то же время, что и гибель Александра Эфирского (Молосского), родственника македонского царя и в чем-то – его конкурента³.

Война спартанского царя Агиса против македонского владычества закончилась его поражением и гибелью в сражении у Мегалополя, оплота Македонии в Аркадии, осенью 331 г. до н.э.⁴

Рассказав об этом, Юстин, переходит к Зопириону: «Пока все это происходило в Италии, Зопирион, поставленный Александром Великим в наместники Понта... пошел войной против скифов...»⁵. На основании синхронизмов, содержащихся в свидетельстве Юстина, ряд исследователей относит и поход назначенного Александром наместника к 331 г. до н.э.⁶

² Just. XII. 1.4. Пер. А.И. Деконского, М.И. Рижского.

³ Just. XII. 2.14; Oros. III. 11.1. С этой датой полной ясности нет – согласно Ливию, смерть настигла царя Эпира около италийского города Пандоссия у реки Ахеронт лишь в 326 г. до н. э. (Liv. VIII. 24.1–17).

⁴ Жебелев С. А. Указ. соч. С. 42, Прим. 1; Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 200; Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э. (II) // ВДИ. 1983. № 1. С. 23.

⁵ Just. II. 3.4; XII. 2.16.

⁶ Goessler. Olbia // RE. 1937. Hbd. 34. Sp. 2422; Дройзен И. История эллинизма. Т. 1. М., 1890. С. 215; Латышев В.В. Исследования об истории и государствен-

Информация Курция Руфа о гибели наместника Фракии (Х.1.44) по времени согласуется с прибытием Александра в Парсагады, обвинением и казнью сатрапа Орсина и Фрадата, и посещением гробницы царя Кира. Важнейшим основанием для датировки похода является утверждение Курция, что царь получил письмо после возвращения из Индии (Х.1.43), незадолго до отправления в Европу приказа всем греческим городам принять обратно своих изгнанников, кроме тех, кто обагрил себя кровью сограждан (Х.2.4–5). Этот приказ был обнародован на Олимпийских играх летом 324 г. до н.э.⁷ Согласно Курцию, разгром Зопириона стал причиной восстания фракийцев во главе с Севтом (Just. XII.1.4; Curt. X.1.45). Таким образом, вторая точка зрения о времени событий относит их к 327–325 гг. до н.э.⁸ У Курция Александр получает письмо Кена о событиях в Европе – это явная ошибка, поскольку ранее сообщалось о его смерти (IX.3.20), и, видимо, как и в сообщении Юстина, послание было от Антипатра. Однако об Александре Эпирском Курций вообще не упоминает, а о смерти Агиса говорится значительно раньше (VI.1.13–15).

Сложилась парадоксальная ситуация: в зарубежной науке наибольшей популярностью пользуется датировка Курция Руфа.

ном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 65; *Жебелев С.А.* Милет и Ольвия // Северное Причерноморье. М., Л., 1953. С. 46; *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 63; *Булатович С.А.* Клад кизикинов из Орловки // ВДИ. 1970. № 2. С. 86; *Смирнов А. П.* Скифы. М., 1966. С. 113.

⁷ Diod. XVII. 109.1. См. также: *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Каллик, сын Евксена (II)... С. 22.

⁸ *Beloch J.* Griechische Geschichte. В., 1925. Bd. IV. Abt. 1. S. 44 f; *Errington R.M.* A History of Macedonia. Berkeley, L.A., 1993. P. 58; *Volkman H.* Zopyrion // Der Kleine Pauly. Muncken, 1979. Bd. 5. Sp. 1559; *Шифман И.Ш.* Александр Македонский. Л., 1988. С. 189 сл.; *Тюленев В.М.* Комментарии // Павел Орозий. История против язычников. СПб., 2001. С 328. Прим. 160. Сюда же можно отнести и работу А.Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль» (М., Л., 1950), где он упоминает гибель Зопириона в связи с восстанием Севта во Фракии (С. 71).

А в отечественной мнения разделились: историки Северного Причерноморья принимают в основном датировку Юстина (331 г.), а исследователи эллинизма – Курция (326-325 гг.). При этом противники поздней даты указывают на то, что она не может быть обоснована ссылкой на связь между гибелью Зопириона и восстанием Севта, поскольку Севт III правил одрисами весь период царствования Александра Македонского, был не прочь избавиться от македонского протектората, и не исключено, что его восстание началось в 331 г. до н.э.⁹ Сложности выбора датировки привели к появлению совсем уж смелых гипотез. Так, А. Сучевану выдвинул версию, что было два похода Зопириона – один против скифов и другой – против гетов; для первого принимается дата Юстина, а для второго – Курция Руфа¹⁰. Были и другие, более экзотические предположения¹¹. Таким образом, вопрос о датировке похода еще далек от своего решения.

Куда и с какой целью был предпринят этот поход? Помпей Трог, Юстин и Курций Руф упроделенно говорят о походе Зопириона на Скифию, однако причину этого не приводят. Правда, в эпитоме, составленной Юстином, говорится следующее: «Зопирион, поставленный Александром Великим в наместники Понта, считая, что если он не совершит никаких подвигов своими силами, то он выкажет себя бездеятельным. Собрал тридцатитысячное войско и пошел войной против скифов. Он погиб вместе со всем своим войском, и тем самым понес кару за войну, которую он опрометчиво начал против народа, ни в чем не повинного» (XII.2.16-17).

⁹ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 44; Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Каллиник, сын Евксена (II)... С. 22.

¹⁰ *Suceveanu Al.* O ipoteze despre Zopirion // SCIV. 1966. XVII.4. P. 635-644.

¹¹ Подробнее об этом см.: Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Каллиник, сын Евксена (II)... С. 21 слл.

Таким образом, историк ссылается на честолюбие, личные амбиции и частную инициативу Зопириона. Однако вряд ли Зопирион мог самостоятельно предпринять столь грандиозный поход. Проблему представлял уже сбор огромного войска в 30 000 человек, лишь немного уступавшего по численности той армии, с которой сам Александр выступил в поход против персов¹². Скорее всего, военное обеспечение похода было осуществлено по непосредственному приказу царя Александра, выделившего средства для его проведения. Как долго по времени Зопирион готовился к походу, также неизвестно. Не исключено, что планы Александра, исполнителем которых должен был стать Зопирион, не ограничивались только завоеванием одной Скифии. Хотя у нас нет прямых доказательств масштабных планов македонского царя, однако всё, что известно о его амбициозном характере, даёт основание предполагать, что последний не мог остановиться на достигнутых завоеваниях. Завоевания были смыслом и целью его жизни.

От версии Курция Руфа и Помпея Трога отличается краткий рассказ Макробия: «Борисфениты, осаждаемые Зопирионом (*obpugnante Zopyrione*), отпустили на волю рабов, дали права гражданства иностранцам, изменили долговые обязательства и таким образом смогли выдержать осаду врага (*hostem*

¹² Правда, скорее всего, эти данные крайне преувеличены. По подсчетам Р. Биллоуза, людские ресурсы Македонии около 330 г. до н. э. составляли около 50 тыс. человек (32600 чел. с Александром в походе и 14 тыс. или несколько больше у Антипатра в Македонии). На момент смерти Александра исследователь, с учетом потерь, считает их за 40 тыс. чел. (*Billows R.A. Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; N.Y.; Köln, 1996. P. 195. Note 27*). В этих подсчетах учитываются все цифровые данные, так что для 30 тыс. Зопириона просто не остается места. Возможно, эта цифра нужна Помпею Трогу для того, чтобы представить успех скифов более масштабным и поставить его в ряд с их древними победами: «Дария, царя персов, они с позором прогнали из Скифии, Кира убили со всем его войском, полководца Александра Великого Зопириона точно так же уничтожили со всей его армией» (Just. II. 3,2-4.)

sustinere potuerunt)»¹³. Так как в источниках борисфенитами порой именуются ольвиополиты¹⁴, сообщение Макробия традиционно связывают с Ольвией. Глагол *oppugnare*, по справедливому замечанию В.П. Яйленко, может иметь два значения: «нападать» на противника, страну и «осаждать, штурмовать, брать приступом» – о городе, укреплении¹⁵. Ранее В.П. Яйленко склонялся к версии об осаде города, теперь он придерживается иного мнения. Поскольку Макробий говорит не о городе, а просто о борисфенитах, Зопирион совершил нападение на скифов-борисфенитов, т.е. кочевников, и потому в этом рассказе не подразумевается осада города. Судя по письменным и археологическим источникам, македонский полководец подверг разорению лишь ольвийскую хору, самого же города ему взять не удалось¹⁶.

Основная причина, которая заставляет сомневаться в реальности осады Ольвии Зопирионом, это то, что небольшой город смог бы отразить нападение 30-тысячного войска¹⁷. Обычно считают, что ольвиополиты сравнительно легко выдержали осаду, возможно, благодаря привлечённым на свою сторону кочевых скифов¹⁸. Был ли с ними заключён специальный договор о военной помощи или же скифы были побуждены к отражению

¹³ Macr. Sat. I.11.33. Пер. В.В. Латышева.

¹⁴ Hdt. IV.53; 78.

¹⁵ Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 250. Прим. 4.

¹⁶ Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в VI–III вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 36.

¹⁷ В.П. Яйленко справедливо указывает, что гораздо более сильный Перинф едва выдержал осаду 30-тысячной армией Филиппа II, и то только благодаря помощи Византия, Хиоса, Родоса, Коса и Персии. В Ольвии же число граждан-воинов было всего 300-400 человек (Яйленко В.П. Ольвия и Боспор... С. 250). При этом проблема неравенства сил Ольвии и Зопириона сохраняется, даже если его войско было в разы меньше.

¹⁸ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 46–47.

именно этого македонского войска, определённо сказать невозможно¹⁹. Однако из слов Макробия следует, что борисфениты обошлись лишь мобилизацией внутренних ресурсов. Помимо этого, Зопирион имел в своём распоряжении флот, а прилегающая к лиману часть ольвийского городища не имела в то время сплошной оборонительной стены, что не давало никаких шансов городу в борьбе с противником²⁰. Наконец, армия Зопириона не могла не оставить разрушений и пожарищ. Следов последних при проведении археологических раскопок обнаружено не было, а разрушенные постройки связаны с коренной перепланировкой и перестройкой города в последней четверти IV – первой четверти III вв., когда город достиг наивысшего благополучия и процветания²¹. Отсутствие каких-либо разрушений как в самой Ольвии, так и на её хоре, показывает, что Зопирион не вёл здесь серьёзных военных операций, возможно – едва начав действия, отступил, напуганный какими-то сообщениями о движущейся армии скифов.

Т.В. Блаватская в свое время утверждала, что Зопирион «погиб со всем своим войском при неудачной осаде Ольвии»²², однако ни один из источников не подтверждает эту догадку²³. Юстин и Павел Орозий, современник Макробия, утверждают, что победителями Зопириона были именно скифы, а не жители

¹⁹ *Русяева А.С., Супруненко А.Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи. Киев, 2003. С. 120.

²⁰ *Яйленко В.П.* Очерки этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н.э. // *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор.* М.; Киев, 2007. С. 93; *Крыжицкий С.Д.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 190.

²¹ *Крыжицкий С.Д.* Ольвия... С. 124; *Яйленко В.П.* Очерки... С. 93.

²² *Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М., 1952. С. 90.

²³ *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 151. Прим. 57.

Ольвии. Но поскольку античные города и их хоры располагались собственно на территории Скифии, то в орбиту завоеваний Александра Македонского входила вообще вся эта огромная территория, включая не только Ольвию, но и Херсонес, а также Боспор. В таком случае, осуществлению этих планов помешали именно кочевые скифы. Еще В.В. Латышев утверждал, что именно благодаря скифам ольвиополиты сумели отстоять свою свободу и независимость²⁴, и этот взгляд получил довольно широкое распространение.

Так где же находится место гибели Зопириона и его армии? На этот вопрос также существует несколько ответов. По свидетельству Курция, Зопирион погиб со всем своим войском во время похода «на гетов» (in Getis) от внезапно налетевшей грозы и бури (на море?) (X.1.43–44). Юстин пишет, что Зопирион был разбит скифами²⁵. Какая из этих версий верна – неизвестно, как неизвестно и место его гибели: была ли это переправа через Дунай или «Гетская пустыня», то есть современная Буджакская степь, как предположил В. Пырван²⁶.

Если оценивать поход Зопириона в целом, то, безусловно, вопрос о походе полководца, подчинённого Александру нужно рассматривать в тесной связи с деятельностью последнего. Здесь возможна альтернатива, в значительной степени связанная с выбранной датировкой. Если принять раннюю дату, то поход Зопириона был военно-политическим актом, направленным Македонией при Александре Великом против скифов или северо-фракийских племен, в рамках осуществления программы умирения и подчинения северных соседей с целью укрепить границы государства. Это была традиционная задача македон-

²⁴ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1987. С. 61.

²⁵ Just. II. 3.4; XII. 1.4–5; 2.16–17.

²⁶ Parvan V. Getica: O protoistoriei a Daciei. Buhuresti, 1926. P. 49-50.

ской внешней политики в районах, пограничных с беспокойной варварской периферией. Масштабы неудачи были в дальнейшем преувеличены риторической традицией, а северное направление оставалось актуальным для державной политики македонских завоевателей и после этого.

Если принять более позднюю датировку, то, возможно, речь шла и о более масштабном геополитическом проекте. Данные источников позволяют утверждать, что первоначально Александр планировал вернуться из Согдианы в Македонию через Скифию и Фракию²⁷, объединив под своей властью все земли вокруг Черного и Каспийского морей. В этих условиях Зопирион действительно мог получить приказ двинуться ему навстречу, хотя масштаб его экспедиции все равно остается преувеличенным. Поражение же Зопириона, как и обращение Александром своих взоров в сторону Индии, имели своим итогом изменение прежних планов – армия завоевателя двинулась не на запад, а на юг.

²⁷ Strabo XII.11.6; Arr. IV.1.2–4; Curt. VII.6.12–13; 7.2–5.

М. Г. Лушина (Саратов)

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА ПРОМЕТЕЯ

Интерес к мифологии не угасает даже сегодня, она отражает ступени развития культуры и помогает полнее изучить верования и представления людей, заложивших основы европейской цивилизации.

Первоначально мифологические сюжеты объясняли людям то, что они не в состоянии были понять, в частности природные явления. Окружающая человека действительность находила отражение в мифах и, зачастую можно провести параллели между элементами мифа и историческими событиями. Иногда особый интерес представляет не сами мифы, а смысл, который человек извлекал из них.

Мифология помогает понять представления людей первых цивилизаций, а вместе с тем является ключом к изучению истории человечества. Примечательность детального изучения того или иного мифа в том, что при обнаружении какой-либо гипотезы, новой трактовки источников, предстает возможность взглянуть на сам миф совершенно по-новому, возникает иное отношение к изученной проблеме.

Миф о Прометее, на первый взгляд, не может вызывать спорных вопросов. Казалось бы, это достаточно простой сюжет, известный каждому. Однако это не так.

Историографический экскурс дает возможность проследить значительные изменения в литературной традиции в образе Прометея отношения к Прометею. Естественно, в средние века отношение к персонажу отличалось от того, каким титан представлялся в эпоху Возрождения или Нового времени. Эта тема

еще и отличный пример того, как под влиянием времени изменяются интересы общества и их потребность в мифологии, в той или иной трактовке античного мифологического сюжета.

Сведения античных источников позволяют делать выводы о том, что действия Прометея не вызывали однозначной оценки. Описывая тот или иной сюжет, авторы передавали восприятие, свойственное их современникам, что могло выражаться в определенных эпитетах, или даже в том, какому именно сюжету отдавалось предпочтение для описания.

Миф о Прометее получил так же отражение в европейском изобразительном искусстве и в литературе. Например, к нему обращались такие гении, как Тициан и Рубенс, Боккаччо и Вольтер, Гете и Байрон, которые по-своему интерпретировали этот миф.

На сегодняшний день можно сформулировать проблему, связанную с изучением данного сюжета: насколько менялось восприятие образа титана на протяжении античности. Стоит сразу сделать оговорку: временные рамки источников представляется наиболее целесообразным ограничить I–II в. н.э., эпохой, когда этот миф затронули и римские авторы, так как важнее выяснить то, почему произошла столь значительная перемена в отношении к Прометею от представлений архаики до сформировавшейся олимпийской мифологической системы, ведь именно на античных источниках основывается дальнейшая работа с мифом.

Наиболее интересным для ретроспективного рассмотрения являются следующие сюжеты: похищение огня, дележ в Меконе, создание людей. Особое внимание следует уделить сюжету, связанному с Пандорой.

Не будет лишним напомнить основные моменты мифа, связанного с Прометеем.

– Первым по значимости с уверенностью можно признать сюжет похищения огня. Прометей похищает божественный огонь, который находится на Олимпе и против воли Зевса преподносит этот чудесный дар людям. За этот проступок неизбежно следует наказание: Прометей оказывается прикованным к горе Кавказ, и каждый день к нему прилетает орел, чтобы доставлять непостижимые страдания титану, выклеывая ему печень.

– Еще одним сюжетом, показывающим конфликт Зевса и Прометея, является история дележа в Меконе. Прометей во время раздела мяса жертвенного быка оставил людям лучшую долю, богам же в этом случае причитались шкуры и кости.

– Прометей известен также и тем, что вылепил людей из глины. Варианты этого сюжета разнятся у авторов. Важно лишь то, что здесь Прометей выступает положительным для людей персонажем.

– Отдельно необходимо рассмотреть сюжет, связанный с Пандорой. Зевс в качестве наказания за кражу огня посылает людям Пандору, которая несет с собой страдания и беды для человечества. Брат Прометея, Эпиметей, вопреки совету мудрого титана, принимает от богов Пандору в жены. Одаренная всеми, она получает ларец, в котором закрыты беды и несчастья для человечества.

Таковы основные аспекты мифа о Прометее, заслуживающие анализа в этой статье. Теперь же стоит перейти к подробному рассмотрению по сюжетам, с опорой на источники.

Важно отметить отличия в отношении античных авторов к поступкам Прометея.

Сюжет похищения огня является одним из древнейших.

К этому мифу впервые обратился Гесиод. Он пишет, что Прометей украл огонь после того, как первый раз обманул Зевса в Меконе.

Гесиод характеризует Прометея, как хитроумного бога. Дарование огня, согласно Гесиоду, можно объяснить стремлением Прометея превзойти Зевса, показать хитрость и ум, но не желанием помочь людям. В ответ на кражу Зевс посылает людям наказание – Пандору (Hes. Opp. 77–82).

Грушевой отмечает, что человек архаической эпохи был ориентирован на успех и первенство, главным было превзойти остальных, стать лучшим¹. Вероятно, это обстоятельство могло повлиять на характер Прометея в описании Гесиода.

Важно отметить, что именно Зевс решает, может ли человек обладать божественными дарами или нет, поэтому наказание за своеволие Прометея касается не только титана, но и смертных. О причинах этого будет сказано отдельно.

«У Гесиода Прометей – хитрый, но добрый к людям обманщик Зевса, не без оснований им наказанный»². Несколько отличающуюся позицию от А.Ф. Лосева занимает В.Н. Ярхо: «похититель божественного огня не пользуется у Гесиода тем почетом, который мы привыкли воздавать этому богоборцу и благодетелю человечества. Скорее, напротив: украл огонь, Прометей навлек на весь человеческий род гнев Зевса, который скрыл от людей источники пищи»³.

Обращаясь к трагедии Эсхила, можно увидеть иное объяснение поведения Прометея. Здесь и речи не идет о том, что Прометей хотел потягаться в мудрости с Зевсом. Эсхил сообщает, что Прометей прикован Гефестом к скале Кавказских гор за похищение огня для людей против воли Зевса, так же он говорит, что Прометей спас человеческое племя от гибели в Аиде,

¹ Грушевой А.Г. Античные представления о возникновении человека в сравнительном освещении // ХОРА. 2009. № 1 (7). С. 1–2.

² Лосев А.Ф. Прометей // МНМ. 1992. Т. 2. С. 337.

³ Ярхо В.Н. Гесиод и его поэмы // Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. С. 4.

отнял у людей дар предвидения, взамен дав надежду [Aeys. Prom. 237–238]. Кроме того, Прометей научил людей искусствам, ремеслам и полезным навыкам [Aeys. Prom. 552–256].

Эсхил приходит к выводу, что разум, мысль есть величайшее благо, данное людям Прометеем⁴, видит в Прометее мученика, которому приходится отвечать за гнев Зевса. Титан осмелился пойти против богов для счастья людей.

Чем можно объяснить такую перемену в отношении к Прометею? Во время перехода от архаики к классике начинается складывание полиса, происходят изменения в экономике, расцвет культуры. Все это не могло не отразиться на мифологических сюжетах. Нельзя исключать и потребность наделять мифологического персонажа определенными чертами в зависимости от желаний человека.

Изображение героя в эсхилловской трилогии есть «попытка в конечном итоге привести к примирению дополисное прошлое и полисное настоящее, архаического благодетеля людей Прометея и олимпийского владыку над людьми и богами Зевса, представить в гармоничном единстве два исторических периода»⁵.

«Только образ Зевсоборца титана Прометея благодаря Эсхилу остался в памяти эллинов и потомства титаническим в положительном смысле. Он служил выражением самых свободолюбивых и высоких требований мятежного человеческого духа, дерзающего похищать огонь с неба и не уступать деспотизму законов мира, невзирая на сверхчеловеческие страдания»⁶.

⁴ Сахарный Н. Трагедии Эскила (рассказ Аполлодора и его источники) // Эсхил. Трагедии. М., 1971. С. 5–9.

⁵ Лосев А.Ф. Прометей // МНМ. 1992. Т. 2. С. 338.

⁶ Голосовкер Я.Э. Сказания о Титанах. М., 1993. С. 267.

Далее сюжет похищения огня описывают Платон, Аристофан, Аполлодор, Диодор Сицилийский, Гораций⁷, Гигин, Страбон, Сенека, Лукиан из Самосаты. Прослеживается направление, заданное Эсхилом: Прометей характеризуется как персонаж, совершающий благой поступок для человечества и несправедливо наказанный Зевсом за это. Акцент окончательно смещается в сторону почтения жертвы Прометея.

Е.М. Мелетинский отмечает, что мотив похищения огня уходит в архаику: «Прометей совершает классический «культурный подвиг» – добывает огонь. Представление о том, что разгневанный Зевс лишил людей огня и источников пищи, а Прометей только вернул их людям, возникло, очевидно, позднее»⁸.

Особо интересной представляется точка зрения К. Догерти. Он пишет, что вместе с обретением огня людям пришлось трудиться, их жизнь становится тяжелее.⁹ Наказание Прометея – муки на горе Кавказ, а для людей приготовлена Пандора.

На этом этапе можно отметить отсутствие однозначного объяснения причин, побудивших Прометея украсть огонь как среди античных авторов, так и в оценке исследователей.

Вероятно, разница во взглядах на проступок титана объясняется и тем, какие еще сюжеты описывает автор. Например, Гесиод не пишет о создании людей Прометеем, зато выделяет раздел жертвенного быка, где Прометей еще не защитник людей. Аполлодор [Apollod. 1.7.1] же отмечает создание людей:

Προμηθεὺς δὲ ἐξ ὕδατος καὶ γῆς ἀνθρώπους πλάσας ἔδωκεν αὐτοῖς καὶ πῦρ, λάθρα Διὸς ἐν νάρθηκι κρύψας.

⁷ Однако согласно Горацию, похищение огня Прометеем принесло людям вред.

⁸ Мелетинский Е.М. Предки Прометея. М., 1989. С. 114–132.

⁹ Dougherty C. Prometheus. L., 2006. P. 16.

В целом отношение к Прометею здесь более уважительное и отличается от характеристики Гесиода. Следует помнить, что Прометей – титан, а значит, его противоречия с богами неизбежны, и ярче всего это проявляется именно в архаичных представлениях.

Следующим сюжетом является история раздела жертвенного быка в Меконе. Это не столь важный сюжет, однако, требуется и его рассмотрение. К нему обращалось немного авторов: Гесиод, Гигин и Лукиан Самосатский.

Во время спора людей и богов в Меконе Зевс выбирает худшую долю для приношений. Следует заметить, что Зевс (Hes. Theog. 550–552) догадался об обмане:

φῆ ῥα δολοφρονέων· Ζεὺς δ' ἄφθιτα μῆδεα εἰδὼς
γυνῶ ῥ' οὐδ' ἠγνοίησε δόλον· κακὰ δ' ὄσοετο θυμῶ
θνητοῖς ἀνθρώποισι, τὰ καὶ τελέεσθαι ἔμελλε.

Он действительно остановил свое внимание на куче, покрытой жиром, однако сделал выбор умышленно, чтобы найти предлог для наказания слишком хитроумного Прометея¹⁰.

Имеется достаточное количество трудов исследователей, обращавшихся к этому сюжету.

«История о дележе в Меконе, с одной стороны, изображает Прометея как фольклорного обманщика (трикстера, демонически-комического дублера культурного героя), еще не помышляющего о том, чтобы облагодетельствовать человеческий род (как это будет в "Прикованном Прометее" Эсхила), с другой – носит этиологический характер, то есть объясняет причину того, что богам в жертву сжигают кости, а мясо поедают люди»¹¹.

¹⁰ Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 1989. С. 88.

¹¹ Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо // Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. С. 535–557.

Доказательство архаичных корней образа Прометея можно найти и в том, что у него существовал брат, Эпиметей, который наделялся отрицательными чертами. Кроме того, Прометей выполняет функции культурного героя. Т. Мебуке считает его «отражением человеческой культуры, действующей в мифе».¹²

Культурный герой – это тот персонаж, который «добывает готовые блага культуры...Типичный пример – похищение огня»¹³. В мифах заметна тенденция отделить «серьезные деяния» культурного героя от «озорных трюков». Вероятно, что действия Прометея при разделе быка являются иллюстрацией к этому понятию.

В этом небольшом сюжете можно выявить неоднозначность действий Прометея: с одной стороны, его поступки объясняются личными причинами – превзойти Зевса, а с другой стороны, он тем самым совершает благой для людей поступок.

Если рассматривать фигуру Прометея в контексте понятия «культурный герой», то неизбежен переход к такому сюжету, как создание людей.

Вариантов этого мифа несколько. Согласно Аполлодору, Прометей, смешав землю с водой, вылепил людей (Apollo. I.7.1).

Несколько по-другому описывает этот сюжет Платон (Plat. Prot. 320 d – 321 e.): боги приказали Прометею и Эпиметею распределить способности среди людей. Эпиметей не оставил способности людям, в этом причина того, что его брат пожалел людей и украл огонь.

¹²*Mebuke T.* Heroes of Humanity in Literature // International Journal of Arts and Sciences. 2009. No 3(4). P. 77–87.

¹³*Мелетинский Е.М.* Культурный герой // МНМ. 1992. Т. 2. С. 27.

Такие римские авторы как Овидий и Гигин так же обращались к этому сюжету. Так, по Гигину Прометей первым слепил людей из глины (Hug. Fab. 142):

Prometheus Iapeti filius primus homines ex luto finxit.

В этих источниках наиболее подробно описывается миф о создании людей.

По мнению А. А. Тахо-Годи, несовершенство первых людей связано с тем, что они обязаны своим появлением Прометею, давнему сопернику Зевса по благодетельным для человечества функциям. Прометей, а не кто иной, призван был, с точки зрения архаики, пожалеть человеческий род. Прометей дождется своего освобождения от наказания именно в героические времена, хотя, к его досаде, опять-таки по воле Зевса¹⁴.

Уже на основе сведений, сообщаемых Гесиодом и Эсхилом, представляется возможным более позднее возникновение этого сюжета.

К. Догерти отмечает поразительную особенность мифа о Прометее – «эластичность и гибкость», ведь даже античные авторы писали, используя тот или иной сюжет, приспособивая его для нравов читателей того времени¹⁵.

С историей Прометея связан и, казалось бы, отдельный сюжет про Пандору. По одной версии, она описывается, как первая женщина созданная богами, по другой она обладательница лживой и хитрой души.

Зевс, разгневанный похищением огня, решил отомстить людям и приказал создать женщину. Гефест слепил её, смешав землю с водой, Афина одела её в серебряное платье и увенчала золотым венцом (Hes. Theog. 567–590).

¹⁴ Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 1989. С. 86.

¹⁵ Dougherty C. Prometheus. L., 2006. P. 5.

Пандора получила ящик, в котором были заключены все людские пороки и несчастья, по земле расплозились болезни и бедствия. Надежда же осталась на дне сосуда (Hes. Орр. 96–97).

Можно согласиться с К. Догерти: действия Прометея привели к тому, что люди получили еще больше бед. В ответ на кражу огня боги создают Пандору, которую посылают людям. Возникает необходимость труда, которого человечество не знало до этого.

Огонь – божественный дар, и только богам решать, могут ли им владеть люди. Прометей обеспечил человечество неслыханным богатством, что нарушило устоявшийся баланс. Зевс призван уравновесить положение людей, послав людям Пандору и тем самым создав для человека определенные трудности.

Определенно, сюжетная линия Прометея связана с Пандорой, и в этом случае она – логическое противодействие своему нравственному поступку титана. Пандора и являлась тем, что должно было заменить украденный огонь, ее назначение – в упорядочении положения людей и богов.

Таким образом, проследив развитие мифа, начиная от Гесиода, можно убедиться в том, что происходит изменение практически всех сюжетных линий мифа.

Так, у Гесиода – Прометей обманщик, титан, решивший противостоять Зевсу. У Эсхила – несправедливо наказанный благодетель человечества. У Аполлодора, Платона – создатель людей. То есть мнение о Прометее у античных авторов не является идентичным. Намеренно не делался упор на более поздние источники. К примеру, в трудах Гигина и Аполлодора имеет место компиляция. Имеются некие параллели, позволяющие утверждать, что авторы были знакомы с ранними трудами, в которых находил отражение этот миф.

Наконец, история Прометея – это пример столкновения уже развитой олимпийской мифологии и древней мифологии титанов.

Стоит еще раз отметить гибкость сюжета, позволяющую делать новые выводы, так как в этой теме имеется почва для дальнейших исследований.

А. В. Ашаева (Казань)

**АНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ:
ИННОВАЦИЯ ИЛИ ВОСПРИЯТИЕ ТРАДИЦИИ?**

Античность, как исторический период и как неотъемлемая часть культуры, начиная с самой эпохи древности, и до сегодняшнего дня, вызывает немалый интерес в научно-академических кругах и в общественном сознании в целом. В современных междисциплинарных концепциях антиковедов исследование аспектов проявления античности на протяжении времени получает теоретико-методологическое обоснование при обозначении процесса понятием «рецепция». Рецепция в отношении античного наследия это восприятие и последующее складывание представлений и образов античности в культурно-исторических практиках различных эпох, всегда подразумевающее включение актуализированного воспринимающей эпохой античного наследия в собственные её контексты научно-интеллектуального, художественного, образовательного, социально-политического и иных сфер общественного бытия. Необходимо оговориться, что подходы к рецепции являются дискуссионными в современном научном сообществе. Однако, определяя собственное место в такой дискуссии, я нахожу возможным говорить об имеющемся теоретико-методологическом комплексном подходе к рецепции, который и предопределяет рецептивную практику.

Для различных исторических эпох формы и влияния античности, как осмысляемой основы культуры, обуславливаются определенными факторами и преследуют разнообразные цели. Иными словами, «любое обращение к прошлому есть попытка

создания образа этого прошлого, т.е. некоего идеального отражения мира в сознании человека, и включения этого образа в ткань современной культуры»¹. Образ античности, как результат интерпретации и репрезентации в различных социокультурных условиях, отражает не только античность, выраженную через эпоху, но и эпоху, выражающуюся через античность. Провокационность такой постановки проблемы заключается во взаимобусловленности обоих факторов, поскольку невозможность исследовать только индивидуальное обращение к античности или эстетическую рецепцию, приводит к неизбежному переходу в социокультурное осмысление и предполагает рецепцию социокультурную или историческую.

В современной западноевропейской теории рецепции, которая включена в общий методологический дискурс антиковедения, значительно трансформируя само представление об этом комплексе дисциплин, ключевым является понятие межкультурной коммуникации, где базовой основой коммуникативного взаимодействия культур выступает диалогичность. Историчность же диалога культур становится объектом изучения при социокультурном подходе. В междисциплинарном исследовательском потенциале теории рецепции заложены принципы комплексного изучения способов интерпретации и репрезентации античности, позволяющие выделять исследовательские модели, где специфика каждого образа античности представлена в конкретных историко-культурных рамках. «Диапазон исследований рецепции имеет тенденцию к более конкретным исследовательским областям, выбирая определенные периоды... и темы в литературе и исполнительских видах искусства...»². Эта тен-

¹ *Чиглицев Е.А.* Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань, 2009. С. 15.

² *Porter J.I.* Reception Studies: Future Prospects // A companion to classical reception. Oxf., 2008. P. 474–475.

денциозность может выражаться во внимании исследователей-антиковедов к экзотичным и нестандартным способам интерпретации и репрезентации античности³, а также в соотношении теории рецепции со множеством разных вариаций междисциплинарного характера, определенных концепций с отличным от традиционного подходом к предмету изучения⁴.

В результате консолидации методологических концепций литературоведения, культурологии, философии и истории подобные модели позволяют зафиксировать некий культурно-интеллектуальный пласт, в котором античное наследие выступает наследием общемировым и общекультурным.

В социальные представления античное наследие в качестве доминирующего элемента культурной практики входит во времена итальянского Возрождения, когда собственно и формируется западноевропейская культура. Именно в эпоху итальянского Возрождения была предпринята первая столь масштабная и осознанная попытка рецепции античности, где античность выступила не только лишь как эпоха сугубо материальных ценностей и моральных норм, а как духовно и эстетически определяющая и лежащая в основе современности вневременная идея. «Начиная с эпохи Возрождения, классические тексты были осознаны не только в литературе и других видах искусства, но и в

³ Например, рецепция античности, посредством перевода, на Востоке: *Etman A. Translation at the Intersection of Traditions: The Arab Reception of the Classics // A companion to classical reception. Oxf., 2008. P. 141–152*; или рецепция древнегреческой драмы в Южной Африке: *Smit Zyl van, B. Multicultural Reception: Greek Drama in South Africa in the Late Twentieth and Early Twenty-first Centuries // A companion to classical reception. Oxf., 2008. P. 373–385*.

⁴ Это может быть гендерная модель рецепции античности: *Liveley G. Surfing the Third Wave? Postfeminism and the Hermeneutics of Reception // Classics and the Uses of Reception. Oxf., 2006. P. 55–66*; или включение метода психоанализа в исследование рецептивной практики: *Zajko V. Hector and Andromache. Identification and Appropriation // Classics and the Uses of Reception. Oxf., 2006. P. 80–91*.

формировании социальных групп, обсуждениях политики и религии, а также в появлении науки...»⁵. Следуя утверждению Г.С. Кнабе, что «именно античное ... наследие стало восприниматься в эту эпоху как вечно возрождаемая норма культуры»⁶, возможно, обозначить эпоху Возрождения как исторический период, в котором формирование античного субстрата становится собственно целью и результатом социокультурного универсума. Как при исследовании философско-исторических концепций эпохи, так и при определении сущности интерпретированного этой эпохой определенного наследия древних, которое выступает в качестве неотъемлемого элемента социальной и культурной практики, необходимо рассматривать античность в контексте конкретного исторического периода в качестве смыслообразующей категории. Обосновывается это взаимосвязью обращения к классической древности как к культурному образцу и развитием индивидуального сознания, поскольку вопрос о первостепенности и второстепенности этих признаков Возрождения «некорректен по существу» поскольку «одного нет без другого»⁷.

Присутствие античного наследия в творчестве гуманистов безусловно, и характеризуется оно постоянным обдумыванием того, «как совместить следование античным образцам и творческую изобретательность, «*imitatio*» и «*inventio*»⁸. Восприятие этого наследия как составной части мировоззренческих форм эпохи и, в конечном счете, рефлексия и саморефлексия творцов

⁵ Haynes K. Text, Theory, and Reception // Classics and the Uses of Reception. Oxf., 2006. P. 44.

⁶ Кнабе Г.С. Современная Европа и её антично-римское наследие // Чтения по истории и теории культуры. М., 2010. Вып. 58. С. 13.

⁷ Андреев М.Л. Инновация или реставрация: казус Возрождения // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. Т. 1. С. 95.

⁸ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 40.

Возрождения в отношении эпохи античности в историческом её значении приводит к некой периферийности понимания античного наследия, когда оно воспринимается в самом общем виде, без четко определенных коннотаций.

Современное состояние теоретико-методологической базы исследования рецепции позволяет представить итальянское Возрождение в общем ряду моделей рецепции античности через теорию межкультурной коммуникации и культурного диалога, когда в полной мере учитывается специфика античности как донора. В этой ситуации к изучению рецепции античного наследия в эпоху Возрождения вполне применимы универсальные варианты взаимодействия, определяемые такими понятиями как аккультурация, адаптация, аналогия, присвоение, аутентичность, соответствие, диалог, равноценность, чужеродность, разнородность, вмешательство, перемещение, изменение образа, перевод, перенесение, вариации⁹.

Как же все это выглядит в применении к конкретному культурному пласту итальянского Возрождения?

Отдельные авторы и идейные направления, например, неоплатонизм второй половины XV века во Флоренции, в качестве основы для своей интеллектуальной деятельности, конечно, определяют античность¹⁰. Непререкаемость авторитета античности – само собой разумеющееся явление в размышлениях о степени индивидуальности или о морально-этических качествах людей, о пользе поэзии и риторики или о счастье и судьбе. Это отражено в таком корпусе источников, как личная переписка деятелей Платоновской академии и вводные части лекцион-

⁹ *Hardwick L.* Reception studies // GR. 2003. No 33. P. 9–10.

¹⁰ Об общем и особенном в этих учениях довольно подробно см., например: *Горфункель А.Х.* Философия эпохи Возрождения. М., 1980; *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002; *Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская академия. М., 2008.

ных курсов, читаемых ими во Флорентийском университете. Особенность таких источников, как письма, где античность становится буквально личностным выражением неоплатоников, а также вводные части лекций, собственно и посвященные античности и претендующие на некое научное осмысление, позволяют ставить проблему античного наследия в данный период, как проблему именно эпохи, пронизывающую все сферы жизни и деятельности людей¹¹.

Идеализированное обозначение знаковых фигур греко-римского мира и позиционирование гуманистами себя в качестве единственно достоверных истолкователей античных учений и концепций, а также отстаивание постулата о собственной современности, как о «золотом веке», который и детерминирует представление об античности в контексте отдельного интеллектуального сообщества (в данном случае, Платоновская академия), – все это демонстрируют названные источники. К примеру, Марка Туллия Цицерона Кристофоро Ландино представляет как «отца отечества римлян»¹², а римский историк Тит Ливий для него – «...историк из всех самый достоверный...»¹³. Несколько выше в сознании неоплатоников, по очевидным причинам, стоит Платон. У Марсилио Фичино это «отец философов»¹⁴, постоянно ссылаясь и цитируя Платона, Фичино начинает так:

¹¹ Именно поэтому основной корпус трудов неоплатоников (их литературные произведения), такие как «Сказание об Орфее» Анджело Полициано или «Комментарий на Пир Платона» Марсилио Фичино, изначально предназначенные для широкого общественного восприятия, не рассматривается.

¹² Речь, произнесенная Кристофано да Праатовеккьо перед началом чтения сонетов мессера Франческо Петрарки в Студии // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1985. С. 191.

¹³ Светлейшего мужа Кристофоро Ландино вводная лекция о Вергилии, прочитанная во Флоренции в 1462 году // Сочинения итальянских гуманистов... С. 197.

¹⁴ Письмо Марсилио Фичино к Леонардо ди Тоне // Сочинения итальянских гуманистов... С. 215.

«согласно нашему Платону, князю философов...»¹⁵. У руководителя Платоновской академии Фичино, создавшего и аргументировавшего миф о «золотом веке» в собственной современности, были вполне понятные основания превозносить, через сравнения с Меценатом или другими персонажами античной истории, Козимо, а позже – и Лоренцо Медичи. Характерно в отношении превозношения письмо-панегирик Фичино к Лоренцо Медичи, где он представляет последнего в наилучших качествах посредством мифа о Палладе, Юноне и Венере, которые вели спор о своей значимости. Излагая версию Париса, Геракла, Феба, Сократа, Фичино завершает тем, что ставит Лоренцо в один ряд с ними и в конечном итоге превозносит над ними. «А вот наш Лоренцо, наученный оракулом Аполлона, ни одну из этих трех богинь не отвергнул. Ведь он всем трем уделяет внимание и почитает по их достоинствам. По этой причине Паллада наделила его мудростью, Юнона – силой, Венера – привлекательностью, поэзией и музыкой»¹⁶. У Анджело Полициано, в письме о философии Эпиктета, вполне обычная для сознания гуманистов цель – обозначить себя в качестве своеобразного заступника античной философии и её представителя, где сам Полициано выступает в качестве значимого преемника, который усвоил учение Эпиктета в его «первичном» смысле. Отвержение первой главы труда Эпиктета Бартоломео Скалой принимается Полициано как личный вызов. «Сейчас я, если тебе угодно, постараюсь опровергнуть эти возражения и выскажу кое-что, отнюдь, впрочем, не поучая тебя..., ровно как и не претендуя на звания официального защитника Эпиктета перед тобой: ведь я делаю это

¹⁵ Козимо Медичи, отцу отечества, Марсилио Фичино себя вверяет // Сочинения итальянских гуманистов... С. 217.

¹⁶ Паллада, Юнона и Венера обозначают созерцательную жизнь, активную жизнь и жизнь, проводимую в наслаждениях // Сочинения итальянских гуманистов... С. 220.

не потому, что считаю себя достойным подобной чести, и не потому, что Эпиктет приятен мне столь же, сколь тебе, но лишь затем, чтобы, насколько это в моих силах, исполнить возложенную тобой на меня роль»¹⁷ (т.е. опровергнуть все выдвинутые против учения Эпиктета доводы – А.А.).

Конечно, ряд примеров может быть продолжен, но уже на приведенных можно сделать вывод, что принятие античности в качестве образца и не критичность в отношении к античному наследию, как черта эпохи, предопределяет результат подобно-го восприятия. И сам процесс восприятия античности, как исследовательская проблема, может и должен быть обозначен, в качестве отдельного предмета исследования, рассматривающегося с иных методологических позиций и позволяющего существенно расширить понятие самого Возрождения, как исторического периода.

На уровне диалога культур, который подразумевается при использовании понятия рецепции, теоретико-методологический подход к ней должен учитывать особенности каждого конкретного исторического периода участвующего в этом диалоге. Характерные особенности, присущие итальянскому Возрождению (в данном случае, в рамках Флоренции, как особого социокультурного пространства, и хронологически ограниченного существованием Платоновской академии, т.е. второй половиной XV века), позволяют выделить исследовательскую модель рецепции античности, которая будет иметь в качестве предмета исследования оригинальный образ античности. Специфика эпохи Возрождения, как формирующей западноевропейскую культуру, и, собственно, заложившей начало восприятия античности, как необходимого элемента культурной прак-

¹⁷ Письмо Анджело Полициано в защиту стоика Эпиктета // Сочинения итальянских гуманистов... С. 229.

тики, детерминирует интерпретацию и репрезентацию античного наследия и предопределяет результат рецептивной практики. В таком контексте включение итальянского Возрождения в межкультурный диалог должно быть скорректировано определением роли античности в итальянском Возрождении, а кажущаяся казуальность социокультурного контекста, когда без акцентирования на античном наследии эпоха теряет свою сущность, может быть устранена путем выделения исследовательской модели рецепции античности в эпоху итальянского Возрождения, которую можно назвать инновационной моделью. Значение и результат ещё одного такого нестандартного направления существенно расширит исследовательское поле антиковедов.

Н. С. Колоколова (Саратов)

**ДРЕВНИЙ РИМ ГЛАЗАМИ ЕГО НАСЛЕДНИКОВ
(РИМСКИЕ ТЕМЫ ИТАЛЬЯНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА)**

Итальянские кинематографисты одними из первых обратились к историческим сюжетам в своих работах и во многом повлияли на становление жанра исторического фильма как такого. Современный Рим, да и другие города Италии, изобилующие достопримечательностями античных времен, несомненно, вдохновляли деятелей кино. По словам известного французского киноведа Ж. Садуля, «...зрителей уже заранее пленяют фильмы, посвященные великим событиям европейской истории, особенно эпохе величия и упадка Рима. К тому же красоты итальянской природы и ее исторических памятников значительно содействуют успеху фильмов, выпускаемых крупными кинопромышленниками»¹. Итальянский кинокритик К. Лидзани не без иронии отмечает, что итальянцы лучше других умели «втиснуть в ограниченный метраж пленки невероятное количество событий, выдающихся исторических персонажей или героев известных литературных произведений»².

Итальянское кино, появившись в 1904 г., меньше чем через пять лет обращается к теме Древнего Рима. Известные кинокартины «Последние дни Помпеи» (1908), «Нерон» (1909), «Агриппина» (1910), «Брут» (1910) и др. по сути, представляют собой десяти - пятнадцатиминутные схематичные зарисовки на известные сюжеты. Важно то, что первые «опыты с историей» заложили

¹ Садуль Ж. Всеобщая история кино. М., 1958. Т. 2. Кино становится искусством. 1909–1914. С. 203–204.

² Вилесов А. Предисловие // Лидзани К. Итальянское кино. М., 1956. С. 7

основу, и уже через несколько лет появляются картины, которые пользуются большим успехом не только в национальном, но и в мировом прокате, а также оказывают колоссальное воздействие на развитие жанра. Расцвет итальянского кино того времени приходится на 1912-1914гг., именно в этот период создаются такие фильмы-гиганты как «Кво вадис?» (1912), «Марк Антоний и Клеопатра» (1913), «Кай Юлий Цезарь» (1914) Энрико Гуаццони, «Последние дни Помпеи» (1913) Марио Казерини, и, конечно, «Кабирия»(1914) Джованни Пастроне.

Успешным кинопроектом того времени стала экранизация романа Генрика Сенкевича «Камо грядеши?» (1912) режиссера Энрико Гуаццони. Роман пользовался популярностью во всем мире (на итальянский язык был переведен Фредериком Вердинуа), поэтому создатели картины решили выкупить у автора право на монопольную экранизацию этого произведения, и при его прокате продали копии фильма в США, Великобританию, Германию, Бельгию и другие страны, тем самым заработав довольно большие деньги. Премьеры фильма оформлялись с особой пышностью. Так, в Париже премьера прошла в самом крупном кинотеатре «Гомон-палас» в сопровождении специально написанной музыки и хора, исполненного 150 певцами. Фильм, несомненно, очень впечатлил публику. «Зрители еще никогда не видали подобной картины. Среди объемных декораций (в которых еще не совсем отказались от задников, создающих иллюзию перспективы) разворачиваются грандиозные оргии увенчанных розами римлян, в то время как распятые на крестах христиане пылают словно факелы»³. Кроме того, фильм был поддержан католической церковью, что тоже сыграло немаловажную роль в популярности картины. Несомненно, как и в романе, в фильме противопоставляются римляне и христиане: жестокость и раз-

³ Садуль Ж. Указ. соч. С. 206.

вратность доброте и целомудренности. «В лучах рассвета Рим еще безмерен и величествен, но, кишачий пороками, он неумолимо стремится к гибели» – «произнесенная» в фильме фраза довольно точно дает определение изображаемому в фильме Риму. Интересно, что тогдашних рецензентов этих фильмов поражает не масштабность фантазии авторов, а именно точная реконструкция изображаемого времени. Так, один из критиков комментировал фильм следующим образом: «Какого труда должно было все это стоить археологу! Действительно, вознося похвалу, невозможно прийти в себя от восхищения совершенством воссозданных деталей!»⁴. Даже когда режиссеры и не учитывали в работе указания археологов, в глазах зрителей и критиков археологические достоинства были неразрывно связаны с самой темой. «Если античность – значит, наука, а значит, и правда: таков логический ход позитивистского сознания начала века»⁵.

Успех «Камо грядеши?» побуждал кинофирмы создавать крупные постановочные фильмы из времен античности. Следующим стал снятый на склонах Везувия фильм «Последние дни Помпеи» (1913) режиссера Марио Казерини. Так как большие постановочные итальянские фильмы приносили огромную прибыль, то вскоре кинопрокатчики стали раскупать их еще до начала съемок. Гуаццони в виду успеха «Камо грядеши?», начал постановку фильма «Марк Антоний и Клеопатра». Сам режиссер говорил: «Мне представился случай показать зрителям наиболее типичные места древнего Рима и Египта, которые поражали наше воображение еще на школьной скамье. Однако мы никогда не имели бы возможности их увидеть в действительности, не затратив на это всех сокровищ Креза. Каждую деталь этой постановки я изучал и обсуждал со многими людьми на местах, в музе-

⁴ Ямтольский М. Кино как художественная археология // <http://seance.ru/n/33-34/vertigo33-34/kino-kak-hudozhestvennaya-arheologiya>.

⁵ Там же.

ях и библиотеках. Как только закончилась подготовка, легионы актеров и работников «Чинес» приступили к выполнению трудной задачи воссоздания отдельных частей города, дворцов, памятников, фонтанов, обстановки, оружия и одежды, так чтобы каждая подробность точно соответствовала исторической правде⁶. Несмотря на эти старания, успех «Антония и Клеопатры» сильно уступал славе «Камо грядеши?». Однако кинокомпания «Чинес», производящая эти фильмы продолжала придерживаться «античных» сюжетов и поручила Гуаццони постановку «Кая Юлия Цезаря», который и был снят в 1914 г. Эмоции, которые вызывали подобные фильмы у зрителей того времени, очень характерно отражает мнение одного из кинокритиков: «Толпы, действующие в «Юлии Цезаре» и состоящие из сотен статистов, производят впечатление поразительной подлинности, показывают ли нам марширующих и сражающихся воинов, или окруживших торжествующего диктатора римлян, или сцену яростной мести за смерть божественного Юлия... Это великое событие из истории латинского народа, инсценированное самими латинянами, волнует до глубины души. Все детали картины точно соответствуют исторической правде и производят трагическое и неотразимое впечатление. Мне также очень понравилась пылкая речь Марка Антония, речь без слов, разумеется, но за всеми ее этапами мы можем следить по лицам слушателей, сначала встревоженным, затем скорбным и, наконец, яростным. Кажется, что в этом эпизоде звучат шекспировские слова: «Вот они, достойные мужи»⁷. Однако уже следующий фильм на римскую тематику, «Нерон и Агриппина» Марио Казерини, потерпел провал. Основной упор рекламы был сосредоточен на материальных затратах, в субтитрах даже точно указывалось, сколько стоил каждый

⁶ Садуль Ж. Указ. соч. С. 210.

⁷ Там же. С. 210–211.

из основных эпизодов. «Путающаяся в своем пеплуме Агриппина и ее преувеличенная жестикуляция вызывали насмешки. Порой зрительный зал «Гомон-палас» сотряслся от хохота. Казалось, итальянскому «античному» фильму приходит конец»⁸.

Джованни Пастроне смел опровергнуть подобные прогнозы постановкой грандиозного фильма «Кабирия» (1914). Участие в написании сценария принял известный литературный деятель того времени Г. Д'Аннунцио (позднее активно поддерживавший Муссолини), однако, по свидетельству его биографов, причина его участия была лишь материального свойства, а картины он даже не смотрел⁹. При этом в интервью, сопровождающих премьеру, он отзывался о картине таким образом: «Итак, речь идет о широчайшем полотне; более того, вряд ли вообще когда-нибудь создавалось полотно шире, выписанное более тщательно во всех деталях, с большим уважением к археологическим данным и истории, с большей гармоничностью движения и более совершенным построением массовых сцен...это несколько широких исторических произведений, связанных между собой приключенческим сюжетом, рассчитанных на самые простые чувства широкого зрителя»¹⁰. Лидзани отмечает, что использование имени Д'Аннунцио было для «Кабирии» чем-то вроде дворянского титула, и как бы гарантом высоких художественных качеств картины.

Сначала режиссер назвал свой будущий фильм «Симфонией огня» и приурочил его действие ко времени Пунических войн. Этот выбор был подсказан Триполитанской войной, которая в то время волновала всю Италию и служила националистам поводом для воспоминаний о завоевании Африки Сципионом. «Они пытались извинить неудачи своей колониальной экспедиции в Ли-

⁸ Садуль Ж. Указ. соч. С. 212.

⁹ Лидзани К. Итальянское кино. М., 1956. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 47.

вию ссылкой на бесплодные победы Ганнибала. Еще не окрепший итальянский империализм, на первых порах очень пылкий и необузданный, громко требовал превращения Средиземного моря в *Mare Nostrum*»¹¹. Лидзани пишет: «...столкновение двух цивилизаций – римской и карфагенской – поистине было показано со всем блеском, со всей силой мастерства художественного изображения и фантазией, на которые только могли быть способны в те годы представители наиболее авантюрно настроенных кругов нашего общества»¹². Благодаря этому фильму, легенда Древнего Рима «проникла в сердца итальянцев»¹³. Победы Древнего Рима, его история воспринимается итальянцами как славное прошлое их народа, противостоящее скромной повседневной действительности, должное вдохновлять на подвиги в настоящем и будущем.

Характерной чертой фильма, отличающей его от других постановок, была многоплановость действия. События разворачиваются почти одновременно в Карфагене, Нумидии, Сицилии и Италии, а весь сценарий построен на приеме параллельного монтажа. Самыми запоминающимися и растрогивающими в прессе, по словам Лидзани, были следующие сцены: осада Сиракуз, Ганнибал в Альпах, карфагенский рынок, осада Карфагена, жертвоприношение богу Молоху. Реклама «Кабирии» по своей масштабности не отставала от картины. Известный летчик Джованни Виднер четыре раза описал круг над Римом, засыпая его листовками, извещавшими о торжественной премьере фильма – 22 апреля 1914 года.

Ж. Садуль оценивает фильм положительно, однако к достоинствам картины относит, прежде всего, ее техническое совершенство, а не оригинальность сценария. Итальянский критик Д.

¹¹ Садуль Ж. Указ. соч. С. 213.

¹² Лидзани К. Указ. соч. С. 48.

¹³ Там же.

Феррара объясняет популярность «Кабирии» лишь модой и «своеобразными вкусами» той эпохи. По его словам, «это были «фильмы-мастодонты» на псевдоримские темы, недолго продержавшиеся на экранах»¹⁴ - подытоживает автор. Ему вторит советский критик А. Вилесов, называя подобные фильмы «пышными псевдоисторическими постановками, проникнутыми шовинизмом и национализмом»¹⁵. Очевидна определенная предвзятость подобных мнений, однако, несомненно, «Кабирия» стала ярким событием итальянской культуры того времени.

К. Лидзани подчеркивает, что «Кабирия» явилась одновременно и исходной и конечной точкой в развитии итальянского кинематографа, с одной стороны она стала образцом, примером, стимулом к дальнейшему развитию итальянского кино, открывшим для него окончательно мировой рынок, а с другой, сближалась с идеологическими течениями «...не только не революционными, но и реакционными и вредными для нашей страны»¹⁶. Д'Аннунцио, чье имя активно фигурировало при прокате «Кабирии», стал одним из первых настоящих итальянских пропагандистов. Как пишет Э.Родс, он презирал современную ему Италию, «с ее стремлением к безопасности и преклоняющимся перед ответственностью буржуазным обществом»¹⁷. В его намерения входило оживить славное средиземноморское прошлое Италии. «Я славлю тот факт, что я – римлянин, и признаю в каждом неримлянине варвара»¹⁸. Муссолини, придя к власти в 1922, во многом воспринял атрибуты Д'Аннунцио, в числе которых был культ Древнего Рима. Муссолини предлагает возврат к военной силе,

¹⁴ Феррара Д. Новое итальянское кино. М., 1959. С. 10.

¹⁵ Вилесов А. Указ. соч. С. 8.

¹⁶ Лидзани К. Указ. соч. С. 49.

¹⁷ Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М., 2008. С. 67.

¹⁸ Родс Э. Указ. соч. С. 67.

которая когда-то сделала Рим великим. «В этом политическом и социальном хаосе, оставшемся после Первой мировой войны, с его постоянными забастовками и политическими передерягами левых, которые итальянские буржуазные политики, казалось, не могли предотвратить, Муссолини предлагал надежду и славу. Он намеревался сделать так, чтобы фашизм был не только партией, но и образом жизни, которого Италия не видела со времен Цезаря»¹⁹. Тот абсолютистский режим, который установил Муссолини, был основан на идее героической личности, вдохновляемой судьбой - дуче, ведущей других сильных людей. А одним из его лозунгов был: «Цезарь вновь возродился в лице дуче!»²⁰. Римское приветствие, римские цифры для исчисления своего правления, римские эмблемы, широкое празднование юбилеев римских политических деятелей и литераторов, печать их изображений на марках и т.д. Казалось бы, итальянцы не могли упустить шанс удачной пропаганды в виде обращения к Риму на языке кино, однако кинематограф в целом использовался ими не столь сильно, как немцами: кинокомпании оставались в частных руках, а публика предпочитала американское кино «о красивой жизни» политическим картинам. В основном ограничиваясь цензурой выходящих фильмов, снимали не так много, к теме же Древнего Рима наиболее ярко обратились в фильме «Сципион Африканский» (1937) режиссера Кармине Галлоне. Фильм был снят дорого и помпезно, на него было потрачено 12,6 миллионов лир, больше, чем на какой-либо другой итальянский довоенный фильм. В кинокартине проводится явная аналогия великого римского завоевателя, покорившего Карфаген и Муссолини, который захватил Эфиопию. Неудивительно, что фильм получает

¹⁹ Родс Э. Указ. соч. С. 69.

²⁰ Там же.

главную награду, основанного по его инициативе Венецианского кинофестиваля – «Кубок Муссолини».

В отличие от «Кабири», где внимание создателей было сосредоточено на личных взаимоотношениях героев, в «Сципионе» на первый план выходят военные действия, а ключевой сценой фильма становится битва при Заме. Но наравне с военными талантами, режиссер показывает зрителю и другие добродетели Сципиона: «После триумфа над Ганнибалом финальная сцена показывает Сципиона вновь в его поместье, изучающим урожайность и получающим удовольствие от занятий земледельца и нежного семьянина. Эта развязка подкрепляет образ Сципиона как простого гражданина, который отвечает на призыв своего государства в минуту национальной опасности, а когда враг уничтожен, возвращается к своей гражданской, республиканской жизни. И вновь, это имело намерением представить Сципиона как Муссолини своего времени, и наоборот - Муссолини как защитника своей нации в традициях древних римских патриотов»²¹ – пишет исследователь Карл Мора.

«Сципион» стал последним довоенным итальянским фильмом о Древнем Риме и, по мнению Карла Мора, последней серьезной попыткой связать историю Древнего Рима с современной Италией. Далее последовал понятный перерыв, однако к этой теме обращаются вновь уже в 1949г. (!) Казалось бы, после поражения в войне, итальянцы с их милитаристскими идеями и образами Древнего Рима должны были на долгие годы забыть о его рецепции в кинематографе, однако, напротив, заметен взрыв интереса и колоссальное количество пеплумов на итальянских экранах 50–60-х гг.

²¹ *Mora C. The Image of Ancient Rome in the Cinema // Film-Historia. 1997. Vol. VII. No. 2. P. 223.*

Первой кинолентой становится «Фабиола» (1949) реж. Алесандро Блазетти. Снятый по мотивам одноименной повести Николаса Уайзмана, фильм повествует о времени преследования христиан в IV в. Главная героиня - молодая знатная римлянка, которая через долгие искания приходит к христианству. Отчасти близкий к «Quo vadis?», фильм несет собой явное противопоставление двух миров - языческого Рима и христиан, победой которых он оканчивается. Таким образом, мы видим своеобразный возврат к тематике первых итальянских фильмов, фильмов до «Сципиона». В 1951 мы видим обращение уже к иной теме в кинофильме «Мессалина» Кармине Галлоне. Слоган «Самая злая женщина истории!», да и выбор главной героини, уже свидетельствует о том, что фильм направлен, прежде всего, на обличение пороков императорского Рима, а то, что главным действующим лицом является женщина, только усиливает эффект. Позднее данная направленность в изображении нравов Древнего Рима получает широкое распространение.

Если в целом говорить о тематике итальянских кинофильмов о Древнем Риме во второй половине XX века, то можно условно обозначить следующие группы:

- легендарное основание Рима и его ранняя история
- переход от республики к империи
- императорский Рим.

Характерным образом, «эпоха великих завоеваний» из тематики фильмов исчезает: видимо, кинофильмы, подобные «Кабирии» и «Сципиону», чьи сюжеты были связаны с внешней экспансией Рима, слишком прочно ассоциировались с недалеким прошлым. При этом, безусловно, доминируют картины, посвященные Империи: она представлена примерно 30 фильмами, в отличие от 16, снятых на две первые темы. Однако самые интересные фильмы создаются о ранней римской истории.

Буквально за пару лет снимается несколько кинолент о раннем Риме: «Ромул и Рем» (1961) реж. Серджио Корбуччи, комедийно-приключенческий «Похищение сабинянок» (1961) реж. Ришара Потье, «Горации и Куриации» (1961) реж. Фердинандо Балди, Теренса Янга, «Легенда об Энее» (1962) реж. Джорджо Вентурини. Уже из названий видно, что фильмы эти посвящены ключевым событиям ранней истории Рима. Они сняты без претензий, красочно и несколько театрально, но в целом на довольно хорошем уровне. В приключенческом кинофильме «Амазонки Рима»/ «Девственницы Рима» (1961) реж. Карло Людовико Брагальи, Витторио Коттафави Рим находится под угрозой нападения этрусков и прекрасные «амазонки» приходят на помощь. «Колосс Рима» (1964) реж. Джорджо Феррони также посвящен теме борьбы с этрусками, а точнее подвигу Гая Муция Сцевола.

Резко изменяется трактовка Пунических войн. Здесь мелодрама полностью подавляет эпическую и зачастую подменяет собой трагедию. Ярким примером подобного обращения к историческому материалу служит кинофильм «Карфаген в огне» (1960) реж. Кармине Галлоне, рассказывающий о времени Третьей Пунической войны и о ее знаменитом окончании, суть которого и вынесена в название. Безусловным центром киноповествования является не историческое событие, а непростая судьба римлянки Фульвии, любящей карфагенянина **Хирама**?. Данный фильм со множеством мелодраматических поворотов, погонями и клише является типичным примером псевдоисторического боевика - мелодрамы, столь популярного в те годы в Италии. Немного больше «истории» в фильме «Ганнибал» (1959) Карло Людовико Брагальи и Эдгара Дж. Улмера, повествующем о знаменитом переходе через Альпы и в целом о событиях Второй Пунической войны. Тем не менее, кинофильм создан по все тем же развлекательным канонам, и на первый план выходит любовная линия римлянки Сильвии и Ганнибала. Казалось бы, в кинофильмах,

посвященных ключевым событиям истории республиканского Рима, уж должно было найтись больше места славным подвигам и героям античности, а не любовным перипетиям зачастую выдуманных персонажей.

Несколько фильмов посвящены переходному периоду между республикой и империей, и в большей степени Юлию Цезарю «Юлий Цезарь и война с Галлами» (1962) реж. Танио Боччия, «Юлий Цезарь против пиратов» (1962) реж. Серджо Греко, «Гиганты Рима» (1964) реж. Антонио Маргерити о событиях Галльской войны. Были фильмы, так или иначе, связанные и с именем Клеопатры - «Легионы Клеопатры» (1959) реж. Витторио Коттафави, «Сын Клеопатры» (1964) реж. Фердинандо Балди, и даже комедия «Тото и Клеопатра» (1963) реж. Fernando Cerchio.

Как уже было сказано львиная доля кинопродукции того времени посвящена персонажам и событиям Рима императорского. Сложно как-то определенно классифицировать фильмы, поскольку выбор тем и персонажей довольно широк, однако многие из картин связаны с христианской тематикой. Следует указать следующие картины: совместное кинопроизведение нескольких режиссеров, включая Микеланджело Антониони, «В ознаменование Рима» (1959), повествующее о борьбе Пальмиры и Рима, а также любви пальмирской царицы Зенобии и римского офицера; «еще одна Мессалина»- «Мессалина, императрица Венеры» (1960) реж. Витторио Коттафави; «Завоевание Коринфа» (1961) реж. Марио Коста, посвященный истории любви между дочерью правителя Коринфа и римским центурионом на фоне драматических событий истории; «Константин Великий» (1962) реж. Лионелло Де Фелиса о судьбе императора, сделавшего христианство официальной религией; «Дворцовый переворот» (1964) реж. Альфонсо Брешия о заговоре против Домициана под предводительством центуриона преторианцев Валерия Руфуса; «Рим в огне» (1965) реж. Гуидо Малатеста об устроенном Нероном пожаре в Риме и о

преследованиях христиан; а также приключенческий фильм «Три центуриона» (1964) реж. Роберто Маури.

В части кинофильмов главной темой становится извержение Везувия, а роман Эдварда Джорджа Бульвера- Литтона «Последние дни Помпеи» был положен в основу как минимум двух фильмов, это франко- итальянский фильм «Конец Помпеи» (1950) реж. Марселя Л'Эрбье, Паоло Моффа и «Последние дни Помпеи» (1959) реж. Марио Боннара и Серджио Леоне. Сюжет романа, равно как и фильмов строится вокруг убийства отца центуриона Глациса и других таинственных убийств, попытки их раскрыть, обвинения в них христиан, и, в конце концов, извержения вулкана. Стоит также упомянуть снятый на близкую тему кинофильм «Год 79: Разрушение Геркуланума» (1962) реж. Джанфранко Паролини. Таким образом, в данных кинофильмах также прослеживается тема христианства.

Особую группу составляют фильмы так или иначе связанные с гладиаторами, здесь и «Восстание гладиаторов» (1958) реж. Витторио Коттафави о противостоянии гладиаторов и наемных войск жестокой принцессы *Амиры (?)*, и «Два гладиатора» (1964) реж. Марио Кайано о противостоянии, в том числе и на гладиаторской арене чудом выжившего в детстве брата Коммода Луция Краса и собственно Коммода, «Последний гладиатор» (1964) реж. Умберто Ленци о заговоре против Калигулы, и «Десять гладиаторов» (1963) реж. Джанфранко Паролини о заговоре против Нерона. В фильме «Падение Рима» (1963) реж. Антонио Маргерити рассказывается о перипетиях судьбы римского центуриона, принявшего христианство, но после смерти императора Константина подвергнутого гонениям и сражающегося за христиан на гладиаторской арене.

Были и приключенческие ленты вроде «Десять непобедимых гладиаторов» (1964) реж. Ник Ностро, «Восстание семи» (1964) реж. Альберто Де Мартино, «Римский гладиатор» (1962)

реж. Марио Коста, а также «Семь рабов против мира» (1964) реж. Микеле Лупо. С темой гладиаторов неразрывно связана и тема рабства, которая также находит отражение в кинофильмах того времени, зачастую переплетаясь с «гладиаторской». Самым ярким примером является, конечно, фильм «Спартак» (1953) реж. Риккардо Фреда, продолжает тему «Сын Спартака» (1962) реж. Серджио Корбуччи, фантазирующий на тему кем мог бы стать сын Спартака («экс-легионер решает идти по стопам отца и продемонстрировать римлянам всю обреченность рабовладельческого строя»²².) Фильм «Восстание рабов» (1960) реж. Нунцио Малакоммы также связан с христианской тематикой.

Немаловажно и то, что появляются комедийные киноленты, в которых, как правило, высмеиваются пороки и развращенность императорского Рима. Франко - итальянский фильм «Мой сын Нерон» (1956) реж. Стено, «Вакханалии Тиберия» (1960) реж. Джорджо Симонелли, «Сатирикон» (1969) реж. Джана Луиджи Полидоро, «Поппея, римская шлюха» (1972) реж. Альфонсо Брешия, «Мессалина, Мессалина!» (1977) реж. Бруно Корбуччи и т.д. Свой собственный взгляд на порочное римское общество предлагает известный режиссер Федерико Феллини в кинофильме «Сатирикон - Феллини» (1969). Вышедший в один год с ранее указанной одноименной комедией, фильм также основывается на книге Петрония Арбитра, но предлагает иное прочтение. С. Кудрявцев пишет: «Феллини реконструирует с удивительной, почти конгениальной убедительностью атмосферу заката культуры Римской империи в период 50-60-х годов нашей эры на основе дошедших отрывков из романа Петрония Арбитра. И эта «римская фреска» режиссёра выражает его страх и отчаяние по

²² Из описания фильма на сайте «Кинопоиск» // <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/92109>.

поводу судеб современной цивилизации и культуры»²³. Опасения и тревоги Феллини были не напрасны. Для итальянского кино 70-х в целом характерно и типично становится широкое обращение к эротическим мотивам в кино о Древнем Риме. Пожалуй, самый известный фильм подобного жанра, это «Калигула» (1979) реж. Тинто Брасса, созданный совместно кинематографистами США и Италии. Изобилующий эротическими, а порой порнографическими сценами, фильм, несомненно «наделал много шума». С. Кудрявцев в рецензии на данный фильм отмечает: «Претензии постановщика на анализ механизма власти и диктатуры, калечивших даже тех, кто оказался во главе империи, довольно скоро (и окончательно) уступили место скандальному и эпатажирующему показу жестокости и разгула правителей Древнего Рима»²⁴. Подобный взгляд довольно точно характеризует данный кинофильм и в целом образ изображенного в нем Древнего Рима. Чрезмерная актуализация на эротических моментах, относит фильм уже к совсем иному жанру, весьма далекому от эпического кино. Однако, «Калигула» вводит определенную моду на подобные фильмы. Появляются чрезмерно откровенные ленты вроде «Нерон и Поппья» (1982) реж. Бруно Маттеи, Антонио Пассалия, «Рабы Калигулы» (1985) реж. Лоренцо Онорати и др. На лицо кризис жанра.

В современном кинематографе «пальму первенства» по съемке фильмов о Риме, итальянцы окончательно уступили Голливуду. Заметных эпических масштабных картин о Древнем Риме, ставших визитной карточкой итальянцев столетие назад, и колоссального количества кинофильмов как в середине века, в современном кино мы не наблюдаем. Италия, как правило, фигу-

²³ Кудрявцев С.В. 3500. Книга кинокритик [Б.м.], 2008. Кн. 1–2. // <http://www.kinopoisk.ru/level/3/review/929010>.

²⁴ Кудрявцев С.В. 3500. Книга кинокритик [Б.м.], 2008. Кн. 1–2. // <http://www.kinopoisk.ru/level/3/review/872548>.

рирует лишь в общеевропейских лентах, наряду с множеством других стран, например как в телевизионном фильме «Римская империя: Август» (2003) реж. Роджер Янг, или в фильме о Нероне аналогичной серии. Возможно сам эпический жанр, в котором так преуспели итальянцы, уже не отвечает запросам времени, или современная Италия идет по совсем иному пути, чем Древний Рим шел на протяжении его долгой и такой разной истории.

Сведения об авторах

- Ашаева Анастасия* (ashaeva.nv@gmail.com) – студентка Казанского (Приволжского) Федерального университета. Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Е.А. Чиглинцев.
- Берзон Екатерина* (miss.ekber@yandex.ru) – студентка Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. О.Ю. Климов.
- Валова Екатерина* (katy20.10@mail.ru) – магистрант Саратовского государственного университета. Научный руководитель: канд. филос. наук, доц. Л.А. Ларина.
- Венцова Марина* (MVentsova@gmail.com) – аспирантка Донецкого Национального университета. Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Л.Г. Шепко.
- Востриков Игорь* (igor-vostrikov@bk.ru) – студент Казанского (Приволжского) Федерального университета. Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Э.В. Рунг.
- Гуськов Евгений* (ducuntfata@mail.ru) – аспирант Саратовского государственного технического университета. Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. В.Н. Парфенов.
- Змитрякова Юлия* (juliazmitr@gmail.com) – аспирантка Казанского (Приволжского) Федерального университета. Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Э.В. Рунг.
- Иващенко Михаил* (scriptum2010@yandex.ru) – магистрант Саратовского государственного университета. Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. В.И. Кац.
- Колоколова Наталия* (12.natalia@mail.ru) – магистрант Саратовского государственного университета. Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Е.В. Смыков.
- Кондрашук Руслан* (artyom-skvorcov@yandex.ru) – студент Челябинского государственного университета. Научный руководитель: канд. ист. наук А.М. Скворцов.

- Корнейчук Петр* (corneichuk.peotr2010@yandex.ru) – магистрант Саратовского государственного университета. Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. С.Ю. Монахов.
- Лушина Мария* (maria_lushina@mail.ru) – студентка Саратовского государственного университета. Научный руководитель: А.А. Савинов.
- Макаров Евгений* (e_makarov86@mail.ru) – аспирант Тульского государственного педагогического университета. Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. И.Г. Зубарев
- Масалова Кристина* (k.masalova@gmail.com) – аспирантка Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины. Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Е.А. Романова.
- Мастридзе Денис* (denis-mastridzev@yandex.ru) – магистрант Саратовского государственного университета. Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. С.Ю. Монахов.
- Меркулов Иван* (merkulov-i@bk.ru) – аспирант Волгоградского государственного университета. Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. В.М. Клепиков.
- Нестеренко Алексей* (artyom-skvorcov@yandex.ru) – студент Челябинского государственного университета. Научный руководитель: канд. ист. наук А.М. Скворцов.
- Фрешер Юлия* (fresher@mail.ru) – студентка Саратовского государственного университета. Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. С.Ю. Монахов.
- Чернышов Леонид* (postfactum87@gmail.com) – студент Калужского государственного университета. Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Я.Ю. Межерицкий.
- Шашлова Татьяна* (tjuphjashechka@mail.ru) – магистрант Саратовского государственного университета, научный руководитель: д-р ист. наук, проф. С.Ю. Монахов.
- Шелестин Владимир* (Vladimir-shelestin@yandex.ru) – аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук. Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. А.А. Немировский.

Научное издание

ANTIQUITAS IVVENTAE

Сборник статей студентов и аспирантов

Выпуск 8–9

Ответственные за выпуск *Е. В. Смыков, А. А. Савинов*

Оригинал-макет подготовила *Н. Б. Чурекова*

Подписано в печать 04.04.11. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 15,58 (16,75). Тираж 100. Заказ № 50-Т

Издательство Саратовского университета.

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Типография Саратовского университета.

410012, Саратов, Б. Казачья, 112а.

Тел.: (845-2) 27-33-85.

